

ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Economics.
Management. Law”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
часть 2
2019

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

08.00.00 Economics:

08.00.01 Economic theory

08.00.05 Economics and management of national economy

08.00.10 Finance, money circulation and credit

08.00.14 World economics

12.00.00 Jurisprudence:

12.00.03 Civil law, Business law, Family law

12.00.04 Financial law, Tax law, Budget law International private law

12.00.10 International law, European law

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

tel: +7 (499) 973-40-96

e-mail: ynic2010@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.00 Экономика:

08.00.01 Экономическая теория

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит

08.00.14 Мировая экономика

12.00.00 Юриспруденция:

12.00.03 Гражданское право, Предпринимательское право, Семейное право

12.00.04 Финансовое право, Налоговое право, Бюджетное право,
Международное частное право

12.00.10 Международное право, Европейское право

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Тел: +7 (499) 973-40-96

электронный адрес: unic2010@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

N.I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.I. Ovchinnikova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

V.A. Umnov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

Joachim Foltys, Dr. of Sci. (Economics), professor, Opole University of Technology, Opole, Poland

Veliko I. Zhekov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Institute of Stimulation of Economics, Varna, Bulgaria

L.I. Glukhareva, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Ilyushina, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University of Jurisprudence, Moscow, Russian Federation

O.A. Rouzakova, Dr. of Sci. (Law), professor, Committee apparatus of State Duma of the Russian Federation for state building and legislature, Moscow, Russian Federation

I.I. Rodionov, Dr. of Sci. (Economics), professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation

K.V. Ekimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor (RSUH)

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor (RSUH)
(*executive secretary of the series*)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Н.И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.В. Овчинникова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.А. Умнов, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Фолтыс Иоахим Петр, доктор экономических наук, профессор, Опольский политехнический институт, Ополье, Польша

Жеков Велико Иванов, доктор экономических наук, профессор, Институт стимулирования экономики, Варна, Болгария

Л.И. Глухарева, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет юстиции, Москва, Российская Федерация

О.А. Рузакова, доктор юридических наук, профессор, Комитет Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, Москва, Российская Федерация

И.И. Родионов, доктор экономических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

К.В. Екимова, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент (РГГУ)

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент (РГГУ)
(*ответственный секретарь серии*)

СОДЕРЖАНИЕ

Управление

<i>Надежда И. Архипова, Святослав В. Назайкинский</i> Кадровый потенциал российской экономики: угрозы и возможности	154
<i>Ольга Б. Дигилина, Ирина Б. Тесленко</i> Трансформация рынка труда в условиях цифровизации	166
<i>Яна С. Курьшова</i> Современные рыночные инструменты и анализ их использования на предприятиях конгрессно-выставочной деятельности	181
<i>Галина Е. Кедрова</i> Результаты реализации пилотных инновационных проектов массовых открытых онлайн-курсов в странах Юго-Восточной Азии	194

Экономика

<i>Владимир М. Кутовой, А. Дулгуун</i> Цифровая экономика Монголии в контексте развития мировой цифровой экономики	209
<i>Ярослав О. Зубов</i> Формирование модели ценообразования с использованием индивидуальных характеристик (на примере спортивных инвестиций)	220
<i>Сергей В. Еремин</i> Технологические инновации – путь к неисчерпаемости природного ресурса (на примере газовой отрасли)	235
<i>Алексей В. Дрыночкин, Егор А. Сергеев</i> Эволюция привлечения прямых иностранных инвестиций в Венгрию	247
<i>Лидия А. Чебанова</i> Геополитические и социально-экономические последствия распада СССР	262
<i>Сергей И. Беленчук, Екатерина Б. Покровская</i> Внешняя торговля Российской Федерации – время переосмысления	277

Право

Анна В. Милохова

Механизмы обеспечения безопасности гражданских правоотношений	292
---	-----

Книжная полка

Станислав В. Тимофеев

Рецензия на монографию «Социогуманитарные смыслы и значения права» / Л.И. Глухарева, П.Е. Земскова, В.Ф. Калина, Г.Ю. Курскова, М.И. Лавицкая, Е.И. Тимина, В.А. Цыгановкин / Под ред. Л.И. Глухаревой. М.: РУСАЙНС, 2019. 254 с.	299
--	-----

CONTENTS

Management

<i>Nadeshda I. Arkhipova, Svyatoslav V. Nazaikinskii</i> Human resources potential of the Russian economy: threats and opportunities	154
<i>Olga B. Digilina, Irina B. Teslenko</i> Transformation of the labor market in the context of digitalization	166
<i>Yana S. Kuryshova</i> Modern market instruments and analysis of using it at the enterprises of congress and exhibition activities	181
<i>Galina E. Kedrova</i> Results of implementation of pilot innovative projects on mass open online courses in the Southeast Asia	194

Economy

<i>Vladimir M. Kutovoi, A. Dulguun</i> Mongolia's digital economy in the context of the global digital economy	209
<i>Iaroslav O. Zubov</i> The formation of a pricing model using individual characteristics (by an example of sports investment)	220
<i>Sergey V. Eremin</i> Technological innovation: the path to the inexhaustibility of natural resources (the gas industry example)	235
<i>Alexei V. Drynochkin, Egor A. Sergeev</i> Evolution of foreign direct investments to Hungary	247
<i>Lidiya A. Chebanova</i> Geopolitical and social-economic consequences of the USSR disintegration	262
<i>Sergei I. Belenchuk, Ekaterina B. Pokrovskaya</i> Foreign trade of the Russian Federation – time to rethink	277

Law

- Anna V. Milokhova*
Mechanisms for ensuring the security of civil relations 292

Bookshelf

- Stanislav V. Timofeev*
Monograph review "Socio-humanitarian sense and meanings of law" /
L.I. Glukhareva, P.E. Zemskova, V.F. Kalina, G.Yu. Kurskova,
M.I. Lavitskaya, E.I. Timina, V.A. Tsyganovkin / Ed. L.I. Glukhareva.
M.: RUSAINS, 2019. 254 pages 299

Управление

УДК 005.95

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-154-165

Кадровый потенциал российской экономики: угрозы и возможности

Надежда И. Архипова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, 2506539@mail.ru*

Святослав В. Назайкинский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svyatoslavrsuh@gmail.com*

Аннотация. В статье приведены результаты проведенного авторами исследования кадрового потенциала российской экономики. В результате анализа основных показателей кадрового потенциала выявлены угрозы устойчивому развитию экономики и показаны возможности их минимизации.

Ключевые слова: кадры, потенциал, экономика, угрозы, возможности

Для цитирования: Архипова Н.И., Назайкинский С.В. Кадровый потенциал российской экономики: угрозы и возможности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 154–165. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-154-165

Human resources potential of the Russian economy: risks and opportunities

Nadezhda I. Arkhipova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, 2506539@mail.ru*

Svyatoslav V. Nazaikinskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, svyatoslavrsuh@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of the authors' study of the personnel potential of the Russian economy. Following the analysis of the main indicators of personnel potential, the risks for the sustainable development in the economy are identified and the possibilities of their minimization are shown.

Keywords: personnel, potential, economy, risks, opportunities

© Архипова Н.И., Назайкинский С.В., 2019

For citation: Arkhipova, N.I. and Nazaikinskii, S.V. (2019), "Human resources potential of the Russian economy: risks and opportunities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 4, pp. 154-65, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-154-165

Одной из стратегических целей Российской Федерации является обеспечение ее устойчивого развития с целью эффективного использования научно-технического потенциала, человеческого и природного капитала в долгосрочной перспективе. Одним из важных факторов устойчивого развития страны является ее кадровый потенциал.

Следует отметить, что в Концепции устойчивого развития, которая была декларирована членами-государствами ООН в 2015 г. в итоговом документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹, в число семнадцати приоритетных целей устойчивого развития вошли «действие полной и производительной занятости и достойной работе для всех», а также «обеспечение всеохватного и качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех».

С целью реализации Концепции устойчивого развития в Российской Федерации приняты нормативно-правовые документы, национальные проекты и приоритетные государственные программы по двенадцати направлениям стратегического развития страны, которые установлены Указом Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Одним из важнейших условий реализации разработанных стратегических планов является уровень кадрового потенциала страны, именно поэтому в качестве обязательного раздела данных стратегических документов включены такие, как «Кадры и образование», «Человеческий потенциал», «кадровое обеспечение» и т. д.

Оценим состояние кадрового потенциала страны по следующим показателям:

- численность населения;
- доля трудоспособного населения в общей численности населения;

¹ Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals> (дата обращения 01.12.2019).

- коэффициент демографической нагрузки (количество нетрудоспособных на 1000 лиц трудоспособного возраста);
- коэффициент напряженности на рынке труда (численность незанятых граждан, состоящих на регистрационном учете в органах службы занятости, в расчете на 100 вакансий, заявленных работодателями в органы службы занятости);
- коэффициент производительности труда;
- степень владения гражданами необходимыми компетенциями, в том числе цифровыми компетенциями.

Рассмотрим современное состояние кадрового потенциала российской экономики по данным показателям с точки зрения угроз устойчивому развитию страны.

Численность населения. Начиная с 2016 г. в России замедлился рост рождаемости, а темпы снижения смертности оказались недостаточными для обеспечения естественного прироста населения (см. табл.).

Таблица 1

Естественное движение населения, чел.

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост, убыль
2016	1 888 729	1 891 015	– 2286
2017	1 690 307	1 826 125	–135 818
2018	1 604 344	1 828 910	–224 566

Данная тенденция сохраняется и в 2019 г.

В соответствии со статистическими данными Росстата, в 2018 г. численность населения России составляла 146,9 млн человек, по состоянию на сентябрь 2019 г. уменьшилась на 100 тысяч и составляет 146,8 млн человек.

Доля трудоспособного населения в общей численности населения. Наряду с естественной убылью населения в России происходит снижение численности населения трудоспособного возраста (см. рис. 1).

Как видно из рис. 1, если в 2010 г. к лицам трудоспособного возраста относилось 87 983 тысяч человек, что составляло 61,3% от общей численности населения, то в 2018 г. – только 56,0%.

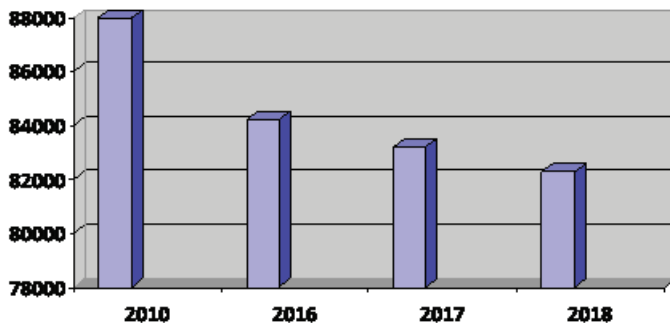

Рис. 1. Численность населения трудоспособного возраста, тыс. чел.

Согласно прогнозным данным, эта тенденция сохранится и в ближайшие годы. Например, по состоянию на сентябрь 2019 г. численность населения трудоспособного возраста снизилась до 72 207 тысяч человек, при этом только 95,5% из них заняты экономической деятельностью.

Таким образом, естественная убыль населения и дефицит трудовых ресурсов создают угрозу устойчивому развитию страны.

Решение этой проблемы связано, с одной стороны, с увеличением уровня рождаемости и снижением уровня смертности населения, а с другой – с привлечением в отечественную экономику работников из других стран.

С целью минимизации угрозы естественной убыли населения и дефицита трудовых ресурсов в России разработан национальный проект «Демография», который включает пять федеральных проектов, предусматривающих поддержку семей при рождении детей, содействие занятости женщин с детьми в возрасте до трех лет, укрепление общественного здоровья, формирование здорового образа жизни и поддержку старшего поколения.

Согласно паспорту национального проекта «Демография», к 2024 г. предусматривается увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 детей на одну женщину (в 2018 г. – 1,6); снижение уровня смертности населения с 37,9 (2018 г.) до 36,1 человека на 1000 человек старше трудоспособного возраста; увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой².

² Паспорт национального проекта «Демография». Утвержден президентом Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

Другим направлением минимизации угрозы дефицита трудовых ресурсов является привлечение в страну мигрантов.

Как отмечено в отчете Международной организации по миграции (МОМ) за 2018 г., в большинстве стран с дефицитом трудовых ресурсов проводится политика привлечения трудовых мигрантов из других стран. Например, в 2018 г. из 244 млн международных мигрантов (3,3% населения планеты) число беженцев составляет около 22 млн, а значительная часть – это трудовые мигранты³.

В России миграционный приток в 2012–2017 гг. составил более 1,6 млн человек, а среднегодовая численность мигрантов – иностранных граждан, работающих в отечественных организациях, – около 3 млн человек⁴.

Привлечение трудовых мигрантов в Россию, с одной стороны, позволяет восполнить недостаток трудовых ресурсов и заполнить вакансии, которые не востребованы местным населением, а с другой стороны, в случае привлечения высококвалифицированных и квалифицированных специалистов повысить уровень человеческого капитала страны.

Согласно данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, уровень трудовой миграции в Российской Федерации постоянно растет. Например, только за январь–сентябрь 2019 г. было оформлено 91 391 разрешение на работу иностранным гражданам (в 2018 г. за аналогичный период – 89 756) и 1 389 689 патентов (в 2018 г. – 1 271 938). Замена механизма квотирования рабочих мест для граждан из стран СНГ разрешительным порядком осуществления трудовой деятельности по патенту обусловила увеличение их притока в Россию. Например, по данным Росстата в 2018 г. 94,8% иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России, являлись выходцами из стран СНГ.

Вместе с тем, согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, одной из основных задач является привлечение в страну иностранных граждан, которые благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям могут содействовать экономическому и культурному развитию России⁵.

³ Word migration report 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018> (дата обращения 12.11.2019).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

⁵ Там же.

В последние годы отмечается негативная тенденция снижения доли иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов в общем потоке мигрантов. Например, в январе–сентябре 2019 г. только 25 715 иностранных граждан, получивших разрешение на работу в России, относились к категории высококвалифицированных специалистов. Одной из причин такой ситуации является введение экономических санкций в отношении России.

С целью увеличения притока высококвалифицированных специалистов из-за рубежа необходимо повышать миграционную привлекательность Российской Федерации, активнее реализовывать программы по привлечению в Россию на постоянное место жительства соотечественников, которые проживают за рубежом, а также перспективной молодежи за счет расширения программ экспорта образования, повышения академической мобильности студентов и т. д. [Седова 2019].

Вместе с тем следует отметить, что при неконтролируемом росте количества мигрантов возникает вероятность социальных рисков, в частности, угроза межнациональных и социокультурных конфликтов в обществе.

Коэффициент демографической нагрузки.

Одной из угроз устойчивому развитию экономики страны является увеличение коэффициента демографической нагрузки. Если в 2017 г. коэффициент демографической нагрузки составлял 764 человека, то согласно Демографическому прогнозу до 2030 г. он увеличится до 865 (при низком варианте прогноза) и до 884 (при высоком варианте прогноза)⁶.

Как отмечают специалисты, в перспективе будет наблюдаться увеличение как доли, так и абсолютной численности лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения страны.

Коэффициент напряженности на рынке труда

По данным Росстата, численность безработных граждан на конец октября 2019 г. составила 645 390 тыс. человек, т. е. 47 безработных на 100 вакансий. Таким образом, в целом по Российской Федерации можно отметить низкий уровень коэффициента напряженности на рынке труда, что характеризует его стабильность.

⁶ Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 05.12.2019).

Однако следует отметить большие различия уровня безработицы как в региональном, так и в отраслевом разрезе. Например, в ряде субъектов Российской Федерации коэффициент напряженности на рынке труда превышает среднероссийский уровень в несколько раз. Так, в Республике Ингушетия коэффициент напряженности составляет 10 787 человек на 100 вакансий; в Чеченской Республике – 2872; в Республике Дагестан – 2076. В то же время коэффициент напряженности на рынке труда в Амурской области равен 13 человек на 100 вакансий; в Сахалинской области – 15; в Приморском крае – 16⁷.

Такая дифференциация обусловлена неравномерным развитием регионов, разной плотностью населения, дисбалансом рынков труда и образования.

Таким образом, не все граждане страны, проживающие в разных регионах, имеют полную занятость и достойную работу. Это обуславливает широкое развитие программ внутренней региональной трудовой мобильности из регионов с высоким уровнем напряженности на рынке труда в трудоизбыточные регионы.

По данным Росстата, начиная с 2012 г. отмечается ежегодное увеличение внутренней миграции граждан. Так, в 2017 г. более 4 млн россиян работали не в регионах своего проживания.

Часто это приводит к появлению социальных проблем в обществе: плохие условия проживания, ухудшение здоровья, отрыв от семьи и др. Более того, большинство «внутренних мигрантов» приезжают трудиться в крупные города Центрального федерального округа, что, с одной стороны, замедляет экономическое развитие регионов, а с другой стороны, часто является причиной социальных конфликтов в крупных городах.

С целью содействия эффективной занятости населения и мобильности трудовых ресурсов целесообразно шире применять формы дистанционной занятости работников. Удаленный режим работы может способствовать повышению занятости жителей моногородов, людей с ограниченными возможностями здоровья, студентов, молодых специалистов, женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми до трех лет и др. Кроме того, работа в режиме удаленной занятости способствует повышению производительности труда работников в результате более эффективного использования рабочего времени.

По данным Росстата, в 2014 г. количество удаленных работников составляло 2,5 млн человек, в 2017 г. – 5 млн человек, в 2019 г. –

⁷ Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/inform/1> (дата обращения 22.11.2019).

около 14 млн человек, т. е. примерно 10% от общей численности экономической активной занятого населения.

Наибольшее распространение дистанционная занятость получила в сфере информационно-коммуникационных технологий (24%), продаж (18%), финансов и бухгалтерии (11%), рекрутинга (10%), дизайна (9%), маркетинга, юриспруденции и проектирования (по 4%).

Вместе с тем темпы развития дистанционной занятости работников в нашей стране значительно отстают как от мировых тенденций (40% компаний в развитых странах в той или иной степени используют формы дистанционной занятости работников), так и от прогнозов консалтинговых компаний, согласно которым к 2020 г. 20% отечественных работников должны были перейти на дистанционную форму занятости⁸.

Однако первостепенное значение для устойчивого развития экономики в условиях ограниченности трудовых ресурсов и повышения коэффициента демографической нагрузки имеет повышение производительности труда.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в России отставание в уровне производительности от ведущих стран составляет почти 2 раза.

Основными причинами низкой производительности труда российских работников, по мнению специалистов, являются устаревшие технологии и методы производства, высокий уровень износа оборудования, неэффективная организация труда, дефицит рабочих кадров, недостаточный уровень квалификации работников [Седова 2018а].

С целью обеспечения роста производительности труда в Российской Федерации разработан и реализуется национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». Основной целью национального проекта является обеспечение роста производительности труда на средних и крупных отечественных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год. По прогнозным данным, участие в проекте должны принять не менее 10 тысяч средних и крупных предприятий во всех субъектах Российской Федерации.

Для достижения целей национального проекта предусматривается разработка региональных программ повышения производительности труда и создание новых форматов взаимодействия с биз-

⁸ Аналитики: к 2020 г. 20% россиян будут работать удаленно [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/finance/17jun2015/rudstnt.html> (дата обращения 22.11.2019).

несом; стимулирование предприятий, участвующих в реализации проекта, к повышению производительности труда; вовлечение в реализацию программ компаний-партнеров⁹.

Решение задачи повышения производительности труда невозможно без удовлетворения возрастающего спроса предприятий на высококвалифицированные кадры, которые обладают высоким уровнем профессиональной компетенции. При этом важное значение имеет обучение управленческого звена регионов и предприятий вопросам повышения производительности труда.

Большое значение в подготовке квалифицированных кадров, соответствующих требованиям современного рынка, имеют профессиональные стандарты, которые регламентируют требования к компетенциям работников [Архипова, Орел, Седова 2014].

Согласно паспорту Национального проекта, предусматривается привлечение в 2024 г. к участию в его реализации 85 регионов, создание 65 региональных центров компетенций для обучения руководителей по программе управленческих навыков для повышения производительности труда.

Большое значение в подготовке квалифицированных кадров имеют профессиональные стандарты, в которых регулируются требования к квалификации, которые важны для повышения квалификации кадров.

Одним из мероприятий программы повышения производительности труда является создание ИТ-платформы управленческой и технологической компетенции, которая позволит обеспечить доступ территориально распределенных участников программы к единой, регулярно обновляемой базе знаний, информационным материалам по тематике повышения производительности труда. В настоящее время на ИТ-платформе зарегистрировано 7 970 пользователей, которые имеют доступ к 20 учебным материалам и курсам по вопросам производительности труда. В соответствии с Паспортом национального проекта, к 2024 г. запланировано увеличить количество пользователей до 82 820, а учебных материалов и курсов – до 80¹⁰.

ИТ-платформа должна обеспечить возможность доступа участников проекта к базе данных для сопоставления показателей

⁹ Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». Утвержден решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.).

¹⁰ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/R7yQPZhHycRk60uHWCN3gz2gMTHfNJmi.pdf> (дата обращения 22.11.2019).

производительности труда (бенчмаркинга), где предприятия могут получить рейтинг производительности труда, а также к электронной торговой площадке «Маркетплейс», где предприятия могут подобрать подходящую компанию-провайдера экспертной и консультационной поддержки или образовательных услуг в сфере повышения производительности труда [Седова 2018b].

Таким образом, повышение производительности труда невозможно без формирования целостной системы воспроизводства кадров в условиях развития цифровой экономики.

Чтобы обеспечить цифровую экономику компетентными кадрами, в системе образования, с одной стороны, необходимо увеличить выпуск специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий, а с другой стороны, обеспечить всеобщую цифровую грамотность населения.

По уровню готовности граждан к цифровой экономике, по данным ООН, Россия занимает только 41 место¹¹. При этом лидерами рейтинга являются страны, в которых уже осуществлена трансформация образовательной системы с учетом возможностей цифровых технологий. В связи с этим необходимо активнее внедрять программы обучения населения цифровым навыкам. Согласно паспорту программы «Цифровая экономика России», к 2024 г. доля населения, обладающего цифровыми навыками, должна быть увеличена до 40%.

Решение этой задачи возможно только при условии создания единого портала, доступного всем категориям граждан и обеспечивающего для каждого пользователя доступ к онлайн-курсам по цифровой грамотности по принципу «одного окна». Только в этом случае будут созданы условия для непрерывного обучения граждан и непрерывной актуализации их цифровых компетенций [Архипова, Назайкинский, Седова 2018].

В настоящее время в России число специалистов в области информационно-коммуникационных технологий составляет примерно 1,5% от общего количества занятых в экономике, в то время как в развитых странах этот показатель варьируется от 3 до 5%¹².

С целью обеспечения экономики специалистами в области информационно-коммуникационных технологий запланировано

¹¹Перспективы и проблемы развития цифровой экономики в России / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации // Аналитический вестник. 2017. № 31 (687).

¹²Цифровая экономика – будущее, которое уже с нами [Электронный ресурс]. URL:<http://ac.gov.ru/events/014533.html>) (дата обращения: 22.11.2019).

к 2024 г. увеличить количество выпускников в системе высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в сфере информационно-коммуникационных технологий на среднемировом уровне, до 800 тысяч в год.

Таким образом, только комплексное решение проблем кадрового потенциала российской экономики позволит обеспечить ее устойчивое развитие.

Литература

- Архипова, Назайкинский, Седова 2018 – *Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л.* Подготовка кадров в условиях цифровой экономики // Управление человеческими ресурсами: теория, практика, перспективы: Сборник научных трудов / Ред. С.И. Сотникова. Новосибирск, 2018. С. 38–48.
- Архипова, Орел, Седова 2014 – *Архипова Н.И., Орел Т.Я., Седова О.Л.* Профессиональные стандарты как инструмент повышения конкурентоспособности российских предприятий // Вестник РГГУ. Серия «Управление». 2014. № 3 (125). С. 9–17.
- Седова 2019 – *Седова О.Л.* Миграционная политика как фактор повышения кадрового потенциала российской экономики // Экономика России: Новые реалии и стратегии прорыва: Сб. науч. трудов / Ред. Н.И. Архипова. М.: РГГУ, 2019. С. 185–191.
- Седова 2018 – *Седова О.Л.* Кадровый потенциал российской экономики: современное состояние и перспективы развития // Экономика России: стратегические задачи и пути их решения: Сб. статей по итогам междунар. науч. конф. 15 марта 2018 г. (XVIII Чайновские чтения). М.: РГГУ, 2018. С. 152–160.

References

- Arkhipova, N.I., Nazaykinskiy, S.V. and Sedova, O.L. (2018), "Training in the digital economy", *Upravlenie chelovecheskimi resursami: teoriya, praktika, perspektivy: Sbornik nauchnykh трудов* [Human resource management. Theory, practice, and perspectives. A Collection of scientific papers] S.I. Sotnikova (ed.), Novosibirsk, Russia, 2018. pp. 38-48.
- Arkhipova, N.I., Orel, T.Ya. and Sedova, O.L. (2014), "Professional standards as an instrument of increasing competitiveness of Russian enterprises", *RSUH/RGGU Bulletin. Management Series*, no 3 (125), pp. 9-17.
- Sedova, O.L. (2018), "Human resources potential of the Russian economy. Current state and development prospects", *Ekonomika Rossii: novye realii i strategii proryva: Sbornik nauchnykh трудов* [The Economy of Russia. New Realities and Breakthrough Strategies. A Collection of Scientific Papers], N.I. Arkhipova(ed.), RSUH, Moscow, Russia, pp. 152-160.

Sedova, O.L. (2019), "Migration policy as a factor of increasing the human resources potential of the Russian economy", *Ekonomika Rossii: novye realii i strategii proryva: Sbornik nauchnykh trudov* [The Economy of Russia. New Realities and Breakthrough Strategies. A Collection of Scientific Papers], N.I. Arkhipova (ed.), RSUH, Moscow, Russia, pp.185-191.

Информация об авторах

Надежда И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; 2506539@mail.ru

Святослав В. Назайкинский, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; svyatoslavrsuh@gmail.com

Information about the authors

Nadezhda I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; 2506539@mail.ru

Svyatoslav V. Nazaikinskii, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; svyatoslavrsuh@gmail.com

Трансформация рынка труда в условиях цифровизации

Ольга Б. Дигилина

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия, digilina_ob@pfur.ru*

Ирина Б. Тесленко

*Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия,
iteslenko@inbox.ru*

Аннотация. В статье исследовано влияние цифровизации отраслей экономики на состояние рынка труда России. Цифровизация отраслей экономики приводит не только к изменению структуры занятости в отраслях, связанных с ИТ-технологиями, но и принципиально изменяет спрос на трудовые ресурсы и их предложение в экономике в целом. Причем изменения происходят столь стремительно, что система образования не в состоянии успеть за этим процессом. С одной стороны, растет востребованность специалистов интеллектуального труда не только в сфере высоких технологий, но и в сфере обслуживания населения (образование, здравоохранение, страхование и т. д.); с другой стороны, внедрение искусственного интеллекта приведет не столько к повышению эффективности работы человека, сколько к его постепенному вытеснению из оцифрованных процессов.

В этих условиях серьезные трансформации, которые происходят повсеместно из-за внедрения глобальных сетей, требуют новых форматов управления и организации деятельности. Это прежде всего относится к работе служб занятости, системы образования и подготовки кадров, упреждающие мероприятия которых помогут смягчить остроту безработицы.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, цифровая экономика, мобильная экономика, цифровая инфраструктура, цифровизация отраслей

Для цитирования: Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 166–181. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180

© Дигилина О.Б., Тесленко И.Б., 2019

Transformation of the labor market in the context of digitalization

Olga B. Digilina

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
digilina_ob@pfur.ru*

Irina B. Teslenko

*A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia,
iteslenko@inbox.ru*

Abstract. The article investigates the effect of digitalization of economic sectors on the state of the Russian labor market. Digitalization of economic sectors not only leads to a change in the structure of employment in industries related to IT technologies, but also fundamentally changes the demand for labor resources and their supply in the economy as a whole. Moreover, changes are happening so rapidly that the education system is not able to keep up with this process. On the one hand, the demand for specialists in intellectual work is growing not only in high technology, but also in the field of public services (education, healthcare, insurance, etc.); on the other hand – introducing the artificial intelligence will lead not so much to an increase in the efficiency of a person's work as to its gradual displacement from digitized processes.

Under those conditions, serious transformations that are taking place everywhere due to the introduction of global networks require new formats of the activities management and organization. That primarily refers to the employment services, the education and training system, whose proactive measures will help to alleviate the unemployment severity.

Keywords: labor market, employment, unemployment, digital economy, mobile economy, digital infrastructure, digitalization of industries

For citation: Digilina, O.B. and Teslenko, I.B. (2019), "Transformation of the labor market in the context of digitalization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 166-81, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180

Введение

Реалиями последних лет стало быстрое развитие цифровых технологий, которые видоизменяют человеческую деятельность во многих сферах. Эти изменения привели к становлению нового качества жизни, когда у людей меняются приоритеты, первостепенными становятся потребности в интеллектуальном развитии

и самореализации путем повышения образовательного уровня и квалификации. В условиях истощения всех видов ресурсов именно научные знания, информация превращаются в реальную производительную силу общества. Это проявляется в том, что научно-технический прогресс расширяет возможности человека, сокращая время производства, развивая новые виды деятельности, высвобождая рабочую силу, перераспределяя ее между отраслями экономики. Все эти процессы оказывают огромное влияние на национальный рынок труда.

Целью данной статьи является выявление проблем рынка труда, вызванных стремительным развитием цифровой экономики. Эти проблемы не только затрагивают структурные преобразования этого рынка, но и бросают серьезный вызов системе образования и всем отраслям сферы услуг, а также государственной политике на рынке труда, приоритеты которой должны быть пересмотрены.

Вклад цифровой экономики в создание ВВП

Аналитики по всему миру уже подсчитывают вклад цифровой экономики в создание ВВП. В Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) отметили заметный рост доли цифровой экономики и связанных рынков в производстве российского ВВП. В 2018 г. он составил 5,1%, что на 11% больше по сравнению с показателями 2017 г. и даже больше, чем вклад сельского хозяйства (его доля в ВВП составила только 4%). Мировая тенденция такова: чем более развита экономика страны, тем меньше вклад в нее сельского хозяйства (например, доля его в экономике США и Японии – 1,1%, Германии – 0,6%)¹.

В 2018 г. аудитория Рунета составляла 87,7 миллиона (71% населения России). Впервые мобильная аудитория превысила десктопную (24,3 млн чел. и 13,9 млн чел. соответственно)².

Согласно имеющимся данным, влияние интернет-рынков на экономику растет на 11% в год, и к 2021 г. вклад только интернет-рынков в ВВП составит 4,7%. В интернет-отрасли работает порядка 2,3 млн человек, в том числе самозанятые.

¹ Каменева К. Сложили усилия [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/11/26/velichilsia-vklad-cifrovoj-ekonomiki-v-prirost-vvp.html> (дата обращения 26.11.2018).

² Итоги года: цифры, факты, события, прогнозы // РУНЕТ. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://runet-id.com/event/itogi2018> (дата обращения 15.12.2018).

По словам экспертов, общий объем ВВП в 107 из 190 стран (например, таких как Беларусь, Литва, Словения) ниже, чем отдельно взятая мобильная интернет-экономика РФ³.

По данным РАЭК и ВШЭ, количество рабочих мест, связанных с сектором мобильных приложений, составило 217 тысяч. Этот показатель за 2018 г. вырос почти на четверть. Мобильные технологии в своей деятельности использовали 97% компаний.

Общий вклад цифровой экономики страны складывается за счет составляющих ее структурных элементов, элементов так называемой экосистемы, которая включает в себя такие направления (хабы), как: государство и общество, образование и кадры, кибербезопасность, инфраструктура и связь, маркетинг и реклама, финансы и торговля, медиа и развлечения.

Таким образом, влияние цифровой экономики на ВВП России в 2018 г., по оценкам аналитиков РАЭК, формируется из вкладов таких рынков, как: рынок электронной коммерции – 2 трлн руб. (рост на 16% по отношению к 2017 г.); рынок маркетинга и рекламы – 250 млрд руб. (рост относительно 2017 г. на 12%); рынок инфраструктуры и связи – 1,8 трлн руб.; рынок цифрового контента – 75 млрд руб. (рост на 7% по отношению к 2017 г.).

Рынок искусственного интеллекта в России еще только развивается, хотя его востребованность в промышленности, розничной торговле, финансовом секторе, рынке кибербезопасности уже сейчас достаточно велика.

Объем российского рынка искусственного интеллекта и машинного обучения в 2017 г. составлял 700 млн руб., к 2020 г. его размер планируется увеличить до 28 млрд руб. Применение искусственного интеллекта весьма перспективно, о чем свидетельствует прогноз – к 2030 г. его вклад в ВВП может составить 14% или 15,7 трлн долл.⁴

Что касается направления «Финансы и торговля», то число онлайн-заказов в отечественных интернет-магазинах составило 241 млн заказов (рост на 25% относительно 2017 г.); на 25% выросло число заказов на зарубежных интернет-ресурсах (в основном Wildberries и Ozon). По оценкам специалистов, рынок онлайн-трэвел за 2018 г. должен был вырасти на 8% и составить

³ Эксперты оценили вклад цифровой экономики в ВВП России // РИА Новости. 13.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171213/1510858102.html> (дата обращения 15.12.2017).

⁴ Итоги года: цифры, факты, события, прогнозы // РУНЕТ. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://runet-id.com/event/itogi2018> (дата обращения 15.12.2018).

670 млрд руб.⁵ Объем рынка маркетинга и рекламы в 2018 г. составил 250 млрд руб. и будет продолжать расти.

При расчете результатов функционирования рынка инфраструктуры и связи мобильной экономики в 2018 г. наряду с такими сегментами, как домены, хостинг, SAAS, был принят во внимание непосредственный и инфраструктурный (косвенный) вклад.

Непосредственный вклад мобильной экономики в ВВП России в 2018 г. составил 1,6 млрд руб. или 1,7% (рост на 4% по сравнению с 2017 г.), а инфраструктурный (косвенный) вклад – 1,5 млрд руб. или 1,6% (рост на 20% по сравнению с 2017 г.).

Растет и количество национальных российских доменов среди всех имен, которые регистрируют российские пользователи. Только в 2018 г. оно выросло на 2,6% и составило 80,9%. Зоны RU и РФ удерживают пятое место среди всех национальных доменов⁶ и сохранили свои позиции в мировых рейтингах.

Что касается направления «Образование и кадры», то потребность экономики в высококвалифицированных ИТ-специалистах все еще многократно превышает предложение. Поэтому планируется ежегодно на 15% увеличивать контрольные цифры приема студентов в российские учебные заведения по специальностям в области информационных технологий. Продолжает развиваться онлайн-образование, растет доля населения, обладающего цифровыми навыками.

В 2018 г. объем рынка «Медиа и развлечения» достиг 75 млрд руб. Годовая выручка легальных онлайн-видео сервисов по итогам 2018 г. может вырасти на 20% по сравнению с 2017 г. Продажа книг через интернет выросла на 20%. 87% интернет-пользователей в России используют Streaming Video Service⁷ для прослушивания музыки (показатель больше, чем в других странах мира).

Рынок кибербезопасности достаточно сильно зависит от кибератак (серьезной проблемой стали sidechannel атаки) и новых уязвимостей в микропроцессорах различных компаний. В первом полугодии 2018 г. рынок высокотехнологичных хищений в России

⁵ Итоги года: цифры, факты, события, прогнозы // РУНЕТ. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://runet-id.com/event/itogi2018> (дата обращения 15.12.2018).

⁶ Там же.

⁷ Мультимедийные потоковые сервисы, позволяющие за скромную месячную плату смотреть огромное количество всевозможных передач, сериалов, художественных фильмов и другого информационно-развлекательного (научного, спортивного и т. п.) контента (включая трансляции в прямом эфире).

оценивался в 3,2 млрд руб. (547 млн руб. – хищения у юридических лиц с троянами для ПК; 192 млн руб. – хищения у физических лиц с Android-троянами).

Большую угрозу стали представлять уже не атаки на банковский сектор, а атаки на правительственные учреждения. Интерес для киберпреступников также представляют энергетический сектор, системы промышленной автоматизации⁸.

В целом анализ состояния основных направлений развития цифровой экономики в России свидетельствует о достаточно больших успехах, достигнутых за последние несколько лет.

Влияние цифровой экономики на рынок труда

Несмотря на впечатляющие успехи, Россия, по сравнению с другими странами, отстает в использовании цифровых технологий, а цифровизация несет в себе изменения не только положительного характера, но и отрицательного, создавая дополнительные проблемы.

По данным исследователей, несмотря на то что на промышленный сектор в 2018 г. в России приходилось почти 40% ВВП и треть рабочей силы страны, особых успехов в цифровом прорыве не наблюдалось. Около 65% компаний производственного сектора не использовали возможности для цифровизации. Количество промышленных роботов на одного рабочего в обрабатывающей промышленности в России в 20 раз меньше, чем в Китае.

Согласно данным ООН, по доступности онлайн-сервисов электронного правительства Россия до недавнего времени занимала 32-е место рейтинга с показателем в 0,79 балла (при максимальном значении – 1). Имеет место разрыв между столицей и регионами в использовании сервисов электронного правительства (он составляет примерно 5 раз), что свидетельствует о необходимости дальнейшего внедрения государственных онлайн-услуг. В список стран с наивысшим уровнем развития электронного правительства Россия вошла только в 2018 г. [Соловьева 2018].

По состоянию на 2017 г. в России только 0,8 предприятий сектора ИКТ приходилось на тысячу человек. В развитых странах число таких предприятий на 1 тысячу человек в среднем равно 2,7, т. е. страна отстает от мировых показателей в 3 раза.

⁸ Итоги года: цифры, факты, события, прогнозы // РУНЕТ. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://runet-id.com/event/itogi2018> (дата обращения 15.12.2018).

В 2017 г. число занятых в секторе ИКТ от общей численности занятых в экономике в стране составило 1,7%, в то время как во Франции в секторе ИКТ работало 2,7% занятых, в Германии – 2,9%, США – 3,1%, Великобритании – 3,5%⁹.

Становится ясным, что для завоевания лидирующих позиций в цифровом мире России предстоит сделать еще очень многое.

Безусловно, цифровые сервисы упрощают жизнь людей. Интернет вещей (Internet of Things (IoT) – «общение» электронных устройств между собой) и промышленный интернет вещей (Industrial IoT, IIoT – межмашинное общение) позволяют дешево, быстро и масштабно решать домашние проблемы и бизнес-задачи в конкретных отраслях экономики¹⁰.

Принято считать, что цифровизация позволяет за счет повышения эффективности труда смягчить последствия негативных демографических тенденций и нехватки кадров [Ловчикова, Солодовник 2018]. Частично с этим можно согласиться.

Однако есть мнение, что роботизация и внедрение искусственного интеллекта приведут не столько к повышению эффективности работы человека, сколько к его постепенному вытеснению из оцифрованных процессов¹¹. В России уже остро стоит вопрос о состоянии рынка труда в эпоху «цифровизации». «Шесть лет назад в Сбербанке в бэк-офисе работало 59 тысяч человек. Сегодня работает 12 тысяч. В 2018 г. будут работать пять тысяч. А по нашим оценкам, еще через три года будет работать в лучшем случае тысяча», – отмечает Г. Греф¹².

Поддержка и дальнейшее совершенствование сложных автоматизированных систем потребует еще большего количества

⁹Эксперты оценили вклад цифровой экономики в ВВП России // РИА Новости. 13.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171213/1510858102.html> (дата обращения 15.12.2017).

¹⁰Что такое Интернет вещей: существующие технологии [Электронный ресурс]. URL: <https://strij.tech/publications/tehnologiya/chto-takoe-internet-veschey.html> (дата обращения: 21.03.2018).

¹¹«Миф четвертый: цифровизация позволит смягчить эффект от нехватки квалифицированной рабочей силы» (Баланова С. Иллюзорный мир: пять главных мифов цифровой экономики) // Forbes. 19.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/kompanii/350323-illyuzornyy-mir-ryat-glavnyh-mifov-cifrovoy-ekonomiki> (дата обращения 19.09.2017).

¹²Цифровая экономика: как будет меняться мировой рынок труда с 2018 по 2025 г. 24.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://neohr.ru/kadrovye-voprosy/article_post/tsifrovaya-ekonomika-kak-budet-menyatsya-rynok-truda-s-2018-po-2025-gody (дата обращения 21.03.2018).

профессионалов и конкретных узких специалистов. Получается, что в процессе цифровизации экономика избавляется от людей, занятых простым трудом, при этом, однако, проблема востребованности квалифицированных кадров так и остается нерешенной¹³. Как утверждает некоторые социологи, появляется новый социальный слой – когнитариат (от англ. cognition – знание, познание; по аналогии с пролетариатом). Возникает принципиально новый тип работника, который нацелен на творческую практическую деятельность и владеет интеллектуальным капиталом [Архипова, Седова 2018, с. 15].

Специалисты ведущих экспертных агентств указывают, что уже в ближайшие годы 47% рабочих мест будут «оцифрованы», а людей заменят компьютерные программы или роботы. Например, по оценкам McKinsey Global Institute (2013), примерно 140 млн штатных работников интеллектуального труда во всем мире будут заменены цифровыми устройствами. С помощью уже существующих технологий можно автоматизировать человеческий труд стоимостью 2 трлн долларов. Эксперты прогнозируют, что только в ближайшие пять лет развитые страны потеряют до 5 млн рабочих мест из-за цифровых технологий и роботизации, а затем их количество будет увеличиваться. В России мгновенное наступление автоматизации приведет к тому, что одномоментно 49,3% трудоспособного населения, или 42,13 млн человек, могут быть заменены роботами и лишиться работы, отмечают эксперты РАНХиГС. При этом роботы заменят 98% водителей, 94% бухгалтеров и экономистов, 72% грузчиков [Кашепов 2018]. По мнению экспертов, роботизация начнет массово уничтожать рабочие места в России уже в ближайшие три-пять лет.

Причины масштабного роста безработицы состоят в следующем.

Во-первых, цифровая среда многократно увеличивает скорость распространения инноваций. Цифровые технологии сжимают не только время, но и пространство. Рабочие места больше не стационарны, это киберместа. Вместо физического перемещения люди начинают перемещать свои идеи и мысли через киберпространство, а также использовать это пространство для хранения знаний. Например, коллекции «Amazon» и «Google» значительно шире, чем коллекции большинства реально существующих известных во всем мире библиотек.

¹³ Цифровая экономика: как будет меняться мировой рынок труда с 2018 по 2025 г. 24.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://neohr.ru/kadrovye-voprosy/article_post/tsifrovaya-ekonomika-kak-budet-menyatsya-rynok-truda-s-2018-po-2025-gody (дата обращения 21.03.2018).

Во-вторых, цифровые технологии появляются одновременно во многих сферах и отраслях экономики (роботизированные кассы, автомобили с автопилотами, роботы на предприятиях вместо кадровиков; в Китае уже появился робот-стоматолог, способный самостоятельно проводить операции на живых пациентах (правда, при наличии команд операторов-ассистентов) и т. д.

В-третьих, цифровые технологии создают меньше рабочих мест, чем исчезает в результате их внедрения. На начало 2017 г. в России было создано 5,9% рабочих мест, а ликвидировано 6,0%, что говорит о наличии тенденций сжатия.

Кроме того, информационные технологии обладают свойством быстрого и легкого масштабирования. Кассир в среднем супермаркете за смену может обслужить примерно 250 человек, а программист напишет программу, которой будут ежедневно пользоваться 20 млн человек. Поэтому нет смысла всех безработных обучать программированию, такое их количество просто не требуется¹⁴.

В результате на рынке труда безработица в ряде отраслей и профессий усилится [Головенчик 2018]. А также будет наблюдаться дисбаланс между спросом и предложением. Обратимся к прогнозам аналитиков на 2019 г.

В 2019 г. на рынке труда России будут востребованы: водители, курьеры, продавцы-консультанты, менеджеры по продажам. Существует многолетняя тенденция: на эти профессии растет спрос, но не увеличивается предложение.

По мнению специалистов портала SuperJob.ru, в области IT-технологий будут востребованы:

- разработчики приложений для iOS и Android (конкуренция – менее двух человек на место, средняя зарплата по Москве – 130–140 тыс. руб. в месяц);
- UI/UX-дизайнеры интерфейсов различных платформ или сайтов (конкурс – 2,5 соискателя на вакансию, средняя зарплата в Москве – 110–120 тыс. руб.);
- специалисты по тестированию приложений (2,5 резюме на одну вакансию, средняя зарплата по Москве – 80–90 тыс. руб.);
- аналитики данных и BigData¹⁵.

Эксперты сервиса HeadHunter считают, что возникнет кадровый дефицит фармацевтов, врачей, медсестер и страховых

¹⁴ Охота за головами. Самые востребованные и «ненужные» профессии 2019 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/35989887/?frommail=1> (дата обращения 21.03.2018).

¹⁵ Там же.

консультантов [Алиев 2018]. Больше всего вакансий в стране будет для специалистов в области физкультуры и спорта, образования и науки, причем 22% среди этих вакансий – для окончивших бакалавриат.

Специалисты компании HeadHunter считают, что самые большие сложности с поиском работы возникнут в областях, где есть высокая конкуренция. С этим столкнутся: топ-менеджеры (12 резюме на одну вакансию), юристы (8,8 резюме на одну вакансию), госслужащие и работники сферы искусства, развлечений и масс-медиа (по 8,2 резюме на одну вакансию), бухгалтеры, финансисты и экономисты (7 резюме на одну вакансию).

Портал Rabota.ru называет профессии, в которых будет наблюдаться переизбыток кадров – бухгалтеры, юристы, экономисты, медиа-специалисты, работники банковской и строительной сфер, HR-специалисты, сотрудники транспортной сферы, производители электрооборудования, машин, электроэнергии.

Прогноз Минтруда (основан на опросе 46 тыс. организаций, где работают 12 млн человек) таков: самый большой риск потерять работу – у сотрудников банков, работников транспортной сферы, производителей электрооборудования и машин, сферы добычи энергетических полезных ископаемых, производства и передачи электроэнергии и топлива, автомобилестроения, производства стройматериалов¹⁶.

Из приведенных данных видно, что практически все аналитики единодушны во мнении, что ряд профессий будет все меньше востребован на рынке труда и это, безусловно, скажется на возможностях трудоустройства граждан данных профессий [Барабаш 2018].

Вместе с тем, на наш взгляд, не существует прямой корреляции между высвобождением работников из некоторых сфер и отраслей экономики и ростом числа безработных. Этому есть свои объяснения.

Дело в том, что наряду с изменениями в спросе и предложении на рынке труда происходит трансформация и самих рабочих мест.

Так, для некоторых профессий офисные рабочие места будут трансформироваться в домашние рабочие места («home office»), связанные между собой через интернет [Сизова, Хусяинов 2017]. Это позволит предпринимателям экономить затраты на покупку или аренду помещений, оборудования, оплату разных услуг, связанных с содержанием офисов, и др. Бывшие служащие превратятся

¹⁶ Вафина Д. Цифровая экономика: вектор развития службы занятости // Моя газета. Татарстан. 2018. 20 апр. № 14 [Электронный ресурс]. URL: <http://mg-tatarstan.ru/node/4951> (дата обращения 21.03.2018).

в «дистанционных» работников, самостоятельно планирующих свои затраты, график работы и т. п. [Ширинкина 2019].

По оценкам специалистов, в мире будет увеличиваться число мобильных рабочих мест, уже сегодня владельцы планшетов и нетбуков, подключенных к глобальной сети, могут выполнять свои служебные функции где угодно, и для этого не нужны стационарные компьютеры и другие громоздкие устройства. Все это ведет к трансформации качества труда, качества жизни людей [Кашепов 2018]. Трансформируется само понятие рабочего дня, поскольку теперь работник способен оставаться на связи круглосуточно, выполняя свои рабочие обязанности в любое удобное для него время. Все это ведет к тому, что потоки людей из окраин городов в центр прекратятся, на смену им придет надомный труд и аутсорсинг. Изменится и облик современного города.

По оценкам экспертов, количество специалистов, работающих удаленно, только в России может составлять от 3 до 5 млн человек, и это число будет постоянно возрастать. По мнению А.В. Дегтярева, цифровые технологии, интернет и «облачные технологии» окажут существенное давление на рынок труда уже к 2025 г. и приведут к росту профессий умственного труда. В обозримом будущем основной формой занятости будет «работа в облаке» [Дегтярев 2017].

Действительно, серьезные изменения, которые происходят в результате внедрения информационных технологий, требуют не только новых форм управления и организации производства [Некрасова 2018], но и изменения государственной политики на рынке труда. Это прежде всего относится к работе служб занятости, системы образования и подготовки кадров, упреждающие мероприятия которых помогут смягчить остроту безработицы. Все чаще встает вопрос о необходимости введения «безусловного базового дохода», который позволит перераспределить «квазиренту», полученную государством и предпринимателями в результате массовой цифровизации. Такой доход гарантируется государством и предоставляется всем гражданам страны без каких-либо условий. В настоящее время подобные эксперименты проводятся в г. Утрех (Нидерланды), канадской провинции Онтарио, Финляндии, Германии и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). Данный доход направлен прежде всего на поддержание занятости в тех отраслях, где труд не является престижным и остается важным для общества. Однако вопрос о «безусловном базовом доходе» является дискуссионным и провоцирует много споров об иждивенчестве и профессиональной деградации населения.

Цифровизация отраслей экономики приводит и к тому, что профессиональные знания быстро устаревают. Поэтому политика

регулирования рынка труда должна базироваться на постоянном мониторинге, прогнозировании и анализе рынка труда, а также опережающем обеспечении потребностей экономики в квалифицированных кадрах исходя из имеющихся трудовых ресурсов [Инютина, Селиванова 2018]. Для этого необходимо повышение эффективности работы государственной службы занятости и кадровых агентств по формированию и распределению рабочей силы, по содействию занятости, в том числе отдельных категорий населения. Программы содействия занятости населения должны учитывать не только количество вновь создаваемых рабочих мест в ближайшей перспективе, но и структурные сдвиги долгосрочного характера, происходящие в экономической системе с целью опережающей подготовки и переподготовки кадров¹⁷.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию на 2018 г. отмечалось, что в стране «необходимо серьезно обновить структуру занятости, которая сегодня во многом неэффективна и архаична, дать людям хорошую работу, которая мотивирует, приносит достаток, позволяет реализовать себя, создать современные, достойно оплачиваемые рабочие места»¹⁸.

Перед системой образования стоит задача подготовки кадров для цифровой экономики, определение кластера востребованных профессий на ближайшие 15–20 лет, разработка эффективных форм переобучения персонала и внедрение в деятельность центров обучения. То есть необходимо организовать работу всех структур системы образования в интересах развертывания цифровой экономики в стране [Садовая 2018]. Образование должно быть востребованным, гибким, наукоемким и быстро подстраиваться под рынок труда. Потребуется междисциплинарные образовательные программы, связанные с «робото-коммуникацией», взаимодействием человеческого ума с «интеллектом» робота (востребованы будут специалисты в области конструкции, обслуживания роботов, дизайнеры виртуальной реальности, юристы по разрешению споров, связанных с деятельностью роботов, психологи-цифровики, DataScientist и т. д.). Россия имеет высокий потенциал для раскрытия человеческих интеллектуальных, трудовых и творческих ресурсов [Барабаш 2018].

¹⁷ Вафина Д. Цифровая экономика: вектор развития службы занятости // Моя газета. Татарстан. 2018. 20 апр. № 14 [Электронный ресурс]. URL: <http://mg-tatarstan.ru/node/4951> (дата обращения 21.03.2018).

¹⁸ Послание президента Федеральному Собранию. 01.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 21.03.2018).

Чтобы готовить специалистов высокого класса, необходимо организовать взаимодействие ИТ-сообщества с образовательными учреждениями. Уже сейчас в Москве идет формирование инновационно-производственного кластера, который уйдет от отраслевого принципа и станет первым российским межотраслевым суперкластером, который объединит ИТ-компании, бизнес-инкубаторы, технопарки, академические институты на единой ИТ-платформе. К 2025 г. на цифровых платформах планируется создание не менее 15 площадок для отработки «сквозных» технологий и не менее 50 «рынков» для ученых на базе вузов, научных организаций и компаний, что, безусловно, повысит качество подготовки кадров.

Заключение

Мы живем в период существенных изменений в экономике, промышленности, образовании и медицине. На сегодняшний день формирование цифровых технологий задает образец нашего уже близкого будущего – насыщенного думающими приспособлениями в цифровых фабриках и за их пределами, способными рутинные процедуры разрешать без помощи человека. Цифровизация – это уже реальность, процесс ее развития необратим, поэтому принимать ее нужно как данность.

Вызовы цифровизации касаются прежде всего рынка труда, поскольку новые цифровые технологии заменяют человека на производстве, меняют характер его труда и досуга, организацию труда, по-иному распределяют рабочее время, выводят из зоны привычного комфорта. Важно вовремя осознать эту новую реальность и, приняв соответствующие управленческие решения, нейтрализовать ее негативное воздействие.

Литература

- Алиев 2018 – *Алиев М.Д.* Влияние цифровой экономики на мировой рынок труда // Международная экономика. 2018. № 3. С. 39–43.
- Архипова, Седова 2018 – *Архипова Н.И., Седова О.Л.* Применение digital-инструментов в подборе и отборе персонала в организации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 2 (12). С. 9–22.
- Барабаш 2018 – *Барабаш К.С.* Влияние цифровой экономики на изменение рынка труда // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 6 (97). С. 52–54.

- Головенчик 2018 – Головенчик Г.Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике // Цифровая трансформация. 2018. № 4. С. 27–43.
- Дегтярев 2017 – Дегтярев А.В. Работа в облаке: оценка рисков и качество труда // Качество. Инновации. Образование. 2017. № 2. С. 59–67.
- Инютина, Селиванова 2018 – Инютина А.Д., Селиванова Т.В. Тенденции развития человеческих ресурсов в условиях цифровой экономики и их влияние на рынок труда // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 9S (50S). С. 20–21.
- Кашепов 2018 – Кашепов А.В. Трансформация занятости в цифровой экономике // Вестник Российского нового университета. 2018. № 2. С. 11–18.
- Ловчикова, Солодовник 2018 – Ловчикова Е.И., Солодовник А.И. Рынок труда и информационно-цифровая экономика: динамика, тенденции и перспективы // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. № 5. С. 19–27.
- Некрасова 2018 – Некрасова Е.А. Рынок труда в условиях цифровой экономики // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 22S (63S). С. 35–36.
- Садовая 2018 – Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 12. С. 35–45.
- Сизова, Хусяинов 2017 – Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 4. С. 376–396.
- Ширинкина 2019 – Ширинкина Е.В. Человеческий капитал и рынок труда в цифровом развитии российской экономики // Экономика труда. 2019. № 1. С. 103–112.

References

- Aliev, M.D. (2018), “The Impact of the Digital Economy on the World Labor Market”, *International Economics*, vol. 3, pp. 39-43.
- Arkhipova, N.I. and Sedova, O.L. (2018), “Application of digital-instruments in the staff selection and screening in the organization”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 2 (12), pp. 9-22.
- Barabash, K.S. (2018), “The impact of the digital economy on changing the labor market”, *Science and Education: Economy and Economics; Business Enterprise; Law and Administration*, vol. 6 (97), pp. 52-54.
- Degtyarev, A.V. (2017), “Work in the cloud: risk assessment and labor quality”, *Quality. Innovation. Education*, vol. 2, pp. 59-67.
- Golovenchik, G.G. (2018), “Transformation of the labor market in the digital economy”, *Digital Transformation*, vol. 4, pp. 27-43.
- Inyutina, A.D., Selivanova, T.V. (2018), “Trends in the Development of Human Resources in the Digital Economy and Their Impact on the Labor Market,” *Central Scientific Herald*, vol. 3, № 9S (50S), pp. 20-21.

- Kashepov, A.V. (2018), "Transformation of Employment in the Digital Economy," *Bulletin of the Russian New University*, vol. 2, pp. 11-18.
- Lovchikova, E.I. and Solodovnik, A.I. (2018) "Labor market and the information-digital economy: dynamics, trends and prospects", *Management in Russia and abroad*, vol. 5, pp. 19-27.
- Nekrasova, E.A. (2018), "The labor market in the digital economy", *Central Scientific Herald*, vol. 3, № 22S (63S), pp. 35-36.
- Sadovaya, E.S. (2018), "The digital economy and the new labor market paradigm", *World Economy and International Relations*, vol. 62, No. 12, pp. 35-45.
- Shirinkina, E.V. (2019), "Human capital and the labor market in the digital development of the Russian economy", *Labor Economics*, vol. 1, pp. 103-112.
- Sizova, I.L. and Khusyainov, T.M. (2017), "Labor and employment in the digital economy: problems of the Russian labor market", *Bulletin of St. Petersburg University. "Sociology" Series*, vol. 10, no. 4, pp. 376-396.

Информация об авторах

Ольга Б. Дигилина, доктор экономических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; digilina_ob@pfur.ru

Ирина Б. Тесленко, доктор экономических наук, профессор, Владимирский государственный университет имени Н.Г. и А.Г. Столетовых, Владимир, Россия; 600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87; iteslenko@inbox.ru

Information about authors

Olga B. Digilina, Dr. of Sci. (Economics), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklay Str., Moscow, Russia, 117198; digilina_ob@pfur.ru

Irina B. Teslenko, Dr. of Sci. (Economics), professor, A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, bld. 87, Gorkii Str., Vladimir, Russia, 600000; iteslenko@inbox.ru

Современные рыночные инструменты и анализ их использования на предприятиях конгрессно-выставочной деятельности

Яна С. Курышова

*Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия, ioanna-1994@yandex.ru*

Аннотация. В настоящем исследовании рассмотрены и проанализированы различные подходы к определению содержания термина «рыночные инструменты», выделены и классифицированы современные рыночные инструменты. Далее ключевые категории рыночных инструментов анализируются в разрезе функционирования предприятий конгрессно-выставочной деятельности. Для исследования была выбрана конгрессно-выставочная деятельность, так как коммуникации и обмен опытом – это фундамент, на котором строится современная экономика, в связи с чем важное значение приобретают мероприятия, где предприниматели имеют возможность познакомиться, договариваться о сотрудничестве и обмениваться опытом. Для обеспечения высоких темпов развития предприятий сферы конгрессно-выставочной деятельности необходимы подходящие рыночные инструменты. Непосредственное заимствование инструментов из других сфер вряд ли будет эффективным, поскольку в таком случае будут проигнорированы особенности развития и течения хозяйственного процесса в области услуг по организации выставок, конгрессов, конференций. В результате написания данной статьи были выделены ключевые рыночные инструменты предприятий конгрессно-выставочной деятельности.

Ключевые слова: рыночный инструмент, конгрессно-выставочная деятельность, сфера услуг

Для цитирования: Курышова Я.С. Современные рыночные инструменты и анализ их использования на предприятиях конгрессно-выставочной деятельности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 181–193. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-181-193

Modern market instruments and analysis of using it at the enterprises of congress and exhibition activities

Yana S. Kuryshova

Russian State Social University, Moscow, Russia,

ioanna-1994@yandex.ru

Abstract. In the presented paper, various approaches to determining the term “market instruments” are analyzed, modern market instruments are highlighted and classified. Further, the selected categories of market instruments are analyzed in the context of the congress and exhibition activities of enterprises. The congress and exhibition activities were chosen for the study, because exactly the communication and the exchange of experience is the foundation for the modern economy, and therefore events where entrepreneurs have the opportunity to get to know each other, agree on cooperation and exchange experience become important. To ensure the intensive development of enterprises in the field of the congress and exhibition activities, special market instruments are needed. Direct borrowing of instruments from the other areas is unlikely to be effective, since in that case the features of the development and course of the business process in the system of services for organizing the exhibitions, congresses, and conferences are ignored. As a result of writing this paper, key market instruments of the congress and exhibition enterprises were highlighted.

Keywords: market instrument, congress and exhibition activities, services sector

For citation: Kuryshova, Ya.S. (2019), “Modern market instruments and analysis of using it at the enterprises of congress and exhibition activities”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 181-93, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-181-193

Термином «инструмент» традиционно определяют орудие труда или способ воздействия на объект, в результате применения которых увеличивается производительность труда и/или сокращаются затраты на получение результата. Для экономики и управления это означает улучшение показателей деятельности, которые в наши дни активно используются для оценки конкурентоспособности бизнеса.

В научной литературе для выделения экономического смысла из термина «инструмент» зачастую применяют его на уровне понятия экономики или рынка, где приобретает его экономический смысл – рыночного / экономического инструмента, при этом пони-

мая под этим понятием какое-то экономическое действие, применяемое в ходе достижения определенных целей и экономических интересов как на микро-, так и на макроуровне хозяйствования [Масленников, Черненко 2013].

В качестве одной из возможных мер, позволяющих при сравнительно небольших затратах добиться результатов, являются изменения в системе управления [Курышова, Сопилко и др. 2019]. Эти изменения могут достигаться за счет применения различных рыночных инструментов.

Современные экономисты относят к понятию рыночного инструментария множество функций и явлений: аутсорсинг [Живайкин 2013], маркетинговые исследования, совместный брендинг, коалиционные программы лояльности, кросс-маркетинг [Третьякова 2011, с. 53], маркетинг взаимоотношений [Калинина 2018, с. 58], развитие распределительной сети, в том числе интернет-продвижение и коммуникации, таргетированную рекламу, PR-акции, «горячую» линию и телемаркетинг [Шаховская, Пацанов 2008, с. 69], социальные сети, различные интернет-ресурсы, автоматизированные системы подбора персонала, облачные сервисы, чат-боты [Архипова, Седова 2018, с. 12], структуру и формы собственности, объемы и структуру производства, бюджетирование, инвестиции, элементы налоговой системы, системы и тарифы оплаты труда, ценообразование и цены, банковские продукты, тендеры, аукционы, различные санкции и прочие экономические преференции [Лернер 2009, с. 115] и т. д.

Очевидно, что трудно выделить что-то общее из приведенного перечня, что объединяет перечисленные явления, однако можно провести классификацию рыночных инструментов (см. рис. 1).

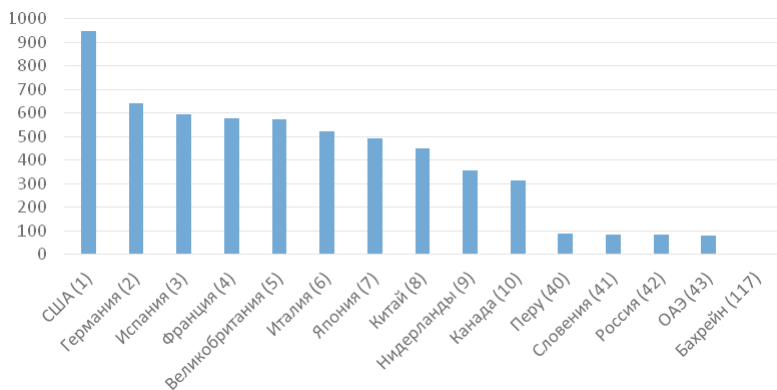

Рис. 1. Классификация современных рыночных инструментов

Рассмотрим более подробно, в чем различия современных рыночных инструментов и какую экономическую нагрузку они предполагают. Так, экономические инструменты управления – это совокупность методов, подходов и явлений, применяемых в управлении хозяйствующим субъектом для повышения его результативности. К таким инструментам можно отнести миссию и цель организации, объем и структуру производства, структуру и формы собственности, стиль управления, подход к управлению, кодексы, регламенты и прочие положения, аутсорсинг и т. д.

Экономическими маркетинговыми инструментами является совокупность методов, подходов и явлений, применяемых с целью продвижения товаров и услуг хозяйствующей единицы для достижения определенных конкурентных преимуществ и повышения конкурентоспособности в целом. К таким инструментам можно отнести маркетинговые исследования, маркетинговую стратегию, брендинг, маркетинговые коммуникации, кросс-маркетинг, таргетированную рекламу, проведение PR-акций, телемаркетинг, горячую телефонную линию, SEO-оптимизацию, выставки и т. п.

Экономические финансовые инструменты – это совокупность форм инвестирования и денежного обращения, а также их учета. К таким инструментам можно отнести финансовое планирование, вклады, кредиты, страхование, акции, облигации, валютные активы, векселя, чеки, драгоценные металлы и т. п.

Рыночные технологические инструменты – это совокупность технологических решений, применяемых с целью повышения эффективности деятельности хозяйствующего субъекта. К таким инструментам можно отнести конкретные средства труда (станки, установки, офисную технику, программное обеспечение, канцтовары и т. д.), чертежи, концептуальные решения, патенты, технологию производства и т. п.

Рыночными социальными инструментами определяют совокупность социально-гуманитарных решений, применяемых для повышения устойчивости и эффективности всей системы управления. Такими инструментами являются благотворительность, корпоративно-социальная ответственность, экологичное и animal-friendly производство и т. д.

Рыночные информационные инструменты – это совокупность информационных решений, которые используются в целях повышения эффективности системы продвижения хозяйствующей единицы на рынке, а также повышении ее конкурентоспособности в целом. Такими инструментами являются СМИ, социальные сети, цифровая экономика, базы данных и т. д.

И наконец, рыночные правовые инструменты представляют собой совокупность правовых решений, которые применяют для повышения устойчивости и стабильности работы хозяйствующего субъекта и его результативных показателей. К таким инструментам можно отнести юридическую защиту предприятия, применяемые налоговые (и прочие правовые) льготы.

Глобализация напрямую влияет на увеличение делового опыта: с начала этого столетия число контактов между участниками международных рынков увеличилось, и эти контакты становятся все более тесными; количество международных организаций постоянно растет [Сопилко, Навроцкая и др. 2017; Сопилко, Навроцкая 2013]. Реагируют на происходящие изменения во внешней среде и внутренние рынки, которым необходима информация о нововведениях, инновационных процессах, технологических трансформациях, обмене опытом и т. д. Наряду с такой необходимостью повышается потребность организации делового общения между субъектами рынка, которую можно удовлетворить с помощью проведения различных конгрессов, ярмарок, форумов, выставок и других разнообразных маркетинговых коммуникационных мероприятий, относящихся к конгрессно-выставочной деятельности (КВД) [Роздольская, Ледовская и др. 2017, с. 110]. То есть можно сделать вывод, что КВД в настоящее время играет всё более возрастающую роль в мировой экономической среде и является мощным рыночным инструментом для повышения конкурентоспособности большинства хозяйствующих единиц.

По статистике Всемирной туристской организации (UNWTO), доля поездок, связанных с организацией и посещением конгрессно-выставочных мероприятий в общем количестве деловых поездок 2018 г., составляет более 10%¹. Это делает высокую командировочную активность одним из ключевых рыночных инструментов для предприятий КВД [Хорева, Шокола и др. 2018].

В соответствии с данными рейтинга Международной ассоциации конгрессов и конференций (ICCA), наиболее популярными, с точки зрения проведения деловых мероприятий, странами в 2018 г. были США, Германия и Испания (как показано на рис. 2). Россия в данном рейтинге занимает 42-е место².

¹ The UNWTO Statistics and Tourism Satellite Account Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.unwto.org/content/data> (дата обращения 22.09.2019).

² ICCA Statistics Report. 2018 Public abstract [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iccaworld.org/dcps/doc.cfm?docid=2321> (дата обращения 22.09.2019).

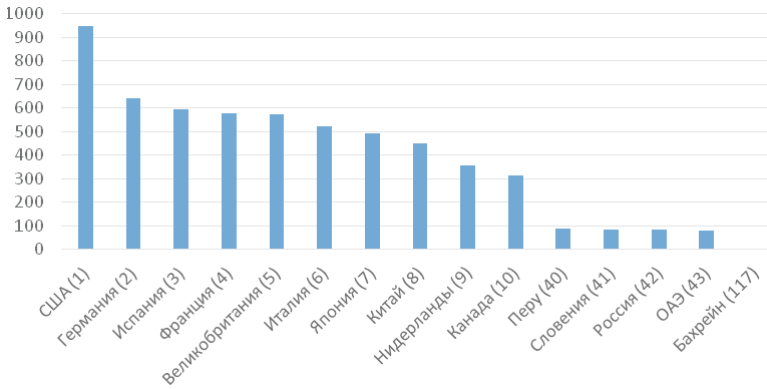

Рис. 2. Рейтинг стран по количеству проведенных в 2018 г. выставок

Необходимо подчеркнуть, что в то время как почти во всех странах, входящих в топ-20 представленного рейтинга, с 2013 г. количество проведенных выставок увеличилось до 13%, в России – осталось неизменным. Более того, Россия опустилась в данном рейтинге с 40 на 42 позицию³.

Интересно, что, по данным портала Экспонет⁴, в России за 2018 г. прошло 206 одних только промышленных выставочных мероприятий. Это расхождение можно объяснить различием ведения статистического учета, но, по мнению автора, оно также может свидетельствовать об отсутствии достаточно активного продвижения (или, по крайней мере, освещения) российских конгрессно-выставочных мероприятий на международном рынке [Карпова, Лаврова и др. 2017, с. 239]. В связи с чем можно выделить важность такого рыночного инструмента, как международный маркетинг.

Развитие выставочного бизнеса невозможно без сильных и профессиональных предприятий-организаторов [Карпова, Хорева и др. 2014, с. 78], что влечет за собой необходимость постоянного развития и обучения персонала.

³ ICCA Statistics Report. 2013. Public abstract [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iccaworld.org/newsarchives/archivedetails.cfm?id=3537> (дата обращения 22.09.2019).

⁴ Промышленные выставки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exponet.ru/exhibitions/countries/rus/topics/promexpo/dates/2018/p1150.ru.html> (дата обращения 22.09.2019).

Согласно расчетам международного агентства AMR International, количество выставочных площадей в России составляет порядка 2,7 млн кв. м, а по данным Российского союза выставок и ярмарок (РСВЯ), объем выставочных площадей и вовсе едва достигает 600 тыс. кв. м. На рис. 3 можно наглядно увидеть, насколько отличается объем выставочных площадей в России от объема выставочных площадей стран, входящих в топ-10 наиболее активных с этой точки зрения стран⁵.

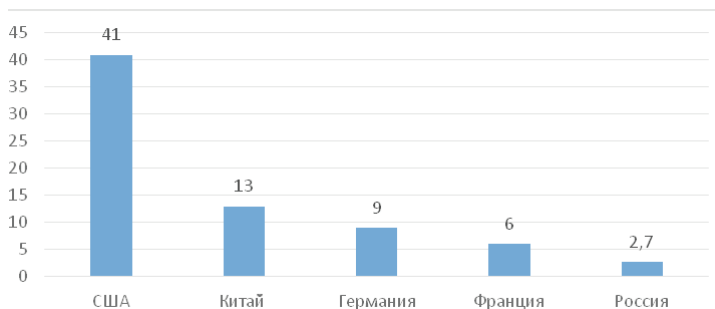

Рис. 3. Объем выставочных площадей по оценкам AMR International (в млн кв. м.)

Можно отметить, что в современных условиях развития мировой экономики актуальность приобретает использование именно технических рыночных инструментов, применяемых на предприятиях КВД, с качественным увеличением выставочных площадей и развитой инфраструктурой [Кострюкова, Иванкова и др. 2019; Карпова, Хорева и др. 2014].

Эффективное создание, функционирование и развитие предприятий КВД в любой стране невозможно без отлаженной системы законодательного регулирования этой сферы деятельности, ведь справедливо утверждать, что организация КВД – довольно сложный процесс, часто подразумевающий кросскультурное взаимодействие. Это делает важным применение правовых рыночных инструментов: в мире существуют организации и нормы, определяющие основные правила ведения подобного бизнеса на территории той или иной страны.

⁵ Выставочный бизнес постепенно восстанавливается [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/10472421/pokazhut_vsem (дата обращения 22.09.2019).

В этой связи необходимо выделить лидеров среди организаций, занимающихся в настоящее время вопросами регулирования конгрессно-выставочной деятельности как на внутреннем российском рынке, так и на международном уровне. Среди них ряд международных организаций: Международное бюро выставок (BIE), Международная ассоциация распорядителей деловых встреч (MPI), Международная ассоциация конгрессов и конференций (ICCA), Всемирная ассоциация выставочной индустрии (UFI), Межгосударственный совет по выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности стран-участниц СНГ и т. д. А также отечественная организация – Российский союз выставок и ярмарок (РСВЯ).

Стоит отметить, что, несмотря на такое количество регулирующих организаций, в России законодательное регламентирование КВД находится на этапе становления: концепция развития конгрессно-выставочной сферы в России (далее – Концепция) была утверждена еще в 2014 г.⁶, но, как можно подсчитать, уже более пяти лет остается открытым вопрос о разработке и принятии федерального закона, который будет регулировать КВД в России.

В соответствии с планом развития, предложенным в Концепции, приоритетными направлениями развития сферы КВД являются:

- 1) совершенствование нормативно-правового регулирования КВД;
- 2) развитие материально-технической базы и инфраструктуры КВД;
- 3) совершенствование механизмов координации КВД и стимулирования участия российских организаций в мероприятиях;
- 4) совершенствование норм государственной поддержки КВД;
- 5) информационное обеспечение КВД;
- 6) профессиональная подготовка кадров в сфере КВД⁷.

Согласно этому плану, для предприятий конгрессно-выставочной деятельности являются также актуальными (кроме тех, что уже были описаны выше) различные информационные рыночные инструменты [Никитина 2019].

Помимо указанных направлений, изложенных в Концепции, следует принимать во внимание также основные принципы системы менеджмента качества, позволяющие ориентировать предприятие на устойчивость и рост конкурентоспособности, среди которых

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июля 2014 г. № 1273-р «О Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации».

⁷ Там же.

процессный подход к управлению системой, ориентированность на потребителя, определенный стиль руководства, корпоративная культура, система взаимоотношений и т. д.⁸

Такие принципы можно отнести в разряд рыночных инструментов управления, а регулирующий их правовой документ будет представлять правовой рыночный инструмент. А поскольку для реализации вышеперечисленных инструментов потребуются разноплановые вложения, то предприятию будет необходимо вести системное планирование, финансовый учет и контроллинг для рационального распределения затрат по направлениям их расходования.

Исходя из всего вышеизложенного, можно выделить следующие рыночные инструменты, которые являются актуальными для предприятий конгрессно-выставочной деятельности в настоящее время (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые рыночные инструменты предприятий КВД

Категория рыночных инструментов	Рыночные инструменты
Управленческие	<ul style="list-style-type: none"> – ориентированность на потребителя; – передовой стиль руководства; – корпоративная культура; – процессный подход к системе управления; – направленность на результат; – принятие решений, основанных на фактах; – менеджмент взаимоотношений; – регулярная командировочная активность; – развитие и обучение персонала; – контроль и тестирование персонала и др.
Маркетинговые	<ul style="list-style-type: none"> – международный маркетинг и PR; – стенды с возможностью мультисенсорного воздействия; – нетворкинг и др.
Финансовые	<ul style="list-style-type: none"> – финансовое планирование; – целевые фонды затрат и др.
Технологические	<ul style="list-style-type: none"> – наращивание современных выставочных площадей; – обеспечение развитой инфраструктуры на своих выставочных площадях; – электронные системы обучения и тестирования персонала и др.

⁸ ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования.

Окончание табл. 1

Категория рыночных инструментов	Рыночные инструменты
Социальные	– корпоративная ответственность; – социальная ответственность и др.
Информационные	– освещение мероприятий и деятельности предприятия в СМИ; – социальные сети; – базы данных и др.
Правовые	– взаимодействие с РСВЯ; – налоговые возможности и льготы; – юридическая защита предприятия и др.

Таким образом, в ходе проведенного анализа различных подходов к определению понятия экономического инструмента выделены и систематизированы по определенным видовым критериям современные рыночные инструменты. Также проведен анализ применения таких инструментов в работе предприятий конгрессно-выставочной деятельности. Определено, что для обеспечения высоких темпов развития предприятий этой сферы необходимо применение определенных рыночных инструментов, так как непосредственное заимствование таких инструментов из других экономических областей не будет эффективным, поскольку в таком случае будут проигнорированы особенности развития и течения хозяйственного процесса в области услуг по организации выставок, конгрессов и конференций.

Литература

- Архипова, Седова 2018 – *Архипова Н.И., Седова О.Л.* Применение digital-инструментов в подборе и отборе персонала в организации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 2 (12). С. 9–22.
- Живайкин 2013 – *Живайкин С.Н.* Качество автотранспортных услуг как фактор социально-экономического развития региона: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/kachestvo-avtotransportnyh-uslug-kak-faktor-socialno-jekonomicheskogo-razvitiya.html> (дата обращения 22 сент. 2019).
- Калинина 2018 – *Калинина Л.Л.* Маркетинг взаимоотношений как инструмент повышения рыночной устойчивости вуза // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 2 (12). С. 53–67.
- Карпова, Лаврова и др. 2017 – *Карпова Г.А., Лаврова Т.А., Лавров В.В.* Проблемы и перспективы развития конгрессно-выставочной деятельности в Российской

- Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 4. С. 234–243.
- Карпова, Хорева и др. 2014 – *Карпова Г.А., Хорева Л.В., Попова Т.Н.* Рынок конгрессно-выставочных услуг: масштабы, тенденции, регулирование // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 6 (90). С. 76–83.
- Кострюкова, Иванкова и др. 2019 – *Кострюкова О.Н., Иванкова П.В., Михайлова К.В.* Факторы развития конгрессно-выставочной инфраструктуры в современных городах // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 4 (122) [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39788251> (дата обращения 22 сент. 2019).
- Курьшова, Сопилко и др. 2019 – *Курьшова Я.С., Сопилко Н.Ю., Кубасова Е.И.* Концепция управления предприятием на основе теории поведения потребителя: предпосылки внедрения на предприятиях сферы услуг // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 4 (122) [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39788203> (дата обращения 22 сент. 2019).
- Лернер 2009 – *Лернер Ю.И.* Экономические инструменты рынка ценных бумаг в условиях неопределенности и риска // Вісник економічної науки України. 2009. № 1 (15). С. 115–121.
- Масленников, Черненко 2013 – *Масленников П.П., Черненко А.Ф.* О термине «рыночные инструменты» в обеспечении конкурентоспособности предприятия // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2013/1/164.pdf> (дата обращения 22 сент. 2019).
- Никитина 2019 – *Никитина О.А.* Формирование цифровой универсальной инфраструктуры в конгрессно-выставочной сфере: опыт Германии // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38162919> (дата обращения 22 сент. 2019).
- Роздольская, Ледовская, Лысенко, Болотова 2017 – *Роздольская И.В., Ледовская М.Е., Лысенко В.В., Болотова И.С.* Информативно-целевое назначение конгрессно-выставочного туризма в новой реальности развития региона // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 1 (71). С. 109–124.
- Сопилко, Навроцкая и др. 2017 – *Сопилко Н.Ю., Навроцкая Н.А., Мясникова О.Ю.* Тенденции развития мировых производственных связей в технологичных секторах экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 8 (353). С. 1532–1544.
- Сопилко, Навроцкая 2013 – *Сопилко Н.Ю., Навроцкая Н.А.* Россия и Украина в контексте развития инновационно-инвестиционного сотрудничества // Управленец. 2013. № 3 (43). С. 75–78.
- Третьякова 2011 – *Третьякова Т.С.* Малобюджетные технологии в комплексе маркетинговых коммуникаций: формы совместной маркетинговой деятельности как инструмент повышения конкурентоспособности современных компа-

- ний // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4. Т. 3. С. 51–55.
- Хорева, Шопола и др. 2018 – *Хорева Л.В., Шопола Я.В., Сотавов А.К.* Механизмы развития и оценки конгрессно-выставочной деятельности как драйвера делового туризма: методическая и инновационная составляющие // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 11 (117) [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36722533> (дата обращения 22 сент. 2019).
- Шаховская, Пацанов 2008 – *Шаховская Л.С., Пацанов С.В.* Маркетинговые инструменты повышения конкурентоспособности лизинговой компании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: «Экономика. Экология». 2008. № 2 (13). С. 69–73.

References

- Arkhipova, N.I. and Sedova, O.L. (2018), “Application of digital-instruments in the staff selection and screening in the organization”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, vol. 2 (12), pp. 9-22.
- Kalinina, L.L., (2018), “Relationship marketing as an instrument to increase the market sustainability of the higher school institution”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 53-67.
- Karpova, G.A., Khoreva, L.V. and Popova, T.N. (2014), “The congress and Exhibition Services Market: Scales, Trends, Regulation”, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 6 (90), pp. 76-83.
- Karpova, G.A., Lavrova, T.A. and Lavrov, V.V. (2017), “Issues and prospects for the development of the congress and exhibition activities in the Russian Federation”, *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, no. 4, pp. 234-243.
- Khoreva, L.V., Shokola, Ya.V. and Sotavov, A.K. (2018), “Mechanisms of the development and evaluation of congress and exhibition activities as a driver of business tourism: methodical and innovative components”, *Management of Economic Systems: scientific electronic journal*, no. 11 (117), [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36722533> (Accessed 22 Sep. 2019).
- Kostryukova, O.N., Ivankova, P.V. and Mikhailova, K.V. (2019), “Factors influencing the development of the convention and exhibition facilities in modern cities”, *Management of Economic Systems: scientific electronic journal*, no. 4 (122) [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39788251> (Accessed 22 Sep. 2019).
- Kuryshova, Ya.S., Sopilko, N.Yu. and Kubasova, E.I., (2019), “Enterprise management concept on the basis of the consumer behavior theory: preconditions for implementation at the enterprises of the services sphere”, *Management of Economic Systems: scientific electronic journal*, no. 4 (122), [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39788203> (Accessed 22 Sep. 2019).
- Lerner, Yu.I. (2009), “Economic instruments of the securities market in the face of the uncertainty and risk”, *Visnik ekonomichnoi nauki Ukraini*, no. 1(15), pp. 115-121.

- Maslennikov, P.P. and Chernenko, A.F. (2013), "About the term «market instruments» in maintaining the competitiveness" *Sovremennye problemy nauki I obrazovaniya* [Modern issues of the science and education], no. 1., [Online], available at: <https://www.science-education.ru/pdf/2013/1/164.pdf> (Accessed 22 Sep. 2019).
- Nikitina, O.A., (2019), "Formation of a digital universal infrastructure in the congress and exhibition sphere: the experience of Germany], *The Eurasian Scientific Journal*, no. 1(11), [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38162919> (Accessed 22 Sep. 2019).
- Rozdol'skaya, I.V., Ledovskaya, M.E., Lysenko, V.V. and Bolotova, I.S., (2017), "Informative purpose of congress and exhibition tourism in the new reality of the region's development", *Services in Russia and Abroad*, vol. 11, no. 1 (71), pp. 109-124.
- Shahovskaya, L.S. and Patsanov, S.V. (2008), "Marketing tools to increase the competitiveness of a leasing company", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*, no. 2 (13), pp. 69-73.
- Sopilko, N.Yu., Navrotskaya, N.A., and Myasnikova, O.Yu., (2017), "Trends in the development of world industrial relations in the technological sectors of the economy", *National interests: priorities and security*, vol. 13, no. 8 (353), pp. 1532–1544.
- Sopilko, N.Yu. and Navrotskaya, N.A., (2013), "Russia and Ukraine in the context of the development of the innovation and investment cooperation", *Manager*, vol. 13, no. 8(353), pp. 1532–1544.
- Tret'yakova, T.S. (2011), "Low-budget technologies in the complex of marketing communications: forms of joint marketing activity as a tool to increase the competitiveness of modern companies", *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no. 4, pp. 51-55.
- Zhivaikin, S.N. (2013), The quality of the road transport services as a factor in the socio-economic development of the region [Kachestvo avtotransportnyh uslug kak faktor socialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona], Ph.D. Thesis, STANDARTINFORM», Moscow [Online], available at: <http://www.dslib.net/ekonomika-xozjajstva/kachestvo-avtotransportnyh-uslug-kak-faktor-socialno-jeconomicheskogo-razvitiya.html> (Accessed 22 Sep. 2019).

Информация об авторе

Яна С. Курышова, аспирант, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4; ioanna-1994@yandex.ru

Information about the author

Yana S. Kuryshova, postgraduate student, Russian State Social University, Moscow, Russia; bld. 4, Vil'gelm Pick Str., Moscow, Russia, 129226; ioanna-1994@yandex.ru

Результаты реализации
пилотных инновационных проектов
массовых открытых онлайн-курсов
в странах Юго-Восточной Азии

Галина Е. Кедрова

*Московский государственный университет, Москва, Россия,
kedr@philol.msu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу преобразований в организации и управлении образованием в странах Юго-Восточной Азии, которые вызваны активными процессами информационной и экономической глобализации региона. Отмечается, что в государствах Юго-Восточной Азии имеются исторически сложившиеся предпосылки, объединяющие населяющие их народы общностью исторического пути, культурных традиций, идеологии и религий (в первую очередь буддизма и, в меньшей степени, мусульманства), в последнее время к ним добавился также многоаспектный опыт в реформировании национальной образовательной сферы в ответ на актуальные вызовы времени. Особое внимание уделяется использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательном процессе всех уровней, национальным проектам развития дистанционного образования (ДО) и особенностям создания и проведения массовых открытых онлайн-курсов (МООС) в странах региона. Показано, что образовательные возможности ИКТ рассматриваются региональными правительствами этих стран как значимый источник инноваций, которые позволят уже в самом ближайшем будущем сгладить социально-экономическое неравенство в регионе и повысить конкурентоспособность национальных экономик. Взаимообмен опытом в этой области представляет несомненный интерес и для остального мира, в первую очередь для стран со сходной социально-экономической ситуацией.

Ключевые слова: дистанционное образование, ИКТ, массовые открытые онлайн-курсы, МООС, Юго-Восточная Азия

Для цитирования. Кедрова Г.Е. Результаты реализации пилотных инновационных проектов массовых открытых онлайн-курсов в странах Юго-Восточной Азии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 194–208. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-194-208

Results of implementation of pilot innovative projects on the mass open online courses in the Southeast Asia

Galina E. Kedrova

Moscow State University, Moscow, Russia, kedr@philol.msu.ru

Abstract. The paper analyses transformations in the organization and management of education in the countries of Southeast Asia, caused by the active processes of the information and economic globalization in the region. It is noted that in the states of Southeast Asia there are historically established prerequisites uniting the peoples living there with a common historical path, cultural traditions, ideology and religions (primarily Buddhism and, to a lesser extent, Islam), recently, they have also been supplemented by multifaceted experience in reforming the national educational sphere in response to current challenges. Particular attention is drawn to the use of the information and communication technologies (ICT) in the educational process at all levels, national projects for the development of distance education (DE) and regional peculiarities of creating and conducting the mass open online courses (MOOC) in the countries of the region. It is shown that the educational potential of ICT is considered by the regional governments of these countries as a significant source of innovation, which will allow in the very near future to smooth out socio-economic inequality in the region and increase the competitiveness of national economies. The exchange of experience in this area is of undoubted interest for the rest of the world, primarily for countries with a similar socio-economic situation.

Keywords: distance education, ICT, mass open online courses, MOOC, Southeast Asia

For citation: Kedrova, G.E. (2019), "Results of implementation of pilot innovative projects on the mass open online courses projects in the Southeast Asia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management, Law" Series*, no. 4, pp. 194-208. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-194-208

Введение

Юго-Восточная Азия представляет собой регион, чрезвычайно интересный для рассмотрения процессов, которые идут в сфере высшего образования в связи с компьютерной информатизацией и глобализацией. Это один из наиболее динамично развивающихся регионов, в котором представлены сообщества, находящиеся на самых разных уровнях экономического и социального развития. То, как страны региона пытаются отвечать на актуальные вызовы,

с которыми сталкиваются их системы образования, представляет несомненный интерес не только для стран с аналогичным уровнем развития, но и для развитых стран мира, которые могут в «полевых» условиях проверить эффективность разрабатываемых моделей включенного и дистанционного обучения (далее – ДО) и получить практический опыт – как положительный, так и отрицательный – по внедрению ИКТ в самые разные уровни образовательного процесса.

Все страны Юго-Восточной Азии различаются по размеру территории, количеству населения, уровню экономического развития и благосостояния населения, политической идеологии и, что немаловажно, по своим образовательным традициям. Существенное значение для понимания процессов, которые идут в образовательной сфере этих стран, имеет то, что практически все они (за исключением Таиланда) имеют колониальную историю, и на сложившиеся в этих странах системы образования большое влияние оказало колониальное наследие. В исторической перспективе процесс развития высшего образования в регионе принято делить на четыре стадии: предколониальный период, колониальный период, период ранней независимости и современный период. В предколониальный период лишь несколько стран в этом регионе имели какую-либо форму высшего образования, обычно это были учебные заведения, создаваемые религиозными организациями [Lee 2007, p. 539–555]. В колониальный период отношение колониальной администрации к высшему образованию было достаточно противоречивым: с одной стороны, она нуждалась в квалифицированных местных кадрах, способных помочь в управлении страной и ведении экономической деятельности на местах, с другой – образованное сословие всегда рассматривалось как потенциальный источник революционных настроений и катализатор стремления к освобождению от колониальной зависимости.

После получения политической независимости все бывшие колонии пытались адаптировать системы высшего образования, которые они унаследовали, для удовлетворения местных потребностей и решения задач национального строительства. В ряде стран сразу после обретения независимости был начат поиск альтернативных моделей высшего образования. Одними из первых задач в этой области стали: 1) замена иностранных специалистов местным персоналом (так началась малайянизация, филиппинизация, китаизация и индонеизация в гражданской службе и в академической сфере); 2) обязательное преподавание на национальных языках (во всех странах, за исключением Сингапура и Брунея); 3) подготовка собственных учебных программ и учебников, написанных

местными учеными (в рамках борьбы с «культурным империализмом»). Общим трендом в реформировании образовательной сферы стало стремление адаптировать университетское образование к местной культуре и максимально обеспечить его соответствие местным потребностям [Lee 2007, p. 540]. Однако на этом пути практически все страны региона столкнулись с существенными проблемами. По мнению Таунсенда и Чэна, существует несколько основных проблем, общих для всех восточно-азиатских обществ, в том числе: постоянно растущие темпы человеческого прогресса; рост экономики знаний и трансформация роли университетов; растущее значение информационных технологий в образовании; постоянно растущий спрос на массовость высшего образования и необходимость контроля качества; региональный финансовый кризис и посткризисные корректировки экономической политики; социальные и политические изменения и необходимость изменения всей структуры высшего образования [Townsend, Cheng 2000, p. 3]. В наименее развитых странах этого региона наблюдается хроническое недофинансирование системы высшего образования. Кроме того, преподаватели в этой сфере часто оказываются недостаточно квалифицированными, учебные программы недиверсифицированы, а студенты недостаточно мотивированы на получение знаний и умений, поэтому они плохо учатся [Lee 2007, p. 539].

Вместе с тем все страны региона декларируют высшую ценность образования – как личностную, так и общественную; все правительства рассматривают образование в качестве главного источника национального развития. Образование, в первую очередь высшее, повсеместно рассматривается в качестве важного средства социальной, экономической и политической мобильности. Эти установки отражают мировую актуальную тенденцию в смене глобальных образовательных парадигм – переход от качественной системы образования для нескольких человек через качественную систему образования для большинства людей к разработке системы качественного образования для всех [Mok 2006, p. 17]. Кроме того, высшее образование рассматривается не только как ключевой механизм развития человеческого капитала для поддержания экономического роста в стране, но и как важное средство обеспечения национального единства [Lee, Nealy 2006, pp. 1–13].

Развитие национального и транснационального образования в странах региона показало, что оно невозможно без интенсивного использования информационных коммуникационных технологий (далее – ИКТ), поскольку большинство традиционных систем высшего образования в этих странах оказалось не в состоянии обеспечить массовое среднее, высшее и непрерывное образование

для всего населения в силу демографических, экономических, географических, социальных (таких как гендерные и национально-культурные) факторов [Malik, Belawati, Baggaley 2005]. Поэтому практически во всех странах Юго-Восточной Азии наблюдается большой интерес к новым образовательным технологиям – прежде всего в сфере дистанционного и дополнительного образования (ДО) [Marginson 2004, p. 74–113]. Вместе с тем приходится признать, что особенностью большинства стран Азиатско-Тихоокеанского региона является то, что имеющийся в них ИКТ-потенциал до последнего времени не мог поддерживать широкое распространение онлайн-образования в силу разных причин, в первую очередь инфраструктурных. Сегодня активные пользователи интернета в Восточной и Юго-Восточной Азии составляют не более 60–63% общей численности населения региона [Kemp 2019]. Существенна также дифференциация в структуре электронных коммуникаций региона, поскольку только восемь стран поддерживают относительно высокий уровень использования персональных компьютеров и интернета (с более чем 300 пользователями интернета на 1000 человек населения) [Marginson 2004, p. 103]. В последнее время также значительно возросла оснащенность жителей региона мобильной связью, однако и здесь наблюдаются большие различия между странами – от 100% доступности персональных мобильных устройств (смартфонов и мобильных телефонов) в Южной Корее и 92% в Японии и Китае до 77% и 70% на Филиппинах и в Индонезии [Kemp 2019]. Поэтому сегодня в ряду наиболее динамично развиваемых странами региона проектов ДО выступают массовые открытые онлайн-курсы, или МООС [Кедрова, Муромцев 2018]. Это явление сегодня затронуло практически все образовательные системы в странах Юго-Восточной Азии. Одним из источников по анализу первых результатов появления МООС в азиатском регионе стала коллективная монография “MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe” [MOOCs 2015]. Рассмотрим более подробно изложенные в ней результаты, поскольку они имеют значение и для большинства развивающихся стран.

В Китае массовые открытые онлайн-курсы изначально рассматривались как некая «волшебная палочка», которая быстро позволит решить все основные проблемы в образовательной сфере и массово выведет китайские университеты на новый уровень [Wang 2015, pp. 3–12]. 2013 год даже был объявлен годом массовых стартапов в этой области – “MOOCs Start-Up Year”. Ведущие китайские университеты – Университет Циньхуа (Tsinghua University) и Пекинский университет (Peking University) – импортировали коммерческую платформу edX, Фуданьский университет

(Fudan University) и Шанхайский университет Jiao Tong (Shanghai Jiao Tong University) начали использовать некоммерческую платформу Coursera, к ним вскоре присоединились Китайский университет Гонконга (Chinese University of Hong Kong), Гонконгский университет науки и технологий (Hong Kong University of Science and Technology) и Тайваньский университет (Taiwan University). Пекинский университет заключил соглашение о сотрудничестве с коммерческим объединением DeDao Group для того, чтобы совместно разработать собственную платформу для поддержки учащихся образовательных программ, реализуемых как в формате массовых онлайн-курсов, так и в виде дополнений к традиционному (офлайновому) обучению. Параллельно с этим отдельные китайские университеты, разрабатывающие MOOC, выступили в качестве базовых образовательных учреждений для формирования региональных университетских консорциумов, использующих общую MOOC-платформу – University Alliance Joint Platform. Так, Юго-западный университет Jiao tong объединяет пять региональных университетов: университет Chiao Tung University в Hsinchu (Тайвань), Шанхайский университет Jiao Tong University, университет Jiao Tong University в Сиане и университет Северный Jiao Tong University, которые совместно разрабатывают учебные курсы на собственной платформе. Шанхайский университет Jiao Tong объединил 12 университетов, в том числе Пекинский университет, Университет Циньхуа, Фуданьский университет и др. региональные образовательные центры в рамках Альянса по взаимному обмену онлайн-курсов (Online Course Sharing Alliance), который призван обеспечить взаимобмен разрабатываемыми в этих университетах учебными материалами самого высокого уровня, а также апробировать пути реформирования образовательного процесса, которые связаны с появлением феномена массовых открытых онлайн-курсов.

С ведущими университетами незамедлительно вступил в конкуренцию ряд коммерческих провайдеров ДО, которые сосредоточили свои усилия в первую очередь на сегменте корпоративного дополнительного образования. Учебные курсы, размещенные на платформах <https://xue.taobao.com/>, <https://jiaoyu.baidu.com/> и <http://www.duobei.com/>, предназначены для удовлетворения потребностей индивидуального обучения. Вместе с тем некоторые неуниверситетские образовательные порталы, как, например, сайт “kaikeba” (<https://www.kaikeba.com/>), который на своей оригинальной образовательной онлайн-платформе предлагает учебные курсы для специалистов в области ИКТ, сумели достичь соглашения об аккредитации своих программ с рядом китайских университетов,

а также добиться признания кредитов, полученных студентами университетов в этих программах. Однако, несмотря на предпринимаемые китайским руководством шаги по развитию массовых открытых онлайн-курсов, нужно отметить, что отношение к ним в Китае (впрочем, как и во многих других странах) пока остается достаточно неоднозначным: оно колеблется от высказываемого по отношению к реформаторскому потенциалу таких курсов энтузиазма до полного отрицания применимости этого вида образовательной деятельности в условиях традиционного подхода к образованию, который остается доминирующим в китайском обществе. В частности, высказывалось мнение, что модели МООС-образования не приживутся в китайском обществе, поскольку значительная часть студентов заинтересована не столько в том, чтобы получить знания, сколько в том, чтобы получить диплом или другой официально признанный сертификат. Вместе с тем замечено, что такая мотивация ведет к потере конкурентоспособности выпускниками китайских вузов по сравнению, например, с индийскими специалистами, которые достаточно активно используют возможности онлайн-обучения, предоставляемые флагманами МООС – Гарвардским и Стэнфордским университетами [Nayek 2018, pp. 39–45].

Особенностью японского рынка массовых открытых онлайн-курсов можно считать достаточно позднее присоединение японских университетов к этому виду образовательной деятельности в 2013 г., когда два ведущих университета Японии – Токийский университет (University of Tokyo) и Университет Киото (Kyoto University) – начали реализацию своих проектов по массовому открытому онлайн-образованию на базе платформ Coursera и edX. В конце года был создан японский консорциум университетов и корпоративных учреждений (Japan Massive Open Online Course Consortium – JMOOC: <http://www.jmooc.jp/en/>), основной задачей которого была разработка национальной платформы JMOOC и создание и проведение на ее базе такого рода учебных курсов. Уже к началу 2015 г. в Японии официально действовали три национальные платформы МООС: “gacco” (<http://gacco.org/>), “Open Learning Japan” (<http://open.netlearning.co.jp/>) и “OUJ МООС”. Если первая (“gacco”) использовала частично преобразованную платформу edX, то остальные две платформы были абсолютно оригинальными местными разработками. При разработке этих продуктов особое внимание было уделено совместимости форматов представления учебных материалов между всеми платформами. В целом проект оказался достаточно успешным – так, в начале 2015 г. общее число курсов на всех трех платформах составило 47, а число обучающихся на этих курсах превысило 100 тыс. человек [Yamada 2015,

р. 19–27]. Показательно, что одним из первых учебных курсов, полностью реализованных согласно философии МООС, был курс японского языка и японской культуры (“NIHONGO STARTER (A1)”), предназначенный для иностранных студентов, которые хотели бы обучаться в вузах Японии (курс читался на английском языке). Однако в целом в японском образовательном сообществе, как и в Китае, массовые открытые онлайн-курсы остаются достаточно дискуссионной темой, поскольку часть сообщества склонна рассматривать их как весьма продуктивную модель устойчивого ДО, однако другая часть высказывает опасения, что эта форма образовательной деятельности окажет в целом деструктивное влияние на существующую в стране систему высшего образования.

В Южной Корее массовые открытые онлайн-курсы (КМООС) получили свое развитие прежде всего в рамках Корейского национального открытого университета (KNOU) [Lee 2015, р. 27–36]. Этот университет был создан в 1972 г., однако он достаточно рано и очень активно начал интегрировать в свою образовательную деятельность возможности, предоставляемые ИКТ (в первую очередь средства Open Courseware – OCW). В настоящее время KNOU включает в себя облачное хранилище открытых образовательных ресурсов (OER – <http://oer.knou.ac.kr>), доступ к которым осуществляется через собственный ТВ-канал, а также через специализированную сеть – Открытую университетскую сеть (OUN) – и Международный кампус электронного обучения (e-Learning International Campus – eLIC). Корейский национальный открытый университет одним из первых в регионе стал предоставлять доступ к своему репозиторию образовательных ресурсов через мобильную связь – так называемую U-KNOU (от англ. ubiquitous – повсеместный). Предполагается, что массовые открытые онлайн-курсы, которые создаются в KNOU, используют как уже апробированные открытые образовательные ресурсы, так и будут дополнены новыми материалами, которые планируется специально создать в соответствии с общепринятыми форматами МООС. В 2015 г. в Корее на рынок открытых массовых онлайн-курсов вышел еще один игрок – Korea MOOC, который объединил 10 корейских университетов (включая Сеульский национальный университет, Корейский институт передовых технологий (Korea Advanced Institute of Science and Technology – KAIST и др.) под эгидой Национального института продолжающегося образования (National Institute for Lifelong Education – NILE). Технологической платформой проекта был выбран edX, которая была полностью переведена на корейский язык и после некоторой модификации стала специализированной платформой К-МООС. Учитывая

жесткую конкуренцию в сфере массовых открытых онлайн-курсов во всем мире и особенно в азиатском регионе, Корейское правительство разработало специальный план внедрения этой образовательной формы в национальное образовательное пространство. Этот план предусматривает создание собственной платформы МООС в 2015 г., выход с собственным образовательным продуктом на мировой образовательный рынок в 2016 г. и установление партнерства с зарубежными МООС-платформами в 2017 г. (формирования так называемого АМООС – Азиатского объединения МООС-провайдеров с последующим объединением с другими мировыми лидерами в этой области). Среди ключевых проблем, которые планируется решить в ходе выполнения этого плана, названы проблема совместимости и учета кредитов, полученных в онлайн-образовательных программах и в традиционном университете, а также поиск устойчивых источников финансирования такого рода разработок.

Несмотря на относительно небольшой срок существования, малайзийский опыт создания массовых открытых онлайн-курсов также добавляет новые знания об особенностях их формата и структуры и позволяет оценить наиболее эффективные подходы к проведению таких курсов. Прежде всего необходимо отметить, что все нормативные документы малайского правительства, касающиеся плана развития сферы образования в стране, акцентируют внимание не на массовом внедрении онлайн-обучения, но предписывают прежде всего внимательное изучение опыта других стран и прокламируют прагматический подход к его использованию. Впервые массовые открытые онлайн-курсы упоминаются в выпущенном в 2014 г. Министерством образования Малайзии документе «Малайзийский образовательный проект в сфере высшего образования на 2015–2025 гг.». В нем сделан акцент на открывающиеся для малайских вузов возможности войти с помощью МООС-проектов в международные научные и образовательные коллаборации – в первую очередь в тех областях, где у них есть успешный образовательный опыт, например в курсе «Исламское банковское дело и финансы» (Islamic Banking and Finance), а также в изучении и лечении тропических болезней. В соответствии с этим планом в конце 2014 г. министр образования Малайзии объявил о введении во всех государственных вузах страны четырех МООС-программ, обязательных для всех студентов бакалавриата: 1) «Исламские и азиатские цивилизации» (разрабатывается Малайзийским университетом Путра – University Putra Malaysia (UPM)); 2) «Межэтнические отношения» (разрабатывается Национальным университетом Малайзии – UKM); 3) «Введение в предприни-

матерьюскую деятельность» (разрабатывается Технологическим университетом MARA – UiTM)); 4) «ИКТ-компетенции» (разрабатывается Малайзийским университетом Sarawak – UNIMAS) [Mansor, Latifah, Tengku 2015, p. 36–58]. Для создания и проведения курсов была выбрана модель xMOOCs, реализуемая на австралийской MOOC-платформе OpenLearn (<https://www.openlearning.com/malaysiamoocs>). Знаменательно, что два из этих четырех MOOC-курсов были на малайском языке (Bahasa Malaysia) и два – на английском. Параллельно с этой инициативой Открытый университет Малайзии заключил соглашение о сотрудничестве с компанией Apple, которая предоставила для ведения массовых открытых онлайн-курсов свои ресурсы iTunesU, которые обеспечивают доступ для пользователей iPad и iPhone. В дальнейшем малайские вузы планируют привлечь также другие крупнейшие глобальные MOOC-платформы – EdX и Coursera.

Похожая ситуация в сфере MOOC-образования сложилась и на Филиппинах, где разработка таких курсов поручена двум образовательным организациям: Университету «Открытый университет Филиппин» (University of the Philippines Open University – UPOU) и государственному агентству TESDA – Technical Education and Skills Development Authority [Juvy, Gervacio 2015, p. 58–69]. Характерно, что оба филиппинских образовательных учреждения, являясь государственными учреждениями, активно привлекают к созданию своих массовых открытых онлайн-курсов сторонние коммерческие организации и бизнес-ассоциации, а также гранты Азиатского банка развития (Asian Development Bank (ADB)) и другие источники финансовой и технологической помощи. Заметим также, что практически все разрабатываемые дистанционные программы и курсы этих образовательных организаций используют в качестве языка обучения английский язык.

Предшественниками MOOC на Тайване (как и в некоторых других азиатских странах, например в Таиланде) стали проекты по созданию открытых репозитория образовательных материалов и учебных курсов для ведения дистанционного обучения. В 2004 г. тайваньский фонд Fantasy Foundation запустил проект Open Source Open course ware Prototype Systems (OOPS), который занимался переводом открытых онлайн-курсов Массачусетского технологического института (OCW MIT) на китайский язык. Четыре года спустя, в 2008 г., был основан Тайваньский консорциум Open Course Ware (TOCWC), в который вошли 28 университетов. В феврале 2013 г. Министерство образования Тайваня инициировало собственный проект массовых открытых онлайн-курсов, который объединял 15 тайваньских вузов и предлагал обучение

по 100 MOOC-курсам [Chen 2013]. В 2013 г. Национальный Тайваньский университет перешел на платформу Coursera.

Сегодня некоторые университеты азиатского региона, которые предлагают массовые открытые онлайн-курсы, объединились в «Азиатскую ассоциацию открытых университетов» (Asian Association of Open Universities), предлагающую MOOC-курсы на специальном портале: <https://asiamoocs.org/>. На сегодняшний день на портале представлены 52 массовых открытых онлайн-курса следующих университетов: Philippines Open University (POU), Hanoi Open University (HOU), Open University of Japan (OUJ), Cyber University of Korea (CUK), Open University of Sri Lanka (OUSL), Sukhothai Thammathirat Open University (STOU), Uttarakhand Open University (UOU), University of Mumbai (UM), Al-Quds Open University (QOU), Wawasan Open University (WOU).

Проведенный анализ показал, что общим для всех массовых открытых онлайн-курсов, проводимых в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является то, что практически везде они были инициированы государством, которое взяло на себя финансирование этих проектов на начальной стадии. В наиболее развитых странах в состав проектов была включена также разработка собственных MOOC-платформ (как K-MOOCs в Южной Корее, OUJ MOOC в Японии и др.), более бедные страны пошли по пути заключения договоров на использование платформ наиболее известных провайдеров массовых открытых онлайн-курсов (edX, Coursera, OpenLearn, OCW MIT). Наиболее успешными оказались такие MOOC-проекты, которые нашли свою образовательную нишу: какую-то конкретную область науки, в которой местное университетское сообщество обладает наиболее значимым научно-практическим потенциалом (например, малайзийские MOOC-курсы по тропическим болезням и т. п.). Показательно также, что первые результаты проведения онлайн-программ в разных странах региона свидетельствуют о том, что подавляющее число обучающихся происходят из страны – провайдера MOOC-курса или из соседних с ней стран и только очень небольшое количество студентов записывались на программу из других регионов мира. Таким образом, можно заметить, что активный переход к использованию ИКТ в образовании всех уровней в странах Юго-Восточной Азии был подготовлен всей предшествующей логикой развития региональной образовательной сферы и является логическим продолжением ее реформирования в ответ на глобальные вызовы современности. В странах региона имеются исторически сложившиеся предпосылки, объединяющие населяющие их народы общностью исторического

пути, культурных традиций, идеологии и религий (в первую очередь буддизма и, в меньшей степени, мусульманства), в последнее время к ним добавился также опыт в реформировании национальной образовательной сферы, которое вызвано экономической и информационной глобализацией. Образовательные возможности ИКТ рассматриваются правительствами этих стран как источник инноваций, которые позволяют уже в самом ближайшем будущем сгладить социально-экономическое неравенство в регионе и повысить конкурентоспособность национальных экономик. В силу разнообразия экономических, социальных и культурно-исторических особенностей стран региона взаимнообмен опытом в этой области представляет несомненный интерес и для остального мира, в первую очередь для других стран со сходной социально-экономической ситуацией.

Литература

- Кедрова, Муромцев 2018 – *Кедрова Г.Е., Муромцев В.В.* Особенности реализации образовательных онлайн-курсов в мультиязычном и поликультурном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 35–50.
- Chen 2013 – *Chen, J.C.* Oportunidades y Retos de los MOOCS. Perspectivas desde Asia, IFLA WLIC. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://library.ifla.org/157/7/098-chen-es.pdf> (дата обращения 25 июня 2019).
- Juvy, Gervacio 2015 – *Juvy, L., Gervacio, M.* MOOCs in the Philippines // MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe / Bowon, K. (ed.). Seoul: KNOU Press, 2015. P. 58–69.
- Kemp 2019 – *Kemp, S.* 'Digital 2019: Global Internet Use Accelerates', We Are Social, 30 January 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения 25 июня 2019).
- Lee 2007 – *Lee M.N.N.* Higher Education in Southeast Asia in the Era of Globalization // International Handbook of Higher Education / J.J.F. Forest, P.G. Altbach (ed.). Vol. 18. Dordrecht: Springer Netherlands. 2007. P. 539–555.
- Lee 2015 – *Lee T.* A case study of MOOC at KNOU: KNOU MOOC for knowledge sharing // MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe / Bowon, K. (ed.). Seoul: KNOU Press, 2015. P. 27–36.
- Lee, Healy 2006 – *Lee M.N.N., Healy S.* Higher education in Southeast Asia: An overview // Higher education in Southeast Asia. 2006. UNESCO. Bangkok: Seameo-Rihed, 2006. P. 1–13.
- Malik, Belawati, Baggaley 2005 – *Malik N.A., Belawati T., Baggaley J.P.* Framework of Collaborative Research and Development on Distance Learning Technology

- in Asia // *Indian Journal of Open Learning*. 2005. № 14 (3). P. 235–247. Indira Gandhi National Open University, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.learntechlib.org/p/187964/> (дата обращения 14 октября 2019).
- Mansor, Latifah, Tengku 2015 – *Mansor F., Latifah A.L., Tengku A.M.* MOOCs in Malaysia: A preliminary case study // *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe* / K. Bowon (ed.). Seoul: KNOU Press, 2015. P. 36–58.
- Marginson 2004 – *Marginson S.* Don't Leave Me Hanging on the Anglophone: The Potential for Online Distance Higher Education in the Asia-Pacific Region // *Higher Education Quarterly*. 2004. Vol. 58 (2/3). P. 74–113.
- Mok 2006 – *Mok K.H.* Education reform and education policy in East Asia. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. 250 p.
- MOOCs 2015 – *Bowon K. (ed.)*. MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe. KNOU Press: Seoul, South Korea, 2015. 205 p.
- Nayek 2018 – *Nayek J.* A survey report on awareness among LIS professionals/students about SWAYAM: A government of India initiative on E-learning // *Knowledge Librarian. An International Peer Reviewed Bilingual E-Journal of Library and Information Science*. 2018. Vol. 05. Issue 01. P. 39–45.
- Townsend, Cheng 2000 – *Townsend T., Cheng Y.C.* Charting the progress: influences that have shaped education in the Asia-Pacific region // *Educational Change and Development in the Asia Pacific Region: Challenges for the Future* / Y.C. Cheng and T. Townsend (eds.). Lisse Netherland: Swets & Zeitlinger Publishers, 2000. P. 1–14.
- Wang 2015 – *Wang Y.* A Case Study: The development of MOOCs in China // *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe* / Bowon, K. (ed.). Seoul: KNOU Press, 2015. P. 3–12.
- Yamada 2015 – *Yamada T.* MOOC phenomena in Japan: JMOOC and OUJ-MOOC // *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe* / Bowon, K. (ed.). Seoul: KNOU Press, 2015. P. 19–27.

References

- Bowon, K. (ed.). (2015), *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe*. KNOU Press, Seoul, South Korea.
- Chen, J.C. (2013), Oportunidades y Retos de los MOOCs. Perspectivas desde Asia, IFLA WLIC, [Online], Available at: <http://library.ifla.org/157/7/098-chen-es.pdf> (Accessed 25 June 2019).
- Juvy, L., Gervacio, M. (2015), “MOOCs in the Philippines”, in Bowon, K. (ed.), *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe*, KNOU Press, Seoul, South Korea, pp. 58-69.
- Kedrova, G.Ye., Muromtsev, V.V. (2018), “Features of the implementation of online educational courses in the multilingual and multicultural space”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no3, pp. 35–50.

- Kemp, S. (2019), 'Digital 2019: Global Internet Use Accelerates', We Are Social, 30 January 2019, [Online], available at: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (Accessed 25 June 2019).
- Lee, M.N.N. (2007), "Higher Education in Southeast Asia in the Era of Globalization", in: Forest J.J.F., Altbach P.G. (eds.), *International Handbook of Higher Education*. Springer International Handbooks of Education, vol 18. Springer, Dordrecht, pp. 539–555.
- Lee, M.N.N. and Healy, S. (2006), "Higher education in Southeast Asia: An overview", in *Higher education in Southeast Asia*, UNESCO, Seameo-Rihed, Bangkok, pp. 1-13.
- Lee, T. (2015), "A case study of MOOC at KNOU: KNOU MOOC for knowledge sharing", in Bowon, K. (ed.), *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe*, KNOU Press, Seoul, South Korea, pp. 27-36.
- Malik, N.A., Belawati, T. and Baggaley, J.P. (2005), Framework of Collaborative Research and Development on Distance Learning Technology for Asia, *Indian Journal of Open Learning*, 14(3), pp. 235-247, Indira Gandhi National Open University [Online], available at: http://www.pandora-asia.org/downloads/05-AAOU_MalBelBag.pdf (Accessed 14 Oct 2019).
- Mansor, F., Latifah A.L., and Tengku, A.M. (2015), "MOOCs in Malaysia: A preliminary case study", in Bowon, K. (ed.), *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe*, KNOU Press, Seoul, South Korea, pp. 36-58.
- Marginson, S. (2004), "Don't Leave Me Hanging on the Anglophone: The Potential for Online Distance Higher Education in the Asia-Pacific Region", *Higher Education Quarterly*, vol. 58(2/3), December, pp. 74–113.
- Mok, K.H. (2006). *Education reform and education policy in East Asia*. Routledge, Taylor and Francis Group, London and New-York. 250 p.
- Nayek, J. (2018), "A survey report on awareness among LIS professionals/students about SWAYAM: a government of India initiative on E-learning", *Knowledge Librarian. An International Peer Reviewed Bilingual E-Journal of Library and Information Science*, vol. 05, Issue 01, Jan.-Feb., pp. 39-45.
- Townsend, T. and Cheng, Y.C. (2000), "Charting the progress: influences that have shaped education in the Asia-Pacific region", in Cheng, Y.C. and Townsend, T. (eds), *Educational Change and Development in the Asia Pacific Region: Challenges for the Future*, Lisse Netherland: Swets & Zeitlinger Publishers, 2000. P. 1–14.
- Wang, Y. (2015), "A Case Study: The development of MOOCs in China" // Bowon, K. (ed.), *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe*, KNOU Press, Seoul, South Korea, pp. 3-10.
- Yamada, T. (2015), "MOOC phenomena in Japan: JMOOC and OIJ-MOOC" // Bowon, K. (ed.), *MOOCs and Educational Challenges around Asia and Europe*, KNOU Press, Seoul, South Korea, pp. 19-27.
- Zhang, J. (2007), "A cultural look at information and communication technologies in Eastern education", *Educational Technology Research and Development*, vol. 55 (3), April, pp. 301–314.

Информация об авторе

Галина Е. Кедрова, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; *kedr@philol.msu.ru*

Information about the author

Galina E. Kedrova, Cand of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; *kedr@philol.msu.ru*

УДК 330.4(517.3)

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-209-219

Цифровая экономика Монголии в контексте развития мировой цифровой экономики

Владимир М. Кутовой

*Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,
kutovoy46@mail.ru*

А. Дулгуун

*Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,
kutovoy46@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных направлений развития мировой цифровой экономики и состояния цифровой экономики в Монголии. Особое внимание уделено анализу глобальной цифровизации, ее сущности и взаимосвязи с цифровой экономикой Монголии. Сформулированы предложения по улучшению цифровизации в монгольской экономике.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровой мир, кибер-пространство, электронное правительство, электронная торговля

Для цитирования: Кутовой В.М., Дулгуун А. Цифровая экономика Монголии в контексте развития мировой цифровой экономики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 209–219. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-209-219

Mongolia's digital economy in the context of the global digital economy

Vladimir M. Kutovoi

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, kutovoy46@mail.ru*

A. Dulguun

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, kutovoy46@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the consideration of the main directions development of the world digital economy and the state of the digital economy in Mongolia. Special attention is paid to the analysis of global digitalization, to what

© Кутовой В.М., Дулгуун А., 2019

it is and to its relationship with the digital economy of Mongolia. The article also formulates proposals to improve digitalization in the Mongolian economy.

Keywords: digitalization, digital economy, digital world, cyberspace, e-governance, e-commerce

For citation: Kutovoi, V.M. and Dulguun, A. (2019), “Mongolia’s digital economy in the context of the global digital economy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 210–20, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-209-219

Введение

Человечество подошло к порогу четвертой промышленной революции, основанной на цифровом поле. В конце XX в. и в начале XXI в. говорили о необратимом повороте глобализации, а теперь стали писать и обсуждать цифровизацию во всех областях по всему миру. Действительно, цифровая трансформация всех секторов идет полным ходом. На последнем World Government Summit в Дубае шла дискуссия об информационном обмене между человеческим мозгом и его цифровой версией. Технология блокчейн открывает огромное количество возможностей для такого развития. По крайней мере 20 лет назад никто не мог предвидеть такое будущее технологического развития.

Состояние развития мировой цифровой экономики

Революция в области информационно-коммуникационных технологий, глобальные тенденции цифрового экономического развития, внешнеэкономическая среда, наука и техника, интеграция, инновации, финансы, инвестиционная политика, недостатки экономики на основе традиционных полезных ископаемых и стремительное развитие внутреннего государственного экологического менеджмента требуют от той или иной страны быстрого проведения исследований и анализа, принятия обоснованных научных решений и оперативного осуществления антикризисного управления [Зенкина, Наянов 2015].

Сегодня технологии информатизации и связи, высокотехнологичная инфраструктура высокоскоростных интернет-сетей, доступ к ключевым экономическим структурам и инновации становятся ключевым показателем развития страны.

В настоящее время экономический рост чрезвычайно трудно объясняется с точки зрения классической теории экономического роста. В традиционной экономике учитывалось, что производство напрямую зависит от капитала и труда, а информация, знания и технология рассматриваются как внешние факторы.

В новом периоде глобализма инвестиции в знания оказывают большое влияние на развитие экономики и организаций [Малинина 2007]. С конца 1980-х гг. экономические показатели развитых и новых развивающихся экономик Западной и Восточной Азии резко улучшились, и речь идет о том, что они создали новые знания и смогли их совокупно использовать в экономических и промышленных секторах. Это и стало экономическим чудом [Щербанин, Зенкина и др. 2019].

Одно из самых больших открытий человечества в последней четверти двадцатого века – электронное пространство (cyber space) или киберпространство. Это пространство дает возможность человечеству сократить область применения материальных объектов, в том числе в реальном времени, и создать виртуальный мир, как, например, интернет-банк, где операции совершаются с электронными деньгами [Зенкина 2019]. Мир с реальными материальными объектами теперь превращается в виртуальный в цифровом пространстве – и это характеристика цифрового мира. Сегодня программное обеспечение, например *tr5*, стало повседневностью. С другой стороны, эти данные становятся решающей силой для развития национальных ресурсов и процветания страны.

Таким образом, национальная экономика управляется законами мирового рынка, а управление и распоряжение местными ресурсами не подчиняется национальным властям или границам. Цифровой мир уже не является инструментом обмена информацией и превратился в бесконечную площадку экономики. Более 180 стран с различными культурами имеют доступ к Интернету, и эти сети соединяют в себе все отношения во всех сферах, таких как международная торговля, инвестиции, налоги, информация, образование, безопасность, занятость, здравоохранение и социальное развитие [Поморцева, Алиева 2016]. В последние годы появились новые области экономики, такие как 3D, 4G, облачные вычисления.

Цифровая экономика включает в себя количественное программное обеспечение, электронное производство, электронное управление и называется по-разному: интернет-экономика, новая экономика, экономика знаний, интеллектуальная экономика, смарт экономика, 3D-Printing economy и веб-экономика [Поморцева, Алиева 2018]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) и Азиатско-Тихоокеанского экономического

сотрудничества (АРЕС) отмечают, что цифровая экономика резко изменит базовые понятия производительности труда, стоимости и разделения продукции, а также действует как главный двигатель экономического роста и создания новых рабочих мест¹.

Исключительность цифровой экономики будет основана на высокотехнологичной индустрии, международном транспорте, международном расчете, высокой степени мобильности банков и финансов. Благодаря средним и высокоскоростным сетевым услугам в университетах высокого уровня была создана система электронного образования [Архипова, Кульба и др. 2007]. Наряду с малыми и средними производителями, они стали развиваться с помощью электронной коммерции b-to-b (business-to-business). Эта революция в технологии информационных технологий резко расширила рынок труда, создав больше предприятий и услуг. Электронная коммерция, или электронный бизнес, включена в международную и ежедневную торговлю [Зенкина, Ивина, Малинин 2019].

Сегодня цифровизация экономики играет большую роль и в транзитном мире. По словам главы Сбербанка Г. Грефа, абсолютными лидерами по доле цифрового ВВП являются США с показателем 25% и Китай с показателем 13%. При соотношении цифрового и глобального ВВП США принадлежит 25% цифрового ВВП и 35% – мирового ВВП, Китаю – 25% глобального ВВП. Однако этот показатель растет более быстрыми темпами, чем у других стран. Доля цифрового ВВП Франции и Германии порядка 8%. Показатели цифрового ВВП остальных стран значительно ниже глобального ВВП².

Каждый год Глобальный экономический форум подчеркивает важность устойчивого развития информационно-коммуникационных технологий в глобальной экономике, окружающей среде и обществе. Примечательно, все страны признают, что важную роль играет сфера информационно-коммуникационных технологий после серьезного двадцатилетнего кризиса в мировой экономике [Архипова, Седова 2003].

Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index) – это комбинированный показатель,

¹ Measuring the Digital Economy: A New Perspective. OECD Parliamentary Days. 26 Feb. 2015.

² Греф: 35% цифрового ВВП принадлежит США. 25 мая. 2018 // Плас журнал / plus jurnal.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.plusworld.ru%2Fdaily%2Ftehnologii%2F402941-2%2F> (дата обращения 12.11.2019).

характеризующий достижения стран мира с точки зрения развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ)³. Рассчитывается по методике Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union), специализированного подразделения ООН, определяющего мировые стандарты в области ИКТ. По Индексу развития информационно-коммуникационных технологий Исландия занимает первое место в мире, далее идут Южная Корея и Швейцария. Эти исследования были проведены в 176 странах мира⁴. Современная цифровая экономика – это результат развития информационных технологий за последние 30 лет [Кутовой, Попков 2019]. Цифровое экономическое развитие можно разделить на три этапа⁵.

Первый этап: становление цифровой экономики с середины 1980-х гг. XX в. обеспечили основу, благодаря которой была создана глобальная сеть Интернет.

Второй этап: 1994 г. – начало 2000-х гг. Производство цифровой экономики встало на одно из первых мест для большинства стран. Были запущены интернет-магазины, система интернет-банкинга.

Третий этап: начало нового тысячелетия, широкий спектр электронных продуктов и валют. К ним относятся электронные услуги и (онлайн) интенсивное развитие электронной торговли.

Томас Мезенбург, экономист из США, выделяет три компонента цифровой экономики:

- инфраструктура Supporting: (оборудование, программное обеспечение, Телекоммуникации, сети, ЕТК);
- электронный бизнес;
- Е-торговля⁶.

Канадский инженер-экономист Дон Тапскотт определяет 12 характеристик цифровой экономики: Знания и информация; Цифровизация; Виртуализация; Разделы; Интеграция; Медиация; Инновация; Портал; Гипотезы; Скорость; Глобализация; Конфликт.

³ Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. Информация об исследовании. ICT Development Index 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info> 26 Ноября. 2019 (дата обращения 12.11.2019).

⁴ Там же.

⁵ «О развитии цифровой экономики»: Обзор Всемирного банка 2016 г.

⁶ *Mesembourg T.L* Measuring the Digital Economy. U.S. Bureau of the Census. 2001.

Основные этапы развития цифровой экономики в Монголии

В 2012 г. Правительство Монголии впервые приняло Постановление № 101 «О национальной программе “Электронное правительство”»⁷. Эта программа реализуется в течение 2012–2020 гг. и предполагает распространение информационных и коммуникационных сетей и услуг, либерализацию сектора телекоммуникаций, развитие информационной инфраструктуры, подключение информационной сети к международному интернет-поток, а также создание единой системы государственной регистрации.

В рамках этой программы успешно реализованы следующие мероприятия:

- создан национальный центр по регистрации граждан и юридических лиц, частной и государственной собственности, в результате чего усовершенствована единая система государственной регистрации данных. Начиная с июля 2010 г. в 331 самон, 9 районах, 21 аймаке страны проведено обновление государственной регистрации граждан, посредством чего гражданам было выдано электронное удостоверение личности. Данная работа сосредоточена на разработке баз данных информационных систем, переводе государственных услуг в электронную форму, рассмотрении и решении жалоб граждан в электронной форме, предоставлении государственных услуг через электронные киоски, совершенствовании систем налога на добавленную стоимость;
- в рамках программы «Электронное правительство» проведено исследование по созданию инфраструктуры взаимодействия и обмена информацией, в нем охвачено порядка 63 государственных учреждений. Из них порядка 50 организаций имеют электронные базы данных, а в 13 – электронные базы данных отсутствуют и данные собираются на бумажных носителях;
- в 2015 г. Парламент Монголии утвердил программу «Электронное здравоохранение», которая реализуется в течение 2016–2020 гг., цель которой заключается в улучшении оказания медицинских услуг посредством внедрения электронного здравоохранения. В результате реализации проекта “e-health

⁷ Монгольское правительство, Национальная программа «Электронное правительство» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/9503?lawid=14177> (дата обращения 17.11.2019).

- project Mongolia” у жителей сельских районов открылась возможность получения медицинской помощи и повторного обследования;
- благодаря внедрению системы электронной коммерции E-balance коммерческим организациям стало проще предоставлять финансовые отчеты государственным финансовым контролирующим органам, что значительно снизило объем затрат и времени. Кроме того, теперь организации предоставляют ежеквартальные налоговые декларации tax в государственные налоговые органы непосредственно через электронную сеть, что упрощает порядок уплаты налогов, контроля и мониторинга сборов, платежей и штрафов⁸;
 - электронная система E-banka, интегрированная с Центральным банком и всеми коммерческими банками, фондовыми биржами, страховыми компаниями и финансовыми посредниками, упрощает предоставление кредита.

Если рассмотреть возрастное различие людей, получающих цифровые финансовые услуги, то 67,8% из них составляют люди в возрасте 18–35 лет, 19,9% – в возрасте 36–45 лет, 9,2% – в возрасте 46–55 лет, 3,1% – в возрасте свыше 55 лет. В 2018 г. 50,4% людей, получивших цифровые финансовые услуги, составляют женщины, 49,6% – мужчины, а 67,8% – граждане в возрасте 18–35 лет. Другими словами, использование цифровых финансовых услуг в основном популярно среди молодых людей.

Если рассматривать уровень образования людей, получающих финтек-услуги, то 68,6% из них имеют высшее образование, 2,0% – среднее профессиональное, 25,8% – полное среднее образование, 2,2% – среднее образование, 1,4% – малое образование⁹.

С 1994 г. компания “Datacom LLC” начала службу электронной почты и установила сетевое подключение, а 17 января 1996 г. впервые запустила свой интернет-сервис в Монголии и начала предоставлять полные интернет-услуги.

В 1996 г. компания “Datacom” была единственным провайдером интернет-услуг (ISP), в то время число пользователей интернета в Монголии составляло 500 человек.

На сегодняшний день в Монголии около 70% населения пользуются интернетом, 80% из которых подключены к сетям мобильного

⁸ Генеральное налоговое учреждение Монголии, Цифровые финансовые отчеты [Электронный ресурс]. URL: <https://e-balance.mof.gov.mn/EBalance/home.jsf> (дата обращения 10.12.2019.)

⁹ “Measuring the digital economy”, International Monetary Fund, Washington, D.C. 2018.

интернета или мобильным телефонам и мобильным устройствам. В результате этого предприниматели переходят на онлайн-систему и проводят свою онлайн-деятельность, и, как правило, размещают рекламу на веб-сайтах. Сегодня у каждого есть доступ к беспроводной интернет-сети через смартфоны¹⁰.

Таблица 1

Количество пользователей интернетом
в Монголии, (тыс. чел.)

Статистика	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество постоянных пользователей интернетом	2,872,7	3,587,9	4,295,4
Число пользователей стационарным интернетом	226,1	285,1	306,2
Количество пользователей 3G	2,430,3	2,625,7	2,515,9
Количество пользователей LTE	216,4	677,13	1,473,4
Число интернет-провайдеров	60	75	72
Число интернет-кафе	378	452	497
Число компьютеров, тыс.	596,5	617,7	639,4
Число компьютеров на 1000 чел., тыс.	197	199	202

Источник: Ежегодный статистический сборник Комитета статистики Монголии. https://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_1300_010V6

С середины 1990-х гг. благодаря появлению сети Интернет и систем мобильной связи в стране успешно развивался сектор информационных технологий и телекоммуникаций. Сегодня в экономике Монголии все отрасли осуществляют свою деятельность через цифровые секторы и пользуются товарами или услугами цифровых или информационных технологий. Кроме того, циф-

¹⁰“Measuring the digital economy”, International Monetary Fund, Washington, D.C. 2018.

ровой сектор становится одной из основных отраслей экономики страны, движущей силой ее развития.

Таким образом, важнейшим инструментом обеспечения национальной безопасности Монголии является формирование эффективной цифровой экономической среды, основанной на современных знаниях и технологиях. Исходя из вышесказанного, для развития цифровой экономики страны необходимо создание условий и инфраструктуры логистики, поддержка НИОКР и формирование соответствующей нормативно-правовой базы.

Литература

- Архипова, Седова 2003 – *Архипова Н.И., Седова О.Л.* Менеджмент: Учебно-метод. модуль. Серия. «Я иду на занятия...» Том 2 (Управление персоналом). М.: Изд-во Ипполитова, 2003. 354 с.
- Архипова, Кульба и др. 2007 – *Архипова Н.И., Кульба В.В., Косяченко С.А., Чанхиева Ф.Ю., Шелков А.Б.* Организационное управление: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Н.И. Архиповой. М.: РГГУ, 2007. 732 с.
- Зенкина, Наянов 2015 – *Зенкина Е.В., Наянов Е.А.* Структурные дисбалансы мировой экономики // *Международный технико-экономический журнал*. 2015. № 6. С. 14–18.
- Зенкина 2019 – *Зенкина Е.В.* Международная валютно-финансовая система: Учеб. М.: Инфра-М, 2019. 190 с.
- Зенкина, Ивина, Малинин 2019 – *Зенкина Е.В., Ивина Н.В., Малинин А.А.* Информационные технологии как современный канал влияния на устойчивое экономическое развитие стран // *Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством»*. 2019. № 2 (40). С. 28–32.
- Кутовой, Попков 2019 – *Кутовой В.М., Попков Ю.В.* К вопросу о важности инновационно-технологического фактора в устойчивом развитии экономической системы // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2019. № 3. С. 94–105.
- Малинина 2007 – *Малинина Е.В.* Некоторые особенности финансовой глобализации // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика»*. 2007. № 11. С. 214–220.
- Поморцева, Алиева 2016 – *Поморцева И.М., Алиева Т.М.* Проектный подход к формированию бизнес-стратегий малого бизнеса на современном рынке недвижимости // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2016. № 3 (5). С. 23–33.
- Поморцева, Алиева 2018 – *Поморцева И., Алиева Т.* Развитие технологий управления интегрированными коммуникациями в интернет-проектах // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2018. № 1 (11). С. 22–39.
- Щербанин, Зенкина и др. 2019 – *Щербанин Ю.А., Зенкина Е.В., Толмачев П.И., Грибанич В.М., Дрыночкин А.В., Королев Е.В., Кутовой В.М., Логинов Б.Б.* Мировая экономика: Учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2019. 503 с.

References

- Arkhipova, N.I. and Sedova, O.L. (2003), *Menedzhment*, Uchebno-metodicheskii modul', "Ya idu na zanyatiya..." Series, Vol. 2 (Upravlenie personalom) [Management. Training-methodic module, "I'm going to class..." Serie, vol. 2 (the Human Resources Management)]. Izdatel'stvo Ippolitova, Moscow, Russia.
- Arkhipova, N.I., Kul'ba, V.V., Kosyachenko, S.A. et al. (2007), *Organizatsionnoe upravlenie* [Organizational management], Textbook for universities, N.I. Arkhipova (ed.), RGGU, Moscow, Russia.
- Zenkina, E.V. and Nayanov, E.A. (2015), "Structural imbalances of world economy", *The International Technical-Economic Journal*, no 6, pp. 14-18.
- Zenkina, E.V. (2019), *Mezhdunarodnaya valyutno-finansovaya sistema* [The international monetary system], Infra-M, Moscow, Russia.
- Zenkina, E.V., Ivina, N.V., Malinin, A.A. (2019), "Information technologies as a modern channel of influence on sustainable economic development of the countries", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ehkonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, no 2 (40), pp. 28-32.
- Kutovoi, V.M. and Popkov, Yu.V. (2019), "To a question of importance of the innovative technology factor in sustainable development of an economic system", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 3, pp. 94-105.
- Malinina, E.V. (2007), "Specific features of financial globalization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics" Series*, no 11, pp. 214-220.
- Pomortseva, I.M. and Alieva, T.M. (2016), "Project approach to the formation of business strategies of small business in the present real estate market", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 3 (5), pp. 23-33.
- Pomortseva, I.M. and Alieva, T.M. (2018), "Development of the integrated communications management technologies in Internet projects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 1 (11), pp. 22-39.
- Shcherbanin, Yu.A., Zenkina, E.V., Tolmachev, P.I., Gribanich, V.M., Drynochkin A.V., Korolev E.V., Kutovoi V.M., Loginov B.B. (2019), *Mirovaya ehkonomika*, Uchebnik [World economy, Textbook], 5th ed., Yuniti-Dana, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Владимир М. Кutowой, доктор экономических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; kutovoy46@mail.ru

Дулгуун Алтанчулуун, аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; kutovoy46@mail.ru

Information about the authors

Vladimir M. Kutovoy, Dr. of Sci. (Economics), professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119021; kutovoy46@mail.ru

Dulguun Altanchulun, postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119021; kutovoy46@mail.ru

Формирование модели ценообразования с использованием индивидуальных характеристик (на примере спортивных инвестиций)

Ярослав О. Зубов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zubov_y@mail.ru*

Аннотация. В статье были проанализированы различные факторы, оказывающие влияние на систему ценообразования игроков в системе менеджмента футбольного клуба. Определены основные проблемы описанной предметной области. Прежде всего проблемы развития трансферного рынка профессиональных игроков требуют не только изучения участников рынка, но и создания методики первичной оценки стоимости игроков. Рассмотрена текущая система ценообразования на игроков, применяемая в большинстве футбольных клубов. Проведен ее текущий анализ, выявлены основные направления для потенциального развития. Проведен регрессионный анализ ключевых факторов с представлением математического аппарата модели. Представлена оценка результатов полученных коэффициентов корреляции с точки зрения факторов, влияющих на систему ценообразования игроков. Определены основные проблемы описанной предметной области. Установлено, что влияние спортивных достижений на стоимость трансфера снижается с увеличением возраста, а высокий уровень публичности спортсмена, наоборот, позволяет существенно увеличить цену контракта. Построена регрессионная модель основных влияющих факторов, и оценены коэффициенты корреляции, позволяющие проанализировать текущую систему ценообразования на игроков.

Ключевые слова: ценообразование, критерии оператора Шоке, регрессионный анализ, коэффициенты корреляции

Для цитирования: Зубов Я.О. Формирование модели ценообразования с использованием индивидуальных характеристик (на примере спортивных инвестиций) // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 220–234. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-220-234

The formation of a pricing model
using individual characteristics
(by an example of sports investment)

Yaroslav O. Zubov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zubov_y@mail.ru*

Abstract. The article analyzed various factors that influence the pricing system of players in the management system of a football club. The main problems of the described subject area are identified. First of all, the problems of developing the transfer market of professional players requires studying not only market participants, but also creating a methodology for the initial assessment of the value of players. The current system of pricing for players, which is used in most football clubs, is considered. Its current analysis is carried out, the main directions for potential development are identified. A regression analysis of key factors with the presentation of the mathematical apparatus of the model. An assessment of the results of the obtained correlation coefficients from the point of view of factors affecting the pricing system of players is presented. The main problems of the described subject area are identified. First of all, the problems of developing the transfer market of professional players requires studying not only market participants, but also creating a methodology for the initial assessment of the value of players. It has been established that the influence of sports achievements on the transfer cost decreases with increasing age, and the athlete's high level of publicity, on the contrary, can significantly increase the price of the contract. A regression model of the main influencing factors is constructed, and correlation coefficients are estimated, which make it possible to analyze the current pricing system for players.

Keywords: pricing, criteria for the Choquet operator, regression analysis, correlation coefficients

For citation: Zubov, Ya.O. (2019), "The formation of a pricing model using individual characteristics (by an example of sports investment)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 4, pp. 220-34, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-220-234

Введение

Большое значение в инвестиционном процессе и его структуре имеет создание оптимального инвестиционного портфеля компании и определение методов его формирования. Теория и практика создания портфеля определяет возможности оценки инвестици-

онных рисков, а также доходность инвестиций. Подбирая соответствующую комбинацию различных активов, компания-инвестор может формировать эффективный портфель, обеспечить его высокую совокупную доходность и снижение инвестиционных рисков [Зубов 2010, с. 17].

Практическое значение имеет разработанная модель оптимизации формирования и управления инвестиционным портфелем, которая может быть применена компаниями при реализации инвестиционных проектов, что позволит существенно снизить возможные риски и повысить доходность от сделанных капиталовложений [Зубов 2011].

Если рассмотреть в качестве компании-инвестора футбольный клуб, то ключевые принципы формирования их инвестиций остаются неизменными. Безусловно, ключевыми активами для футбольных клубов являются их игроки, в развитие которых вкладываются большие средства, но потенциально они способны принести большую прибыль. Рассмотрим далее модель системы ценообразования на игроков.

Футбольные трансферы – сделки, проводимые в период, специально отведенный для покупки и продажи игроков.

Грамотно выстроенная система ценообразования позволяет объективно формировать стоимость футболистов и поддерживать баланс футбольного трансферного рынка.

Определим основные проблемы описанной предметной области. Прежде всего проблема развития трансферного рынка профессиональных игроков требует не только изучения участников рынка, но и создания методики первичной оценки стоимости игроков. Установлено, что влияние спортивных достижений на стоимость трансфера снижается с увеличением возраста, а высокий уровень публичности спортсмена, наоборот, позволяет существенно увеличить цену контракта.

Статистические данные позволили проследить, что после достижения «пика карьеры» ценность спортсменов для клубов постепенно уменьшается. Но при этом общепринятой методики первичной оценки стоимости игрока на российском рынке пока не существует.

Сегодня профессиональные игроки имеют практически абсолютную независимость в вопросе выбора команды, за которую они хотели бы выступать. Так сложилось, что трансферы, происходящие в футбольном мире, зачастую волнуют болельщиков не меньше, чем результаты игры любимой команды. Больше всего это заметно в период межсезонья, когда игроки отдыхают, а тренерский штаб пытается усилить составы перед предстоящим сезоном.

Определение стоимости игрока на трансферном рынке является нетривиальной задачей. Факторы, влияющие на ценообразование, также не формализованы.

Инвестиции в системе футбола бывают финансовыми и реальными.

Финансовые инвестиции в потенциальный рост (FIPG) – это отличная стратегия найма. Используются клубы с финансовой мощностью, но не способные конкурировать с лучшими в Европе. Это самый дешевый способ получить лучших игроков и большую прибыль. Предпосылка состоит в том, чтобы инвестировать значительные средства в разведку, покупая молодых игроков по минимально возможной цене, которые, по мнению клуба, имеют большой потенциал. Игроки могут в конечном итоге быть проданы крупным клубам за большую прибыль.

Очевидно, это идеальный сценарий. Это рискованная стратегия, которая нуждается в отличном разведывании и тренировке для поиска и развития игроков. Но есть клубы, которые сделали это очень качественно. Следует отметить, что представленный список не является исчерпывающим и может быть дополнен и детализирован в зависимости от целей [Назаров 2019, с. 111].

Как известно, богатые клубы с их доходами более привлекательны для игроков и спонсоров. Эти клубы привлекают больше поклонников. В течение прошлого века футбол превратился из скромного вида спорта, в который играли только для удовольствия, в массовый и дорогостоящий вид спорта. Правила гласят, что футбольный клуб, чтобы получить лицензию, должен выполнить пять конкретных требований: спортивные критерии, инфраструктурные критерии (стадион и учебные центры), личные критерии, юридические критерии (контракты) [Adnett, Vougheas 2018, p. 191].

Спортивная экономика – это самая быстрая по темпам роста отрасль прикладной экономики [Battle, Bull, Hawkins et al. 2016, p. 109]. Футбол, без сомнения, самый освещаемый СМИ спорт. Футбольные клубы по всей Европе разрабатывают инвестиционные стратегии для максимизации производительности и прибыли в обеих спортивно-финансовых зонах. Футбольный рынок принимает существенное участие в финансовых вложениях. Футбол играет важную роль как инвестор в экономике. Футбольный рынок обладает высокой финансовой платежеспособностью и быстрой окупаемостью [Николсон, Хойя, Смит, Стюарт 2013, с. 207]. Футбольные клубы вывели на рынок большое количество акций. Из-за важности футбольной индустрии футбольные клубы превратились в бренды.

Есть три источника доходов футбольных клубов: доходы, полученные на день игры (включая билеты и корпоративные распродажи); ТВ-права (в том числе участники местной лиги, кубки, а также Европейские чемпионаты) и коммерческие источники дохода (спонсорство, маркетинг и продажи и другая коммерческая деятельность); поскольку источники их дохода ограничены, футбольная индустрия постоянно борется за повышение дохода. Конкуренция между клубами за спонсорство и долю на телевидении очень высока [Поляков, Жукова 2013, с. 176].

Также источниками инвестиций для футбольных клубов являются фанаты.

Фанаты покупают билеты на матчи, абонементы на сезоны, помимо этого они покупают клубную атрибутику (шарфы, футболки, спортивную форму и т. д.). Все эти траты идут в бюджет клуба.

Собственно, система ценообразования на игроков в футбольном клубе делится на два этапа:

- селекционная работа внутри клуба;
- аналитическая работа.

Аналитическая стадия является самой сложной из-за конкуренции с другими клубами и уникального процесса ценообразования. Не существует рыночных механизмов регулирования трансферной стоимости на футболиста – она определяется субъективно, и, по большому счету, влияет на нее только клуб-продавец.

Сам переговорный процесс состоит из несколько уровней, каждый из которых также в той или иной степени влияет на итоговую трансферную стоимость. Все этапы находятся параллельно относительно друг друга, и, когда по каждому были достигнуты договоренности, происходит трансфер. К основным этапам необходимо отнести:

- определение трансферной стоимости с клубом;
- согласование с игроком личного контракта;
- переговоры с агентом игрока о комиссионном вознаграждении.

Самый сложный из этих пунктов – первый. Для того чтобы определить трансферную стоимость игрока, учитывается огромное количество различных факторов:

- возраст (в двух плоскостях – опыт и потенциал);
- число появлений в лиге за сезон (показывает форму игрока и его общее состояние);
- голы (учитывается показатель забитых голов за прошлый и текущий сезоны);
- позиция игрока (вратарь, защитник, полузащитник, нападающий).

Существует еще целый ряд характеристик, которые учитываются футбольной ассоциацией, но эти показатели не используются для анализа. Так, например, такой показатель, как уровень публичности, не зависит от способностей игрока. Однако учет данной позиции позволяет улучшить качество описания изменчивости цен. Эксперименты с рядом других параметров игрока, например со стажем, незначительно повлияли на результат исследования, поэтому не выбирались в качестве исходных переменных для анализа.

С учетом того, что на данный момент футбольный клуб трансформировался из только спортивной плоскости в экономическую, при определении трансферной цены учитывается также ряд характеристик продающего и покупающего клуба. К таким характеристикам можно отнести:

- успехи клуба (разница между забитыми и пропущенными голами в прошлом сезоне);
- турнирное положение клуба на начало трансферного сезона;
- общее финансовое положение клуба;
- статус клуба (дивизион, место и так далее).

Селекционная служба определяет трансферную стоимость игрока как ожидаемый вклад в отдачу его новой команды, обычно измеряющуюся успехами на игровом поле. Вклад игрока, т. е. его предельная производительность, будет зависеть от его собственных умений и инвестирования в человеческий капитал. Таким образом, в качестве определяющих селекционная служба учитывает прямые и косвенные факторы, позволяющие измерить способности и человеческий капитал, основанные на индивидуальных характеристиках игрока, а также косвенные индикаторы способностей и человеческого капитала, основанные на статусе продающего клуба. Первым прямым определяющим фактором человеческого капитала является возраст и опыт. Опыт измеряется числом проведенных матчей в лигах.

Очевидно, что самый главный фактор, который определяет успешность игрока, – это количество забитых голов. Клуб прежде всего заинтересован в текущих показателях игрока, а также в их динамике (увеличение или уменьшение). Безусловно, данный показатель не распространяется на вратарей, и связь между числом забитых голов определяется специализацией игрока на поле.

Помимо количественных характеристик при оценке трансферной стоимости игрока селекционная служба клуба также учитывает и физические показатели игрока: рост и вес. Даже несмотря на то, что сегодня многие ведущие аналитики считают, что данные показатели не вносят существенных изменений в определение трансферной стоимости игрока [Battle, Bull, Hawkins et al. 2016, p. 99].

Как правило, большая часть переговоров заканчивается на первой стадии. И основной причиной чаще всего является цена клуба, которую покупатель считают завышенной.

Одной из систем, по которой определяют трансферную цену, является сумма контракта игрока, которую он получает за пять лет. Эта система не является общепринятой, но зачастую именно от нее отталкиваются продающие клубы. Ниже будут описаны несколько важных системных составляющих, которые объективно влияют на трансферную цену.

Если речь идет о стоящем игроке, то важной составляющей, которая определяет трансферную цену, будет являться конкуренция. В борьбе за игрока клубы будут предлагать продавцу более интересные предложения, тем самым способствуя росту продажной цены.

Общая экономическая ситуация в стране, регионе и в клубе также будет существенно влиять на цену. Если продающий клуб нуждается в деньгах, трансферная цена игрока будет падать.

Текущий срок контракта выставленного на продажу игрока является во многом определяющим моментом. Переговоры о продаже игрока начинают вестись, когда оставшийся срок контракта составляет не менее двух лет. Это психологическая особенность, которая позволяет клубу-продавцу чувствовать себя комфортно на переговорах. Также контракты с ведущими игроками, как правило, пролонгируются до того момента, когда по действующему контракту останется менее двух лет. Соответственно, покупателю важно знать данную информацию, так как если клуб не продлевает со своим игроком контракт, на это есть веские причины.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря подобной системе ценообразования на игроков футбольному клубу удастся покупать игроков за минимальную стоимость, а продавать, наоборот, за максимальную цену, которая постоянно увеличивается.

Но данная модель имеет также и определенные минусы. Например, в ней не учитывается, контракт какой длительности заключен между клубом-продавцом и игроком на момент продажи и на какой срок игрок будет заключать контракт с новым клубом. Очевидно, что игрок, чей действующий контракт подписан на более длительный срок, будет стоить дороже, чем тот, у кого подписан на меньший срок. Аналогично и с контрактом, который заключает клуб-покупатель с игроком.

Таким образом, для более точной оценки игроков футбольному клубу необходимо включить в свою модель длительность контрактов.

Трансферные инвестиции являются основным видом инвестиций для футбольного клуба. В связи с этим успешность стратегии

развития клуба напрямую зависит от успешности проведения трансферных инвестиций. Для увеличения эффективности оценки трансферной стоимости футболиста необходимо оценить вероятность успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе, так как чем выше эта вероятность, тем выше ценность перехода, а следовательно, и выше цена перехода. В качестве такой оценки могут быть использованы экспертные рассуждения, однако они подвержены влиянию субъективизма. Необходимо формализовать рассуждения экспертов. Примем значение вероятности успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе за P .

Рассмотрим критерии оценки вероятности успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе. Обозначим за G успешность продающего клуба и за K ценность футболиста. Критерий G является составным и может быть получен из следующих критериев:

- финансовое положение клуба, обозначим за g_1 ;
- спортивные достижения клуба, обозначим за g_2 .

Данные критерии взаимосвязаны, так как чем лучше финансовое положение клуба, тем лучше и спортивные успехи клуба, и наоборот.

Критерий K также является составным и может быть получен из следующих критериев:

- потенциал футболиста, обозначим k_1 ;
- опыт футболиста, обозначим k_2 ;
- тактико-технические действия (ТТД) футболиста, обозначим k_2 .

В современной системе ценообразования на игроков в большинстве футбольных клубов есть значительный недостаток – они учитывают забитые игроком голы как один из самых важных критериев для оценки стоимости этого игрока. Но в таком случае образуется необъективность при оценке игроков оборонительного плана, так как их главная цель во время игры – не забивать голы, а защищать свои ворота. Поэтому для оценки стоимости игрока в данной модели были взяты не голы, а ТТД, т. е. для нападающих это будут голы, голевые передачи и т. п., для полузащитников – в большей степени голевые передачи, обостряющие пасы и др., для защитников – отборы, выносы, перехваты, выигранные единоборства и пр., а для вратарей – отбитые мячи, точность дальнего паса и т. п.

Критерии k_1 («потенциал футболиста») и k_2 («опыт футболиста») чаще имеют следующую зависимость: чем больше опыт игрока, тем меньше его потенциал, и чем больше потенциал, тем меньше опыт. Составные критерии G и K являются независимыми

друг от друга, поэтому нормализовать их можно с помощью средневзвешенного оператора. Значения весов для оператора можно определить равными 0,4 и 0,6 соответственно, так как ценность игрока является более важным критерием, чем успешность продающего клуба.

Описанные критерии оценки вероятности успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе необходимо формализовать. Для этого можно применить соответствующий оператор агрегирования. Оператор агрегирования представляет собой некую функцию, которая на основе множества входных критериев позволяет определить итоговую оценку [Beliakov, Sola, Sánchez 2016a, pp. 13–24]. Значения критериев и итоговой оценки принадлежит отрезку $[0, 1]$. Таким образом, итоговой оценкой будет являться вероятность успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе. Чтобы формализовать рассуждения об оценке вероятности, необходимо выбрать применяемый оператор агрегирования.

Задача выбора оператора агрегирования является нетривиальной [Beliakov, Sola, Sánchez 2016b, pp. 58–64]. Самыми простыми в реализации и использовании являются следующие операторы:

- оператор минимума;
- оператор максимума;
- средний оператор;
- средневзвешенный оператор.

Операторы минимума и максимума из всего множества входных критериев выбирают минимальное и максимальное значение соответственно. Средний оператор в качестве итоговой оценки выдает среднее арифметическое значение входных критериев. Средневзвешенный оператор является модификацией среднего оператора – при вычислении итоговой оценки значения входных критериев умножаются не на равные коэффициенты, а на различные коэффициенты, определяемые экспертами.

Приведенные рассуждения о взаимосвязях критериев G и K невозможно оценить с использованием простого средневзвешенного оператора агрегирования. Это связано с тем, что простые операторы агрегирования не позволяют учитывать корреляцию и взаимозаменяемость между критериями. Для решения задачи может быть применен дискретный оператор Шоке, называемый также интеграл Шоке [Beliakov, Sola, Sánchez 2016c, pp. 73–81]. Для использования данного оператора необходимо задать, помимо входных критериев, их предпочтительную зависимость и индексы взаимодействия между собой. На основе этих параметров интеграл Шоке формирует так называемую нечеткую меру критериев [Beliakov, Sola, Sánchez

2016d, pp. 190–200]. Нечеткая мера представляет собой степень важности определенного критерия на итоговую оценку. Обычно потоки стационарны, а запасы нестационарны [Алехин 2019, с. 93].

Под предпочтительной зависимостью понимается суждение экспертов о том, что значение одного критерия является более важным для итоговой оценки, чем значение другого критерия [Сакулин, Соколов, Выхованец 2017, с. 91]. Под индексом взаимодействия понимается степень корреляции критериев. Индекс взаимодействия критериев может принимать значения от -1 до 1 . Положительное значение индекса взаимодействия соответствует положительной корреляции критериев, а отрицательное – отрицательной корреляции. Длина временных рядов задана наличием статистики.

Положительная корреляция между критериями соответствует такой их зависимости, при которой увеличение одного критерия влечет за собой увеличение другого критерия.

Отрицательная корреляция между критериями соответствует такой их зависимости, при которой увеличение одного критерия влечет за собой уменьшение другого критерия.

Рассмотрим соответствующие значения индексов взаимодействия и предпочтительной зависимости для введенных ранее критериев оценки вероятности успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе.

Так как увеличение критерия g_1 («финансовое положение клуба») положительно коррелировано с критерием g_2 («спортивные достижения клуба»), то примем их индекс взаимодействия равным $0,5$:

$$I(g_1, g_2). \quad (1)$$

Это связано с тем, что данные критерии примерно одинаково влияют друг на друга. Однако критерий g_2 («спортивные достижения клуба») является более значимым для итоговой оценки составного критерия G («успешность клуба»), поэтому введем предпочтительную зависимость критерия g_2 («спортивные достижения клуба») над критерием g_1 («финансовое положение клуба»):

$$g_1 \prec g_2. \quad (2)$$

Так как увеличение критерия k_1 («потенциал футболиста») отрицательно коррелировано с критерием k_2 («опыт футболиста»), то примем их индекс взаимодействия равным $-0,5$:

$$I(k_1, k_2) = -0,5. \quad (3)$$

Это связано с тем, что данные критерии примерно одинаково влияют друг на друга. Однако критерий k_1 («потенциал футболиста») является более значимым для итоговой оценки составного критерия K («ценность игрока»), поэтому введем предпочтительную зависимость критерия k_1 («потенциал футболиста») над критерием k_2 («опыт футболиста»):

$$k_2 < k_1. \quad (4)$$

Критерии k_2 («опыт футболиста») и k_3 («тактико-технические действия футболиста») положительно коррелированы. Аналогично критериям g_1 и g_2 зададим соответствующий индекс взаимодействия:

$$I(k_2, k_3) = 0,5. \quad (5)$$

Однако данные критерии являются одинаково значимыми для итоговой оценки критерия K («ценность игрока»). Поэтому их предпочтительную зависимость можно формализовать следующим образом:

$$k_2 \cong k_1. \quad (6)$$

Значения индексов взаимодействия (1), (3), (5), предпочтительных зависимостей (2), (4), (6), подается на вход интеграла Шоке вместе со значениями критериев.

Рассмотрим алгоритм шагов, позволяющий получить формализованную экспертную оценку вероятности успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе.

Шаг 1. На данном шаге необходимо получить первичную экспертную оценку. Для удобства экспертов им предлагалось оценить значение каждого из критериев в диапазоне от 0 до 10, где 0 – критерий полностью не удовлетворен, 10 – критерий полностью удовлетворен. Если эксперт затруднялся ответить на какой-либо вопрос анкеты, он должен был оставить поле для оценки пустым. Экспертам необходимо выставить оценку для презентации в соответствии с анкетой, состоящей из следующих вопросов.

1. Оцените финансовое положение продающего клуба за прошедший сезон.
2. Оцените спортивные достижения продающего клуба за прошедший сезон.
3. Каков потенциал продаваемого игрока?
4. Насколько опытен продаваемый игрок?
5. Оцените тактико-технические действия продаваемого игрока.

В случае отсутствия входных данных по какому-либо критерию его значение будет заменено на среднее значение остальных критериев для достижения толерантности к отсутствию входных данных.

Полученные ответы экспертов составляют первичную оценку критериев.

Шаг 2. На данном шаге необходимо получить нормализованную экспертную оценку. Полученные в шаге 1 ответы экспертов усредняются с помощью среднего арифметического и приводятся к нормализованному виду. Для этого полученная средняя оценка по критерию приводится к значению из интервала $[0, 1]$.

Шаг 3. На данном шаге необходимо подать усредненные нормализованные значения критериев вместе с заданными ранее значениями индексов взаимодействия и предпочтительных зависимостей критериев на вход оператора Шоке.

Шаг 3 применяется отдельно для каждого из составных критериев G и K .

Шаг 4. Вычисляется средневзвешенное значение для полученных оценок составных критериев G и K .

Результатом шага 4 является формализованная экспертная оценка вероятности успешного выступления футболиста в потенциально новом клубе.

Выводы

Помимо прочего, полученная модель обладает следующими преимуществами:

- позволяет выбрать игроков, которые с наибольшей вероятностью будут прогрессировать в дальнейшем, что приведет впоследствии к перепродаже с прибылью, а также к повышению имиджа клуба-продавца за счет этого;
- позволяет определить степень потенциальной успешности трансфера игрока в другой клуб;
- устраняет высокий уровень неопределенности на ранних этапах анализа.

Использование модели на практике позволяет получить следующую функциональность:

- постоянный анализ игроков из различных лиг;
- минимизация расходов при покупке молодых и потенциально сильных игроков.

То есть получается, что при условии, что футбольный клуб нацелен на развитие молодых игроков, рекомендуется проводить оценку вероятности успеха трансферов игроков, на основе которой объективно оценивать стоимость игрока.

Благодарности

Автор выражает особую благодарность декану экономического факультета РГГУ, доктору экономических наук, профессору Виталию Анатольевичу Умнову; заведующему кафедрой «Финансы и кредит» ИЭУП РГГУ, доктору экономических наук, профессору Валерию Николаевичу Незамайкину, которые оказывали помощь в выполнении исследования и высказывали критические замечания в адрес статьи, позволившие устранить возникающие недостатки.

Acknowledgements

The author expresses special gratitude to the Dean of the Faculty of Economics of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Economics, professor Vitaly Anatol'evich Umnov, Head of the Department of Finance and Credit of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Economics, Professor Valery Nikolayevich Nezamaikin who assisted in the study and made critical remarks about the article, allowing to eliminate limitations.

Литература

- Алехин 2019 – *Алехин Б.И.* Оценка устойчивости бюджетной политики регионов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 81–102.
- Зубов 2010 – *Зубов Я.О.* Концепция формирования и управления инвестиционным портфелем в условиях финансового кризиса // Экономический журнал. 2010. № 1 (17). С. 17–28.
- Зубов 2011 – *Зубов Я.О.* Формирование эффективного инвестиционного портфеля в системе менеджмента промышленных предприятий: Автореф. дис. канд. экон. наук. М., 2011.
- Назаров 2019 – *Назаров А.Г.* Классификация и систематизация стратегий развития промышленных предприятий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 102–117.
- Николсон, Хойя, Смит, Стюарт 2013 – *Николсон М., Хойя Р., Смит А., Стюарт Б.* Спортивный менеджмент: принципы и применение. М.: Рид Медиа, 2013. С. 207–223.
- Поляков, Жукова 2013 – *Поляков К.Л., Жукова Л.В.* Оценка человеческого капитала в профессиональном футболе // Прикладная эконометрика. 2013. № 29. С. 29–39.
- Сакулин, Соколов, Выхованец 2017 – *Сакулин С.А., Соколов Д.А., Выхованец В.С.* Формализованная экспертная оценка качества образовательных мульти-

- медиа-ресурсов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2017. Т. 21. № 9 (128). С. 83–94.
- Adnett, Bougheas 2018 – Adnett N., Bougheas S. Transferable training and the hold-up problem: Policy implications: Paper presented at the Meetings of the European Economic Association. Berlin, 2018. P. 191–204.
- Battle, Bull, Hawkins et al. 2016 – Battle R., Bull A., Hawkins M., Hearne S., Parkes R., Thorpe A. The untouchables. Football Money League, Sports Business Group at Deloitte. England, Manchester, 2016. P. 99–131.
- Beliakov, Sola, Sánchez 2016 – Beliakov G., Sola H.B., Sánchez T.C. Practical Guide to Averaging Functions. Springer International Publishing, 2016. P. 13–200.

References

- Adnett, N., Bougheas, S. (2018), *Transferable training and the hold-up problem: Policy implications*, Paper presented at the Meetings of the European Economic Association, Berlin, pp. 191-204.
- Alekhin, B.I. (2019), “Assessment of the stability of the budget policy of the regions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 2, pp. 81-102.
- Battle, R., Bull, A., Hawkins, M., Hearne, S., Parkes, R. and Thorpe, A. (2016), *The untouchables*. Football Money League, Sports Business Group at Deloitte. Manchester, England, pp. 99-131.
- Beliakov, G., Sola, H.B. and Sánchez, T.C. (2016), *Practical Guide to Averaging Functions*, Springer International Publishing, pp. 13-200.
- Nazarov, A.G. (2019), “Classification and systematization of development strategies of industrial enterprises”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series*, no 2, pp. 102-117.
- Nicholson, M., Hoya, R., Smith, A., Stuart, B. (2013), *Sport management: Principles and applications*, Reed Media, Moscow, Russia, pp. 207-223.
- Polyakov, K.L. and Zhukova, L.V. (2013), “Assessment of human capital in professional football”, *Applied Econometrics*, no 29, pp. 29-39.
- Sakulin, S.A., Sokolov, D.A. and Vichovanetz, V.S. (2017), “Formalized expert assessment of the quality of educational multimedia resources”, *Bulletin of Irkutsk State Technical University*, vol. 21, no 9 (128), pp. 83-94.
- Zubov, I.O. (2010), “The concept of formation and management of the investment portfolio in the conditions of the financial crisis”, *Economic Journal*, no. 1 (17), pp. 17-28.
- Zubov, I.O. (2011), *Formation of an effective investment portfolio in the system of management of industrial enterprises*, Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ярослав О. Зубов, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; zubov_y@mail.ru

Information about the author

Iaroslav O. Zubov, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zubov_y@mail.ru

УДК 338.121

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-235-246

Технологические инновации –
путь к неисчерпаемости природного ресурса
(на примере газовой отрасли)

Сергей В. Еремин

*Российский государственный университет нефти и газа (НИУ)
имени И.М. Губкина, Москва, Россия, eremin.s@gubkin.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены технологические инновации, предопределяющие пересмотр концепции исчерпаемости газа как природного ресурса. К таковым автор относит масштабирование технологий сжиженного природного газа и сланцевой газодобычи, а также находящиеся в разной степени разработки технологии производства синтетического метана на базе возобновляемых источников электроэнергии и технологии освоения залежей газогидратов. Технологические сдвиги снижают ценность фактора исчерпаемости природного ресурса, что обуславливает возникновение новых рисков и возможностей для игроков мировых газовых рынков.

Ключевые слова: природный газ, метан, исчерпаемый ресурс, рынок газа, инновация

Для цитирования: Еремин С.В. Технологические инновации – путь к неисчерпаемости природного ресурса (на примере газовой отрасли) // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 235–246. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-235-246

Technological innovation:
the path to the inexhaustibility of natural resources
(the gas industry example)

Sergey V. Eremin

*Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia,
eremin.s@gubkin.ru*

Abstract. The article discusses technological factors that undermine the concept of gas exhaustion as a natural resource. These include the scaling of technologies for liquefied natural gas and shale gas production, as well as technologies for the production of synthetic methane based on renewable energy

© Еремин С.В., 2019

sources and technology for the development of gas hydrate deposits, which are under exploration. Technological advances reduce the value of the gas exhaustion factor, which leads to new risks and opportunities for players in global gas markets.

Keywords: natural gas, methane, exhaustible resource, gas market, innovation

For citation: Eremin, S.V. (2019), “Technological innovation: the path to the inexhaustibility of natural resources (the gas industry example)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 235-46, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-235-246

Введение

С самого своего зарождения газовая отрасль является одной из наиболее технологически емких отраслей производства. Она создавала спрос на инновации, являлась доминирующим полигоном их испытания и внедрения в практику. Инновационные процессы в мировой газовой индустрии приобрели перманентный и всеохватывающий характер. Помимо того, что инновации революционным образом трансформировали структуру и принципы функционирования отрасли и рынков, они подвергли сомнению многие парадигмы, казавшиеся незыблемыми в течение многих десятилетий. К их числу относится в том числе новый взгляд на исчерпаемость газа как природного ресурса, которому посвящена настоящая статья.

Исчерпаемость природного газа и технологические инновации

Традиционные экономические теории исходили из ограниченности исчерпаемого природного ресурса, постоянного роста как спроса на него, равно как и цены, пока он находится в недрах. Под понятием «исчерпаемость» обычно понимают не столько физическое наличие полезного ископаемого, сколько возможность его экономически рентабельной добычи в определенной временной перспективе с использованием доступных технологий. То есть «исчерпаемость» природного газа можно понимать как функцию инновационного развития, достижение которой отдалается по времени по мере возникновения и внедрения новых технологий. Сама идея экономической конечности газа как ископаемого топлива не ставилась под сомнение до недавнего времени. Однако развитие

технологий добычи (производства), переработки, транспортировки и коммерциализации природного газа дает основания предположить, что исчерпание газовых ресурсов не только отодвигается на неопределенный срок, но и то, что газ в принципе утрачивает признаки исчерпаемого природного ресурса, все больше превращаясь в продукцию промышленного производства (изделие).

На этом пути превращений можно выделить четыре технологических прорыва, которые кардинальным образом увеличивают предложение газа на мировых рынках.

1. *Технологии производства, транспортировки и коммерциализации сжиженного природного газа (СПГ)*, обусловившие вовлечение в энергетический баланс географически отдаленных от мировых центров газопотребления месторождений газа.

2. *Технологии сланцевой газодобычи* (комбинация гидроразрыва пласта, трехмерной сейсмики и наклонного бурения), которые превратили газодобычу, по сути, в производство промышленного продукта.

3. *Технологии конверсии электроэнергии из возобновляемых источников в синтетический метан (Power-to-gas)* ведут к неисчерпаемости газа, превращают его в продукт промышленного производства и служат основой новой «водородной энергетики».

4. *Технологии разработки газогидратов*, будущая коммерциализация которых открывает дорогу к энергетической независимости не только отдельных стран, но и целых регионов.

Эволюция взглядов на соотношение экономического роста и исчерпаемости природных ресурсов

Проблеме исчерпаемости ресурсов и, как следствие, замедления экономического роста уделялось внимание еще на заре становления экономической мысли. Утверждая, что богатство создается трудом, разделением труда и международной торговлей, А. Смит считал, что главной проблемой является не недостаток природного ресурса, а скорее недостаток инвестиций. Его вера в индивидуальные усилия, креативность и изобретательность, а также в способность «невидимой руки» рынка эффективно распределять ресурсы оказала решающее влияние на последующие теории управления ресурсами.

Оптимизм Смита не разделял Т. Мальтус, который считал идею бесконечного прогресса не только наивной, но и опасной: ограниченные ресурсные возможности планеты, по его мнению, были не

в состоянии поддерживать неуклонно возрастающую численность населения. Д. Рикардо соглашался с Мальтусом в том, что сокращение природных ресурсов в результате роста экономической активности когда-то остановит рост и населения, и экономики. Рикардо допускал увеличение объемов сельскохозяйственного производства за счет вовлечения в оборот новых пахотных площадей и более капиталоемкого их использования. Однако отдача на капитал, по его мнению, будет неуклонно снижаться и до уровня понесенных затрат, а это приведет к стагнации и падению уровня жизни населения [Рикардо 1955].

Д. Милль, наряду со многими экономистами своей эпохи, считал, что экономическое развитие имеет пределы. Оно останавливается, если рост и обеспеченность природными ресурсами достигает некоего статического стационарного состояния. Милль, пожалуй, первым указал на возрастающую роль технологических инноваций, в том числе открытия новых источников сырья, для преодоления негативных эффектов, связанных с исчерпаемостью природных ресурсов.

А. Маршалл выделил проблему экстерналиев или «внешних эффектов», т. е. эффектов, оказывающих влияние на лиц, не вовлеченных в процесс разработки невозобновляемого ресурса. Путем реализации гибкой налоговой политики и субсидирования государство принуждает частных лиц действовать должным образом и тем самым регулирует интенсивность экстерналиев [Маршалл 1993].

Г. Хотеллинг поднял вопрос об общественной ценности природных ресурсов. Он утверждал, что рациональные производители (поставщики), предвидя в будущем дефицит истощаемого ресурса, будут стремиться замедлить темпы его добычи либо вообще сохранять его в ожидании роста цен в будущем. Рост цен, текущий и будущий, вызванный помимо истощения запасов ресурса сокращением его предложения на рынке, приведет к снижению объемов его потребления и обусловит переход потребителей на альтернативные субституты, применительно к природному газу – на конкурирующие виды топлива. Хотеллинг одним из первых увязал исчерпаемость природных ресурсов и государственное регулирование как инструмент рационального их использования [Hotelling 1931].

М. Хабберт предсказал, что для любой заданной географической области, как для отдельного месторождения, так и для всей планеты, график добычи нефти или газа по времени будет иметь колоколообразную форму: рост добычи и прохождение ее пика сменится снижением [Hubbert 1956]. Используя параметры своей модели, Хабберт в 1956 г. предсказывал достижение пика добычи нефти в США в 1965–1970 гг. Позднее он перенес

свой прогноз на 1995 г. Однако развитие технологий разведки и добычи углеводородов внесло свои коррективы в теорию пика нефти (рис. 1).

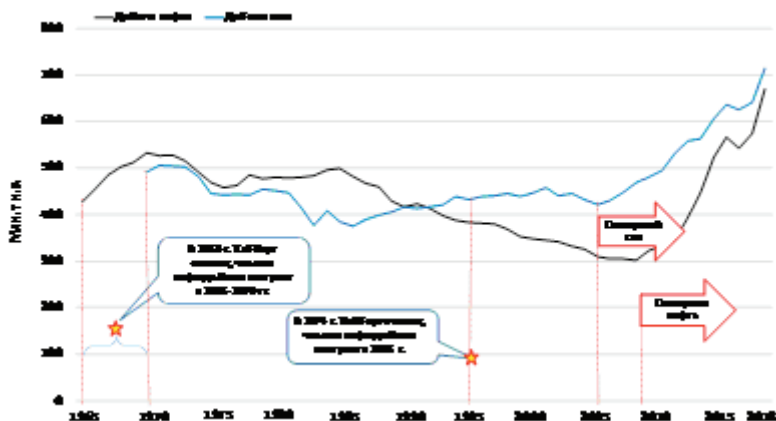

Рис. 1. Прогнозы М. Хабберта относительно пика нефтедобычи в США и факт.

Источник: по материалам BP Statistical Review of World Energy 2019 Workbook

Переосмысливание идей Хотеллинга и Хабберта началось чуть ли не с момента публикации ими своих работ. Так, Дж. Саймон считал, что в долгосрочной перспективе человеческая креативность будет постоянно улучшать уровень жизни, и в сущности ресурсы Земли безграничны («сырье всегда дешевле труда») [Саймон 2005].

Г. Барнетт и К. Морзе, исследовавшие долгосрочные ценовые тенденции целого ряда природных ресурсов, эмпирически доказали, что, несмотря на растущий дефицит ресурсов, цены на подавляющее большинство природных ресурсов с 1870 по 1957 г. не демонстрировали явного повышательного тренда, а иногда они снижались. Причиной тому, по их мнению, стал технологический прогресс, развитие которого «позволило бы преодолеть исчерпаемость природных ресурсов, увеличив их до бесконечности (ad infinitum)» [Barnett, Morse 1963].

*Ограниченность ресурсов
как стимул поиска новых технологий
по их разработке
и эффективному использованию*

В начале 1970-х гг. вновь возникло беспокойство по поводу истощения природных ресурсов. Д.Х. Медоуз и другие смоделировали 12 различных сценариев динамики роста населения и истощения ресурсов, из которых половина с разной степенью вероятности предсказывала движение человечества навстречу катастрофе. Избежать ее было возможно, только ограничив рост промышленного производства. И хотя в своих новых работах авторы скорректировали свои сценарии, их модель неоднократно критиковалась за игнорирование потенциала развития технологий, способных отодвинуть сроки истощения природных ресурсов [Медоуз и др. 1991].

Большинство российских ученых связывают проблему истощения углеводородных ресурсов с финансовыми, технологическими и методологическими. Как отмечают Симония и Жуков, «концепция истощения нефтяных ресурсов основана на игнорировании нетрадиционных источников нефти. Все разговоры об истощении нефтяных ресурсов, конце нефтяной эры и т. п. весьма далеки от реального положения дел. Сокращается прежде всего легко добываемая и поэтому более дешевая нефть» [Симония, Жуков 2008].

Костюк и др. утверждают, что обеспеченность природными энергоресурсами с позиций физики и геологии не вызывает сомнений. За последние 150 лет использовано только 8% традиционных ресурсов органического топлива и лишь 2% его общих запасов на Земле, включая нетрадиционные ресурсы (требующие применения новых технологий). Угрозы общей нехватки энергоресурсов на Земле нет, но существует реальность исчерпания запасов экономически приемлемой нефти, то есть проблема перемещается из области геологии в сферы готовности новых технологий, их экономической приемлемости и инвестиционного задела [Костюк, Макаров, Митрова 2012].

*Технологические инновации,
превращающие природный газ
в неисчерпаемый ресурс*

Масштабирование технологии СПГ привело к глубоким трансформациям структуры газовых рынков. Сформировался параллельный трубопроводному сегмент танкерной транспортировки газа, составляющий ему серьезную конкуренцию; в мировой газо-

вый баланс были вовлечены новые ресурсы, которые ранее считались технически и коммерчески недоступными; расширился состав субъектов международной торговли СПГ. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) возникли новые мировые центры газопотребления, базирующиеся исключительно на СПГ.

Экспансия СПГ создает предпосылки для конвергенции цен на газ, что ведет к коммодитизации природного газа в мировом масштабе. Ее критериями являются:

- 1) наличие агрегированного мирового баланса (единой кривой) спроса и предложения на этот товар. О таком балансе можно говорить, если изменение (либо прогноз изменения) объема спроса/предложения данного товара в одном регионе вызывает изменение цен и переориентацию направлений его транспортировки во всем мире;
- 2) наличие универсальной системы ценовой индикации, на сигналы которой ориентируются все продавцы и покупатели соответствующего товара, независимо от рынка, на котором они действуют. Центрами ценовой индикации на соответствующие коммодиты служат крупнейшие международные биржи [Еремин 2016].

Под воздействием СПГ баланс природного газа будет становиться все более глобально проектируемым. С учетом того, что управление балансом идет через мощное государственное вмешательство, свои геоэкономические позиции укрепят страны, контролирующие мировые потоки СПГ и выигрывающие внутриотраслевую конкуренцию по стоимости поставки. Сегодня глобальный баланс только начинает складываться. Дальнейшее развитие технологий СПГ, позволяющих вовлекать в коммерческий оборот ресурсы газа, находящиеся в труднодоступных районах Арктики, Африки, Океании и др., будет поддерживать достаточный объем предложения СПГ на мировых рынках, превращая газ в фактически неистощимый ресурс.

«Сланцевая революция» превращает добычу газа в производство промышленного продукта. Начавшаяся с 2000-х гг. разработка сланцевых плеев заставляет по-новому оценить мировую обеспеченность ресурсами газа. Если прежде она связывалась с обладанием месторождениями, которые можно коммерчески эффективно разрабатывать, то теперь она начинает зависеть главным образом от обладания технологиями сланцевой добычи, которые можно коммерчески эффективно использовать. С внедрением сланца производство газа превратилось из добычи природного ресурса, сконцентрированного на ограниченных площадях месторождений, в промышленное производство товарного продукта с географически весьма распределенной сырьевой базой (сланцевыми плеями). Все это заставляет по-новому

посмотреть на традиционные концепции исчерпаемости ресурсов, стоимость неразработанного ресурса и экономики природной ренты. Добыча сланцевых углеводородов, – отмечает Конопляник, – это извлечение в первую очередь не ресурсной (за счет «эффекта масштаба»), а технологической (за счет постоянного внедрения технических усовершенствований) ренты [Конопляник 2016].

Сланцевая революция, ставшая наиболее крупным технологическим прорывом в углеводородной энергетике последнего десятилетия, не только сдвигает сроки прохождения пика газа на неопределенное будущее, но и изменяет портрет мировой энергетике в целом. Главное, что грядущий пик, как и последующее снижение газодобычи, перестает быть функцией исчерпаемости углеводородных ресурсов. Реальное окончание эпохи использования газа будет зависеть не от истощения газа как природного ресурса, а от ограничений несколько иного порядка. Использование газа будет сдерживаться за счет снижения издержек производства энергии на базе альтернативных возобновляемых источников и ростом стоимости платы за выбросы парниковых газов в атмосферу.

Технологии конверсии электроэнергии из возобновляемых источников в синтетический метан. Технология Power-to-gas состоит в получении водорода или метана из воды методом электролиза. Полученный газ соответствует стандартам природного газа, может транспортироваться по действующей инфраструктуре (рис. 2).

Сегодня данная технология из экспериментальной стадии переходит в опытное применение. По данным Оксфордского института энергетических исследований, количество установок по производству синтетического газа в Европе в 2018 г. превысило сотню. Из них примерно 60% ориентированы на производство водорода и 40% – синтетического метана [Lambert 2018].

Страны АТР, наращивая усилия по расширению использования водорода, не только преследуют цели улучшения качества окружающей среды, но и цели ускорения экономического роста за счет широкого внедрения топливных элементов (Китай) и обеспечения энергетической безопасности за счет повышения эффективности, поддержки национальных отраслей промышленности (Япония).

Практическая неисчерпаемость ресурсов для производства синтетического газа служит базисом формирования новой «водородной энергетике», контуры которой начинают становиться все более отчетливыми.

Газогидраты – потенциально неисчерпаемый источник газа. Новые технологические решения открывают дорогу к использованию газогидратов, ресурсы которых на несколько порядков превышают ресурсную базу природного газа из прочих источников.

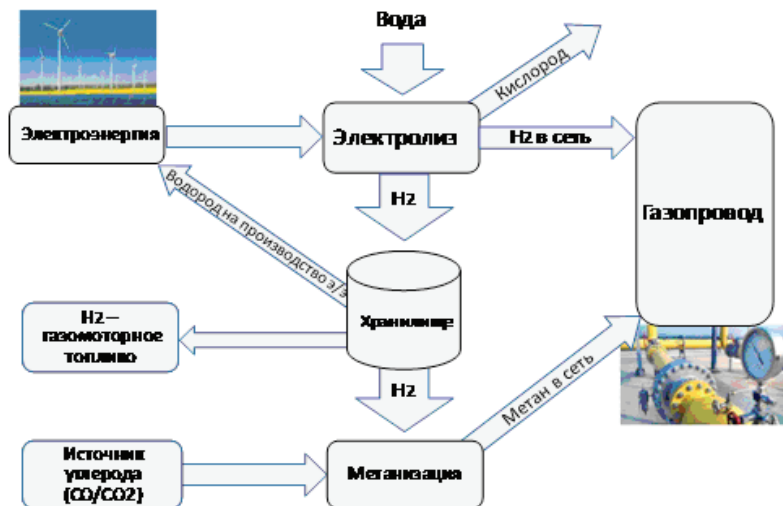

Рис. 2. Схема производства синтетического газа на базе электроэнергии
 Источник: [Lambert 2018]

В отличие от других углеводородов, газогидраты относительно равномерно распределены по земному шару. Пока их разработка находится на экспериментальной стадии в Канаде и США (вечная мерзлота). В Японии начата их опытная добыча (со дна моря – в прогибе Нанкай). Перспективы дальнейшей разработки газогидратов связываются с объемом и ценами предложения газа из других источников. Интенсивность работ по газогидратной проблематике была достаточно велика в периоды «жесткого» газового рынка, когда спрос на газ рос ускоренными темпами, а традиционная газодобыча работала в полную мощность, чтобы удовлетворить его. Существовавшие опасения дефицита газа подталкивали цены на него вверх. Так продолжалось до тех пор, пока сланцевый газ массированно не вышел на внутренний рынок США (в 2007–2009 гг.) и начался его экспорт в Европу и Азию в виде СПГ (2016 г.). Цены на газ в 2018–2019 гг. демонстрировали тенденцию к понижению. Эти и другие факторы привели к замораживанию большинства газогидратных проектов, так как в сложившейся ценовой конъюнктуре газ газогидратов не мог составить конкуренцию газу других источников.

Несмотря на то что газогидраты пока коммерчески недоступны для промышленной эксплуатации, их конкурентоспособность мо-

жет существенно повыситься в случае реализации технологических инноваций, снижающих себестоимость добычи, – с одной стороны, а с другой – в случае существенного повышения общего уровня цен на природный газ. Скорее всего, произойдет первое, поскольку в условиях расширения предложения газа из других источников цены на газ вряд ли сильно вырастут в обозримой перспективе. Тем не менее газогидратная революция, если таковая произойдет, то по своим масштабам и эффектам она сможет сравниться со сланцевой революцией. При этом ее влияние на структуру мировых газовых рынков может стать еще более глубоким. Коммерциализация газогидратов откроет дорогу к энергетической независимости ряда стран и регионов. Газогидраты позволят многим нынешним странам – импортерам газа стать независимыми от экспорта газа и выйти на новый уровень развития. А это кардинально перестроит границы ресурсной обеспеченности и изменит геополитическую ситуацию в мире.

Заключение

По сравнению с оценками 1980–1990 гг. сегодня проблема исчерпаемости природного газа как ресурса выглядит все менее актуальной, особенно по сравнению с энергетической безопасностью и устойчивым развитием в долгосрочной перспективе. Имеющиеся запасы традиционного и нетрадиционного газа могут обеспечивать потребности человечества еще многие десятилетия даже при существующем уровне энергоемкости производительных сил. Есть основания полагать, что в дальнейшем она будет снижаться. Риск дефицита ресурсов газа, вполне реальный еще 20–30 лет назад, сегодня нивелирован масштабным развитием СПГ и вовлечением в мировой газовый баланс сланцевого газа. Об этом более чем наглядно свидетельствуют фундаментальные показатели спроса и предложения, а также относительно низкий и стабильный уровень цен на газ, установившийся в 2010-х гг. на ключевых газовых рынках Америки, Европы и Азии. При возникновении признаков дефицита газа в будущем будут активизированы работы по расширению производства синтетического газа и добыче газа из газогидратов. Инновационный задел в этих сферах создан, его практическая реализация ждет подходящей ценовой конъюнктуры. Данные обстоятельства могут повлиять на стоимость запасов, поставленных на баланс производителями традиционного газа и, соответственно, на их рыночную капитализацию. Оценка рынком компаний – обладателей инновационных технологий, напротив, может повыситься за счет учета в их стоимости технологической ренты.

Литература

- Еремин 2016 – *Еремин С.В.* Станет ли природный газ товаром мировой биржевой торговли? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. (№ 1). С. 82–92.
- Конопляник 2016 – *Конопляник А.А.* Цены на нефть: четыре фактора неопределенности. РБК, 18.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/07/2016/578cc8bf9a79470d56aca750?from=newsfeed> (дата обращения 12.09.2019).
- Костюк, Макаров, Митрова 2012 – *Костюк В.В., Макаров А.А., Митрова Т.А.* Энергетика и геополитика // *Академия энергетике*. 2012. № 1 (44). С. 46–59.
- Маршалл 1993 – *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1 / Пер. с англ. М., Прогресс: Унивверс, 1993. 350 с.
- Медоуз и др. – *Медоуз Д., Медоуз Д., Рандерс Й., Беренс В.* Пределы роста. Проблемы человечества / Пер. с англ. М., 1991. 207 с.
- Рикардо 1955 – *Рикардо Д.* Сочинения: В 3 т. Т. 1: Начала политической экономии и налогового обложения / Пер. с англ. под ред. М.Н. Смит. М.: Госполитиздат, 1955. 360 с.
- Саймон 2005 – *Саймон Дж.* Неисчерпаемый ресурс / Пер. с англ. М.: Социум, 2005. 797 с.
- Симония, Жуков 2008 – *Симония Н.А., Жуков С.В.* Энергетическая безопасность глобализирующегося мира и Россия. М: ИМЭМО, 2008. 354 с.
- Barnett, Morse 1963 – *Barnett H., Morse C.* Scarcity and growth: The economics of natural resource availability. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1963. 350 p.
- Hotelling 1931 – *Hotelling H.* The Economics of Exhaustible Resources // *Journal of Political Economy*. 1931. Vol. 39. No. 2. pp. 137–175.
- Hubbert 1956 – *Hubbert M.K.* Nuclear Energy and the Fossil Fuels. Publication No. 95. Huston: Shell Development Company, 1956.
- Lambert 2018 – *Lambert M.* Power-to-Gas: Linking Electricity and Gas in a Decarbonising World? [Электронный ресурс] OIES. October 2018. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2018/10/Power-to-Gas-Linking-Electricity-and-Gas-in-a-Decarbonising-World-Insight-39.pdf> (дата обращения 10.09.2019).

References

- Barnett, H. and Morse, C. (1963), *Scarcity and growth: The economics of natural resource availability*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, USA.
- Eremin, S.V. (2016), “Will natural gas be a world exchange commodity?”, *World Economy and International Relations*, vol. 60, (no. 1), pp. 82–92.
- Hotelling, H. (1931), “The Economics of Exhaustible Resources”, *Journal of Political Economy*, vol. 39, no 2.

- Hubbert, M.K. (1956), *Nuclear Energy and the Fossil Fuels*, Publication No.95, Shell Development Company, Huston, USA.
- Konoplyanik, A.A. (2016), *Tseny na neft: chetyre factora neopredelyomosti* [Oil prices. Four factors of uncertainties], [Online], RBC, 07.18.2016, available at: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/07/2016/578cc8bf9a79470d56aca750?from=newsfeed> (Accessed 12 September 2019).
- Kostyuk, V.V., Makarov, A.A. and Mitrova, T.A. (2012), *Energetika i Geopolitika* [Energy and Geopolitics], Academy of Energy, no. 1 (44), pp. 46-59.
- Lambert, M. (2018), "Power-to-Gas: Linking Electricity and Gas in a Decarbonising World?" [Online] OIES, available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2018/10/Power-to-Gas-Linking-Electricity-and-Gas-in-a-Decarbonising-World-Insight-39.pdf> (Accessed 9 October 2019).
- Marshall, A. (1993), *Printsipi ekonomicheskoy nauki* [Principles of economics], Transl. from English, Progress, Univer, Moscow, Russia.
- Meadows, D., Meadows, D., Randers, I. and Berens, V., (1991) *Predely rosta. Problemy chelovechestva* [Limits of growth. The Complex Situation of Humanity], Translation from English, Moscow State University, Moscow, Russia.
- Ricardo D. (1955), *Works*, in 3 vols., vol. 1: *Nachala politicheskoy ekonomii i yalogovogo oblozhenia* [Principles of Political Economy and Taxation], trans. under ed. of M.N. Smith. M.: Gospolitizdat, Moscow, Russia.
- Simon, J. (2005), *Neisчерpayemyi Resurs* [The Inexhaustible Resource], trans. from English, Socium, Moscow, Russia.
- Simonia, N.A. and Zhukov, S.V. (2008), *Energeticheskaya bezopasnost globaliziruyuschegosya mira I Rossia* [Energy Security of the Globalizing World and Russia] Moscow, IMEMO RAS, Russia

Информация об авторе

Сергей В. Еремин, доктор экономических наук, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр., 65; eremin.s@gubkin.ru

Information about the author

Sergey V. Eremin, Dr. of Sci. (Economics), Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia; bld. 65, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119991; eremin.s@gubkin.ru

УДК 336.714(439)

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-247-261

Эволюция привлечения прямых иностранных инвестиций в Венгрию

Алексей В. Дрыночкин

*Торговое представительство Российской Федерации в Венгрии,
начальник экономического отдела, Будапешт, Венгрия,
drinda-hu@yandex.ru*

Егор А. Сергеев

*МГИМО МИД России, старший преподаватель, Москва, Россия,
sergeev-ea@yandex.ru*

Аннотация. Глубокий ретроспективный анализ притока прямых иностранных инвестиций в экономику Венгрии позволил показать структурные изменения накопленных капиталов и выделить несколько моделей привлечения ПИИ. Выявлены характерные черты современной модели притяжения прямых инвестиций: более осторожное и выборочное отношение к иностранному капиталу, трансформация положения филиалов иностранных ТНК (в целях транзита капитала в другие страны региона), рост влияния национальных венгерских ТНК, несформулированная стратегия правительства по национализации венгерской энергетики. Данные процессы не ведут к системным изменениям в модели привлечения капитала в страну, а свидетельствуют о более взвешенном и критичном отношении к современному этапу глобализации мировой экономики.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, Венгрия, ТНК, приток капитала, экономический патриотизм, эволюция движения капитала

Для цитирования: Дрыночкин А.В., Сергеев Е.А. Эволюция привлечения прямых иностранных инвестиций в Венгрию // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 247–261. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-247-261

© Дрыночкин А.В., Сергеев Е.А., 2019

Evolution of foreign direct investments to Hungary

Alexei V. Drynochkin

*Trade Representation of the Russian Federation in Hungary,
Budapest, Hungary, drinda-hu@yandex.ru*

Egor A. Sergeev

MGIMO University, Moscow, Russia, sergeev-ea@yandex.ru

Abstract. A deep retrospective analysis of the inflow of foreign direct investment (FDI) into the Hungarian economy made it possible to show the structural changes in the accumulated capital and highlight several models for attracting FDI. The characteristic features of the modern model of attracting direct investments are identified: a more cautious and selective attitude to foreign capital, the transformation in the position of the foreign TNCs branches (in order to transfer capital to other countries in the region), the growing influence of national Hungarian TNCs, an unformulated government strategy to nationalize Hungarian energy sector. Nevertheless, it is hardly possible to speak about systemic changes in attracting capital to the country. Instead, one might talk about a more balanced attitude to the current stage of globalization in the world economy.

Keywords: foreign direct investments, Hungary, TNC, capital inflow, economic patriotism, evolution of capital movements

For citation: Drynochkin, A.V. and Sergeev, E.A. (2019), "Evolution of foreign direct investments to Hungary", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 4, pp. 247-61, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-247-261

Сегодня основной научный дискурс вокруг Венгрии выстраивается в связи с тезисом о «нелиберальном» характере нынешней политической (а возможно, и экономической) системы в стране и ее трансформации в контексте так называемого патриотического поворота, понимаемого как движение в сторону «экономического патриотизма» – термина, введенного в широкий политический дискурс еще Д. де Вильпенем и относящего нас к классическим мотивам защиты внутреннего рынка, национального производителя и др. Однако в более современной интерпретации «экономический патриотизм» можно трактовать как противодействие искажающему и излишнему влиянию глобализации и либерализации мировой экономики [Clift, Wolf 2012], принимающее форму позитивной дискриминации в пользу отдельных (прежде всего национальных)

экономических агентов и в ущерб условным «иностранному» экономическим агентам. Венгрия рассматривается многими как яркий пример этого процесса. И в связи с этим отдельными исследователями был поставлен вопрос о возможном изменении отношения со стороны нынешнего «авторитарного» правительства к иностранному капиталу как ключевому элементу иностранного воздействия на экономику [Szanyi 2019].

Авторы уже отмечали, что фундаментальных изменений в отношении к иностранному капиталу в Венгрии после очередного прихода в 2010 г. к власти В. Орбана не произошло, учитывая то значение, которое иностранный капитал имеет в экономике страны [Дрыночкин, Сергеев 2019]. Аргументация в данном случае достаточно проста: сегодня предприятия в иностранной собственности являются наиболее производительной и конкурентоспособной силой в экономике Венгрии, обеспечивая основную экспортную выручку. Таким образом, иностранный капитал предстает одним из ключевых факторов экономического роста и основой современной социально-экономической модели Венгрии. Следовательно, кардинальное изменение отношения к иностранному капиталу выглядело бы как слом всей современной экономической системы, что выглядит явно нелогичным и нецелесообразным. Безусловно, возможны некоторые незначительные изменения, однако всеобъемлющих и решительных шагов по изменению отношения к иностранному капиталу в Венгрии сегодня ждать не стоит ввиду чрезвычайно важной роли последнего для развития экономики.

В этой связи встает другой не менее интересный исследовательский вопрос, касающийся эволюции отношения к иностранному капиталу в Венгрии в широкой исторической ретроспективе.

Ретроспективный анализ притока иностранного капитала в Венгрию

Ретроспективный анализ дотрансформационного периода показывает, что относительно заметным приток иностранного капитала стал после образования дуалистической Австро-Венгерской империи в 1867 г. Для «заманивания» иностранного капитала в промышленность закон 1881 г. гарантировал полное освобождение от налогов в течение 15 лет тех предпринимателей, которые оснащали свои заводы современным оборудованием или изготавливали ранее не производимые в стране товары. Несмотря на то что иностранный капитал поступал в страну главным образом в виде межгосу-

дарственных займов и приобретения ценных бумаг, к 1913 г. доля иностранных капиталов в венгерской промышленности составляла 36%. [Abonyiné 2011].

В межвоенный период интерес зарубежных инвесторов к Венгрии заметно ослаб, а после завершения 2МВ и вовсе иссяк. Хотя венгерские исследователи отмечают, что в 1948–1988 гг. в страну все-таки поступило, по разным оценкам, 200–250 млн долл. [Abonyiné 2011; Hojsza-Szentesi 2012]¹. Это небольшие деньги, даже с учетом различий в покупательной способности нынешнего и тогдашнего доллара. Существующие отрывочные статистические данные также дают понять, что значение ПИИ в экономике Венгрии было невелико. Так, на 1980 г. отношение притока ПИИ в Венгрию к валовому накоплению основного капитала составляло всего 0,02% (против 2,23% в среднем по миру), этот показатель начал расти лишь с 1989 г.² В силу применявшейся экономической модели венгерская экономика была довольно капиталоемкой, и присутствие иностранных инвесторов в Венгрии в тот период обосновывалось скорее факторами идеологического и имиджевого характера (мол, продемонстрировать демократичность венгерского политического руководства, некоторую свободу его действий в рамках социалистического лагеря и т. п.), нежели готовностью к серьезным изменениям экономической модели. Но при всем этом иностранные инвесторы все же приносили новые технологии, способствовали качественному росту рабочей силы. Так, запущенный в 1968 г. завод «Кока-кола» дал импульс к развитию относительно новой для венгерской экономики отрасли – производству газированных напитков³, а также сопутствующим ей подотраслям упаковочных материалов, логистики и тарного хозяйства (хотя напиток практически был недоступен массовому потребителю, поступая главным образом в фешенебельные гостиницы для иностранных туристов).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможном влиянии советских инвестиций на развитие экономики в Венгрии. Судя по всему, как и в других странах СЭВ, с точки зрения прямых инвестиций это влияние было не самым значительным,

¹ Интересно, что в 1946–1947 гг. существовало несколько советско-венгерских смешанных обществ, которые в известной степени можно рассматривать как пример иностранного инвестирования СССР в Венгрию.

² Данные ЮНКТАД. Inward FDI flows as a percentage of Gross Fixed Capital Formation, by host region and economy, 1970–2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org> (дата обращения 21.11.2019).

³ К тому времени в Венгрии выпускалось всего лишь два напитка – Vambi и Utas.

поскольку в своих инвестициях в эти страны СССР в основном полагался на кредиты (чье влияние, вероятно, было достаточно значительным, особенно если прибавить к ним поставки сырья и товаров не совсем по рыночным ценам), а для большего числа советских предприятий за рубежом в принципе была характерна низкая степень транснационализации и нацеленность на продвижение советского экспорта. К середине 1980-х гг. в странах ЦВЕ действовало незначительное количество совместных предприятий, и лишь к концу десятилетия в силу новых перестроечных тенденций число совместных предприятий СССР в Венгрии возросло до 38 компаний [Weiner 2017].

В связи с принятием в 1988–1989 гг. ряда законов, разрешивших создание совместных предприятий, начался резкий рост притока инвестиций: в одном только 1989 г. поступило ПИИ больше, чем за предыдущие 40 лет. [Abonyiné 2011]. Интересно, что, несмотря на «открытие» рынка стран ЦВЕ к 1989 г., резкий рост числа иностранных предприятий можно отметить только к концу 1991 г.: в стране насчитывалось 270 предприятий с участием ПИИ (на 1 января 1989 г.), затем эта цифра увеличилась до 1000 (на 1 января 1990 г.) и до 5700 (на 1 января 1991 г.). И уже к 1992 г. число подобных проектов перевалило за 11000 [Alter, Wehrlé 1993, p. 129], а отношение притока ПИИ к валовому накоплению основного капитала выросло до 39,92% (67,12% в 1993 г.) против 3,09% в среднем по миру и 4,31% в среднем по Европе⁴.

При этом Венгрия в начальный период трансформации была лидером среди стран Восточной Европы – к концу 1992 г. в страну поступило 60% всех инвестиций в регион [Kaderják 1993]. Если ежегодный приток ПИИ в Польшу к 1 января 1990 г. составил 100 млн долл., то в Венгрии этот показатель составлял уже 550 млн долл., а к 1 января 1993 г. эта цифра выросла до 4,3 млрд долл. (против 1,4 млрд долл. в Польше) [Alter, Wehrlé 1993, p. 130]. Фактически в этот период господствовал подход, при котором для массового привлечения иностранных инвестиций достаточно общей либерализации экономики и создания универсальных условий для инвесторов [Barta-Bernek-Nagy 2003].

Довольно скоро пришло понимание, что крупных иностранных инвесторов интересуют не столько объекты малой приватизации, сколько крупные предприятия, оставшиеся еще в государственной собственности. Поэтому в 1992 г. была создана специальная организация по приватизации и управлению государственным имуществом, которая обеспечивала иностранным инвесторам

⁴ Данные ЮНКТАД.

административную и иную поддержку⁵. Запуск приватизационного процесса и снятие ограничений на присутствие иностранцев в газо- и электрораспределительных компаниях привел к тому, что в 1995 г. наблюдался пик притока ПИИ в Венгрию, который в несколько меньшем масштабе повторился и в 1997 г. Затем процесс принял инерционный характер, поскольку, с одной стороны, число интересных для иноинвесторов объектов уменьшалось, и, с другой стороны, соседи по региону, начавшие приватизацию позже (например, Польша и Чехия), стали оттягивать на себя заметную долю иностранных инвестиций в регион. В течение 1995–2005 гг. ежегодный нетто-приток ПИИ в Венгрию по отношению к ВВП находился в пределах 5–8% (впрочем, в 1991–2014 гг. этот показатель и не опускался ниже 1,5%) [Tókécs 2019].

К началу XXI в. исследователи в целом положительно оценивали влияние притока ПИИ в страны ЦВЕ. Среди положительных последствий часто выделяют изменения в управлении крупнейшими предприятиями, введение новых стандартов маркетинга, логистики и технологий, появление новых видов производств или модернизация старых, увеличение производительности труда [Tøndel 2001, p. 23]. Рост производительности в Венгрии в течение 1990-х гг. был одним из ключевых факторов экономического роста, и во многом он действительно обеспечивался притоком ПИИ. Помимо общего эффекта на экономику, этот приток также оказывал и более точечное воздействие, например в сфере машиностроения: растущий вклад отрасли в ВВП совпал с увеличением вклада отрасли в совокупную производительность факторов, что совпадало по времени с периодами активного притока ПИИ [Kátay, Wolf 2008].

Очередной пик притока ПИИ наблюдался в 2005–2006 гг., когда были сняты ограничения на присутствие иностранцев в сфере телекоммуникаций. Но на этом венгерские власти посчитали, что модель стимулирования притока ПИИ с помощью приватизации фактически исчерпала себя⁶.

Характеристика следующей за ней модели вызвала большие сложности для авторов. Сегодня отношение к иностранному капиталу в Венгрии уже достаточно спокойное, и приход очередного инвестора, реализующего новый проект, рассматривается

⁵ Венг.: BPV Rt.; Bllami Privatizációs és Vagyonkezelés Rt.

⁶ В 2007 г. ÁPV Rt. было ликвидировано, а его место заняло и поныне действующее MNVZrt. (в неофициальном переводе с венгерского – Организация по обслуживанию национального имущества), занимающаяся, по сути, техническими вопросами эксплуатации государственной собственности.

как довольно рутинное и привычное действие. Это, конечно, не означает, что в Венгрии больше не заботятся о привлечении иностранных инвесторов и правительство просто «собирает плоды» с созданной ранее правовой базы и институциональных механизмов. Безусловно, работа в этом направлении продолжается. Правда, проведенное на примере Венгрии исследование Л. Тёкеша показало, что движение инвестиций не синхронизировано с экономическими циклами ни в стране-доноре, ни стране-реципиенте [Tökes, 2019]. Этот вывод, с одной стороны, противоречит многим постулатам классических теорий, согласно которым меры экономической политики, традиционно применяемые в той или иной стадии экономического цикла, должны оказывать вполне определенное воздействие на поведение владельцев капиталов. С другой стороны, полученные с нового ракурса данные открывают поле для последующих исследований.

Современное состояние притока ПИИ в Венгрию

С точки зрения масштабов привлеченных ПИИ в Венгрию и значения для экономики страны вряд ли можно говорить о кардинальных изменениях в модели участия страны в международном движении капитала. Данные рис. 1 показывают, что мировой кризис 2008–2009 гг. прервал тренд постоянного роста ПИИ (по отношению объема накопленных ПИИ к объему ВВП). Правда, венграм удалось в 2012 г. достичь нового рекорда в привлечении ПИИ (как по текущим, так и по накопленным ПИИ), а показатели все еще выше показателя середины 2000-х гг. и большинства остальных стран В4 (см. рис. 1, левый график). Да и в 2019 г. темпы прироста ПИИ в Венгрию опережают все страны региона [MNB 2019a], а степень присутствия иностранного капитала в ключевых отраслях в целом выросла даже по сравнению с пиковыми значениями начала 2000-х гг. [Дрыночкин, Сергеев 2019].

С географической точки зрения во входящие ПИИ в Венгрию распределяются достаточно логично и предсказуемо: 65% всех прямых инвестиций приходит из стран ЕС-28 (на 2017 г.)⁷. При этом в начале 2000-х гг. на страны ЕС-15 приходилось около 75% всех накопленных ПИИ [Sass 2004, p. 69]. Среди ключевых стран-инвесторов можно отметить Францию, ФРГ, Италию, Великобританию,

⁷ Данные ОЭСР. OECD (2019), Inward FDI stocks by partner country (indicator). doi: 10.1787/a1818a82-en (Accessed 21 November 2019).

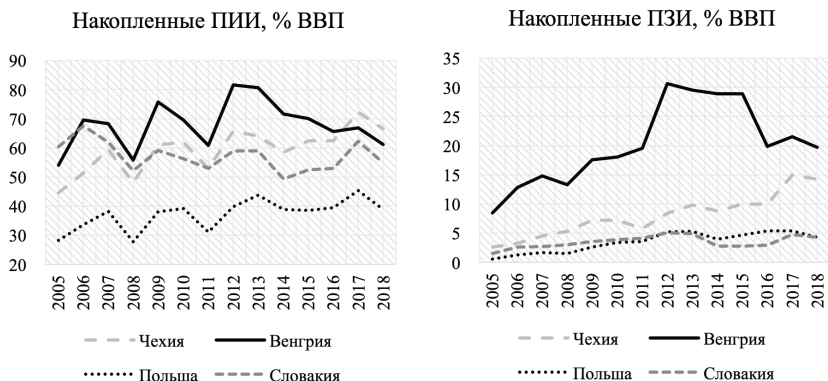

Рис. 1. Накопленные ПИИ в Венгрии, % ВВП (левый график);
накопленные ПЗИ из Венгрии, % ВВП (правый график)

Источник: данные ОЭСР

Таблица 1

Географическое распределение
накопленных ПИИ в Венгрии, %

	1997 г.	2017 г.
ФРГ	22	10
США	20	9
Нидерланды	13	7
Австрия	10	1
Франция	8	13
Италия	6	9
Великобритания	4	11

Источник: [Hastenberг 1999, p. 63], данные ОЭСР

Нидерланды – т. е. крупнейшие промышленно развитые страны ЕС (см. табл. 1). В совокупности на них приходится ровно половина всех накопленных ПИИ в стране. Если сравнить географическое распределение ПИИ по странам, то можно отметить значительное падение доли ФРГ (9,5% в 2017 г. против приблизительно 35% в начале 2000-х гг. [Sass 2004, p. 69]) и приблизительно такое же распределение по остальным странам. Также можно отметить, что

в начале 2000-х гг. одним из ведущих инвесторов в Венгрию была Австрия (около 11% всех накопленных ПИИ [Sass 2004, p. 69]), однако сейчас ее доля едва превышает 1%. В то же время на 1997 г. (напомним, один из пиковых годов по притоку ПИИ в Венгрию) соотношение ключевых инвесторов также выглядело несколько иначе (см. табл. 1).

В секторальной структуре накопленных ПИИ в Венгрии за последнее время произошли серьезные изменения: доля услуг уменьшилась с 76,7% в 2011 г. до 49,9% в 2017 г., при этом доля промышленности увеличилась с 15 до 43% соответственно⁸. Данные табл. 2 показывают структуру накопленных ПИИ в венгерской промышленности.

Таблица 2

Накопленные ПИИ по отраслям промышленности,
% всех ПИИ

	2011 г.	2014 г.	2017 г.
Текстильная	0,2	0,2	0,2
Деревообрабатывающая	1,0	1,0	2,1
Производство химической продукции	0,8	0,7	1,9
Фармацевтика	2,8	4,2	4,3
Производство резино-технических изделий и пластика	1,3	1,9	3,4
Металлургия	1,9	1,9	2,5
Компьютеры, электроника	3,3	2,7	4,5
Транспортное машиностроение	-2,8	4,6	14,6
Прочее транспортное оборудование	0,2	0,1	0,1

Источник: расчеты авторов по данным ОЭСР

Новые тенденции

В настоящее время наблюдаются некоторые изменения, происходящие в привлечении Венгрией иностранного капитала в форме прямых инвестиций.

⁸ Данные ОЭСР. OECD (2019), Inward FDI stocks by industry (indicator). DOI: 10.1787/2bf57022-en (Accessed 21 November 2019).

Во-первых, проявление большей селективности и осторожности в отношении иностранных инвесторов [Sass, Kalotay 2012]. Особенно это касается банковского сектора или ритейла, в которых существуют особые (так называемые антикризисные) налоги. При их введении отмечалась потенциальная опасность этих мер для привлечения иностранного капитала, но данные последующих лет доказывают, что эти опасения во многом были излишними: приток капитала остался на достаточно высоком уровне, а доля транзитного капитала, идущего через Венгрию в другие страны ЦВЕ, даже снизилась⁹. Кстати, некоторый спад прямых инвестиций в Венгрию в 2016–2018 гг. также в значительной степени объясняется сокращением транзитного капитала, а не общего притока инвестиций в Венгрию.

Во-вторых, Венгрия, по сути, единственной из всех стран Вишеградской четверки стала достаточно существенным экспортером капитала (см. рис. 1, правый график). И эта тенденция тоже представляет достаточно большой интерес. Венгрия первой из всех стран в ЦВЕ значительно нарастила экспорт своих ПЗИ, что позволило отдельным авторам говорить о появлении истинно венгерских ТНК, способных осуществлять международную экспансию (среди них – энергетическая компания «МОЛ» или фармацевтическая компания «Гедеон Рихтер») за счет появления у них специфических преимуществ собственности (в соответствии с эклектической парадигмой Даннинга) [Sass, Éltető, Antalóczy 2014]. Действительно, активность венгерских ТНК за рубежом в значительной степени интенсифицировалась по сравнению с предыдущими этапами развития страны, что привносит новые черты в характеристику современной модели участия страны в международном движении капитала. Однако исключительно фактором укрепления венгерских ТНК нельзя объяснить достаточно резкий прирост экспорта ПЗИ из страны. Среди других причин можно выделить увеличение инвестирования через офшорные юрисдикции (вероятно, эти ПЗИ тоже можно считать «венгерскими»), а также значительное влияние уже упомянутого транзитного капитала (т. е. иностранного капитала, который осуществляет инвестиции в соседние с Венгрией страны через свои венгерские филиалы) [Éltető – et al. 2015, p. 15]. Причем значительные колебания в движении ПЗИ

⁹ См.: Foreign Direct Investments (According to BPM6 methodology) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mnb.hu/en/statistics/statistical-data-and-information/statistical-time-series/viii-balance-of-payments-foreign-direct-investment-international-investment-position/foreign-direct-investments/data-according-to-bpm6-methodology> (дата обращения 21.11.2019).

Венгрии, скорее всего, в основном и объясняются крупными вложениями транзитного капитала [Élteto – et al. 2015, p. 37]. Стоит заметить, что своеобразный реэкспорт транзитного капитала, как и экспорт инвестиций в офшорные юрисдикции, одновременно связан и с импортом ПИИ в Венгрию (транзитный капитал сначала должен прийти в венгерские филиалы иностранных ТНК, а в офшорных инвестициях всегда может быть часть так называемых инвестиций по кругу, возвращающихся в родную экономику после смены флага). Тем не менее факт остается фактом: среди новых тенденций участия Венгрии в международном движении капитала отмечает значительное усиление участия страны в экспорте ПЗИ.

Отдельно стоит сказать о еще одной достаточно крупной и значимой тенденции в современной экономике Венгрии, которая, в частности, касается и иностранного капитала. Речь идет о тенденции к скрытой и постепенной национализации энергетической сферы в Венгрии. Действующее с 2010 г. венгерское правительство В. Орбана целенаправленно реализует курс на усиление позиций государства в энергетическом секторе, включая соответствующую инфраструктуру. Наиболее заметно это в сфере газоснабжения (по большому счету система газопроводов представляет собой естественную монополию и объективно требует централизации управления) и электроснабжения (здесь речь больше идет об электрогенерации).

Заключение

Ретроспективный анализ участия Венгрии в международном движении капитала с точки зрения поощрения притока прямых иностранных инвестиций показал, что страна прошла несколько этапов эволюции модели привлечения ПИИ. На самых ранних этапах глобализации и усиления движения капитала в конце XIX в. страна являлась активным импортером капитала. В период социалистического развития эта модель резко изменилась, а Венгрия практически не прибегала к использованию иностранных ПИИ (за редкими исключениями). Однако сразу же после окончания периода социалистического развития и ускоренного включения страны в процессы глобализации Венгрия наиболее активно из всех стран ЦВЕ перешла к привлечению иностранного капитала, что выразилось в резком увеличении доли иностранных предприятий в экономике. На протяжении всего периода постсоциалистической трансформации вплоть до 2010-х гг. наблюдались значительные пиковые периоды притока ПИИ, при этом государство всячески поощряло импорт инвестиций.

Современная модель привлечения прямых инвестиций в Венгрию, сложившаяся после прихода к власти В. Орбана, с одной стороны, мало отличается от периода 1990-х гг. или 2000-х гг. Иностранные инвестиции все также поощряются, поскольку играют чрезвычайно важную роль в развитии экономики Венгрии. Однако с другой стороны, в сложившейся модели все же можно выявить некоторые изменения, которые выражаются в большей селективности по отношению к иностранному капиталу, частичному изменению его географического и отраслевого профиля, некоторой трансформации положения филиалов иностранных ТНК (которые теперь периодически используются для транзита капитала в другие страны региона), усилении влияния отдельных венгерских ТНК, а также целенаправленной стратегии правительства на национализацию венгерской энергетики. Кажется, что эти изменения вполне могут быть объяснены текущим «нелиберальным» политическим курсом страны, усилением авторитарных тенденций и прочими грехами правительства В. Орбана. Но в то же время вряд ли можно говорить о кардинальной трансформации венгерской модели привлечения капитала. Кроме того, у этой трансформации может быть и другое объяснение, не связанное с дискурсом о «нелиберальных» политических режимах. Возможно, нынешние изменения в привлечении иностранного капитала в Венгрию связаны с более осторожным и взвешенным участием в процессах глобализации, что в принципе коррелирует с текущими задачами экономического развития страны: если в начале 1990-х гг. был очевиден курс на ускоренную глобализацию и усиление участия страны в мировой экономике, то сегодня, в условиях возможного замедления темпов самой глобализации, а также определения места страны в мире, вряд ли целесообразно полное сохранение в неизменном виде модели, характерной для начала 1990-х гг.

Литература

- Дрыночкин, Сергеев 2019 – *Дрыночкин А.В., Сергеев Е.А.* Современная модель взаимодействия Венгрии с иностранным капиталом в контексте «патриотического поворота» // Современная Европа. 2019. № 7. С. 93–104.
- Abonyiné 2011 – *Abonyiné P.J.* A külföldi működő tőke szerep gazdaságunk fejlődésében [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sci.u-szeged.hu/eghajlattan/baba/Abonyine.pdf> (дата обращения 18.11.2019).
- Alter, Wehrlé 1993 – *Alter R., Wehrlé F.* Foreign direct investment in Central and Eastern Europe: An assessment of the current situation // *Intereconomics*. 1993. Vol. 28. No. 3. P. 126–131.

- Barta-Bernek-Nagy 2003 – *Barta G., Bernek Á., Nagy G.* A külföldi működőtőke-befektetések jelenlegi tendenciái és területi elmozdulásának esélyei Magyarországon // Tér és Társadalom. XVII. évf. 2003. № 4. P. 173–190.
- Clift, Wolf 2012 – *Clift B., Woll C.* Economic patriotism: reinventing control over open markets // Journal of European Public Policy. Vol. 19. No. 3. P. 307–323.
- Élteto – et al. 2015 – *Élteto – et al.* Outward FDI Policies in Visegrad Countries. Final Report // Instytut Zachodni Policy Paper. 2015. No. 16. 104 p.
- Kaderják 1993 – *Kaderják P.* Ökogyarmatosítás vagy modernizáció? // Ökotáj. 1993. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okotaj.hu/szamok/04/korny3.html> (дата обращения 13.11.2019).
- Kátay, Wolf 2008 – *Kátay G., Wolf Z.* Driving Factors of Growth in Hungary – Decomposition Exercise // MNB Working Papers 2008. No. 6.
- Hastenberg 1999 – *Hastenberg J.* Foreign Direct Investments in Hungary / Utrecht: The Netherlands Organization for Scientific Research (NWO), 1999. 188 p.
- Hojsza-Szentesi 2012 – *Hojsza G., Szentesi I.* Külföldi tőke szerepe a magyar gazdaság versenyképességében / Szolnoki Tudományos Közlemények XVI. Szolnok, 2012. P. 13–19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop422b/2010-0005_3_kotet_kulfoldi_toke_szerepe_a_magyar_gazdasag/adatok.html (дата обращения 18.11.2019).
- MNB 2019 – MNB Report on the Balance of Payments. October 2019 / Budapest: MNB, 2019. 37 p.
- Sass 2004 – *Sass M.* FDI in Hungary: The first mover's advantage and disadvantage // EIB Papers. 2004. Vol. 9. No. 2. P. 62–90.
- Sass, Éltető, Antalóczy 2014 – *Sass M., Éltető A., Antalóczy K.* Outward FDI from Hungary: the Emergence of Hungarian Multinationals // Entrepreneurial Business and Economics Review. 2014. No. 2(3). P. 47–62.
- Sass, Kalotay 2012 – *Sass M., Kalotay K.* Hungarian Inward FDI and its Policy Context [Электронный ресурс] // Country profiles of inward and outward foreign direct investment issued by the Vale Columbia Center on Sustainable International Investment. URL: https://www.researchgate.net/publication/237090789_Hungarian_inward_FDI_and_its_policy_context (дата обращения 21.11.2019).
- Szanyi 2019 – *Szanyi M.* The emergence of patronage state in Central Europe. The case of FDI-related policies in Hungary // Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System / Gerőcs T., Szanyi M. (eds.). Palgrave Macmillan, London, 2019. P. 99–126.
- Tőkés 2019 – *Tőkés L.* A Magyarországra áramló külföldi működő tőke ciklikus viselkedése // Statisztikai Szemle. 2019. No. 4. P. 388–408.
- Töndel 2001 – *Töndel L.* Foreign direct investment during transition. Determinants and patterns in Central and Eastern Europe and the former Soviet // CMI Reports WP. 2001. No. 9.
- Weiner 2017 – *Weiner C.* International expansion of Russian multinationals. A Focus on home country pull factors, Europe and Five CEE Countries // Centre for Economic and Regional Studies HAS Institute of World Economics Working Paper. 2017. No. 236. P. 1–73.

References

- Alter, R. and Wehrle, F. (1993), Foreign direct investment in Central and Eastern Europe: An assessment of the current situation, *Intereconomics*, vol. 28, no. 3, pp. 126-131.
- Abonyiné, P.J., (2011), A külföldi működő tőke szerep gazdaságunk fejlődésében [The role of foreign working capital in the development of our economy], available at: <http://www.sci.u-szeged.hu/eghajlattan/baba/Abonyine.pdf> (Accessed 18 Feb 2019).
- Barta, G., Bernek, Á. and Nagy, G. (2003), A külföldi működőtőke-befektetések jelenlegi tendenciái és területi elmozdulásának esélyei Magyarországon [Current trends and prospects for foreign direct investment in Hungary], *Tér és Társadalom*. XVII, no 4, pp. 173-190.
- Clift, B. and Woll, C. (2012), Economic patriotism: reinventing control over open markets, *Journal of European Public Policy*, vol. 19, no. 3, pp. 307-323.
- Drynochkin A.V., Sergeev E.A. (2019) Sovremennaya model' vzaimodejstviya Vengrii s inostrannym kapitalom v kontekste «patrioticheskogo povorota» [Modern Model of Hungary's Attitude Towards Foreign Capital in the Context of "Patriotic Turn"], *Contemporary Europe*, 2019, no. 7.
- Éltető et al. (2015), Outward FDI Policies in Visegrad Countries. Final Report, *Institut Zachodni Policy Paper*, no. 16, 104 p.
- Kaderják, P. (1993), Ökogyarmatosítás vagy modernizáció? [Eco-colonization or modernization], *Ökotáj*, 4, available at: <http://www.okotaj.hu/szamok/04/korny3.html> (accessed 13 November 2019)
- Kátay, G. and Wolf, Z. (2008), Driving Factors of Growth in Hungary – Decomposition Exercise, *MNB Working Papers*, no. 6.
- Hastenberg, J. (1999), *Foreign Direct Investments in Hungary*, The Netherlands Organization for Scientific Research (NWO), Utrecht, 188 p.
- Hojsza, G. and Szentesi, I. (2012), Külföldi tőke szerepe a magyar gazdaság versenyképességében [The role of foreign capital in the competitiveness of the Hungarian economy], *Szolnoki Tudományos Közlemények XVI. Szolnok*, pp. 13-19. available at: https://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop422b/2010-0005_3_kotet_kulfoldi_toke_szerepe_a_magyar_gazdasag/adatok.html (accessed 18 Nov 2019)
- MNB (2019), *MNB Report on the Balance of Payments. October 2019*, MNB, Budapest.
- Sass, M. (2004), FDI in Hungary: The first mover's advantage and disadvantage, *EIB Papers*, vol. 9, no. 2, pp. 62-90.
- Sass, M., Éltető, A. and Antalóczy, K. (2014), Outward FDI from Hungary: the Emergence of Hungarian Multinationals, *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 2(3), pp. 47-62.
- Sass, M. and Kalotay, K. (2012), Hungarian Inward FDI and its Policy Context, Country profiles of inward and outward foreign direct investment issued by the Vale Columbia Center on Sustainable International Investment, available at: <https://>

- www.researchgate.net/publication/237090789_Hungarian_inward_FDI_and_its_policy_context (accessed: 21 Nov 2019)
- Szanyi, M. (2019), "The emergence of patronage state in Central Europe. The case of FDI-related policies in Hungary", in Gerőcs, T., Szanyi, M. (eds.) *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 99-126.
- Tőkés, L. (2019), A Magyarországra áramló külföldi működő tőke ciklikus viselkedése [The cyclical behavior of foreign working capital flowing to Hungary], *Statisztikai Szemle*, no. 4, pp. 388-408.
- Tøndel, L. (2001), Foreign direct investment during transition. Determinants and patterns in Central and Eastern Europe and the former Soviet, *CMI Reports WP*, no. 9.
- Weiner, C.I. (2017), International Expansion of Russian Multinationals. A Focus on Home country Pull Factors, Europe and Five CEE Countries, *Centre for Economic and Regional Studies HAS Institute of World Economics Working Paper*, no. 236, pp. 1-73.

Информация об авторах

Алексей В. Дрыночкин, доктор экономических наук, Торговое представительство Российской Федерации в Венгрии, Будапешт, Венгрия; 1062, Венгрия, Будапешт, ул. Байза, 42; drinda-hu@mail.ru

Егор А. Сергеев, кандидат экономических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; sergeev-ea@yandex.ru

Information about the authors

Alexei V. Drynochkin, Dr. of Sci. (Economics), Trade Representation of the Russian Federation in Hungary, Budapest, Hungary; bld. 42, 1062, Bajza u., Budapest, Hungary; drinda-hu@mail.ru

Egor A. Sergeev, Cand. of Sci. (Economics), Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Av., Moscow, Russia, 119454; sergeev-ea@yandex.ru

УДК 321.013

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-262-276

Геополитические и социально-экономические последствия распада СССР

Лидия А. Чебанова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lidiya-50@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются геополитические и социально-экономические последствия распада СССР как единого государства, указываются как положительные, так и негативные изменения, произошедшие в странах СНГ вследствие распада СССР, определяются перспективы их дальнейшей интеграции.

Ключевые слова: распад СССР, СНГ, постсоветское пространство, границы, приграничье, экономическое сотрудничество

Для цитирования: Чебанова Л.А. Геополитические и социально-экономические последствия распада СССР // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 262–276. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-262-276

Geopolitical and social-economic consequences of the USSR disintegration

Lidiya A. Chebanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lidiya-50@yandex.ru*

Abstract. The article considers the geopolitical and social-economic consequences of the USSR disintegration as the uniform state. It specifies both the positive, and negative changes which occurred in the CIS countries owing to the above disintegration and defines prospects for their further integration.

Keywords: disintegration of the USSR, Commonwealth of Independent States (CIS), post-Soviet area, borders, economic cooperation

For citation: Chebanova, L.A. (2019), “Geopolitical and social-economic consequences of the USSR disintegration”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 262-76, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-262-276

© Чебанова Л.А., 2019

Хозяйственное развитие Российской Федерации, как и других государств СНГ, до начала 1990-х гг. осуществлялось в составе единой страны – СССР. Советский Союз объединил в себе обломки распадающейся Российской империи и стал новым государством, созданным на основе идеи всеобщего равенства граждан. За годы своего существования Советский Союз прошел через многочисленные события, оставив после себя заметный след в истории всего человечества, многих стран и народов. Испытав самую разрушительную в мире войну, участвуя в локальных спорах и конфликтах, СССР тем не менее добился значительного уровня социально-экономического развития.

Советский Союз как федеративное государство включал пятнадцать союзных республик. Россия являлась ядром этого образования. Шесть республик, расположенных в европейской части страны, и восемь республик в азиатской части страны составляли единое государство. Основным хозяйственным принципом всех пятилетних и семилетнего плана развития страны являлось развитие национальных окраин, причем часто в ущерб России. Результатом стали опустевшие деревни Нечерноземной полосы России и достаточно процветающие села республик по периферии СССР. В итоге заметно поднялся уровень социально-экономического развития данных республик.

СССР в целом был индустриально-развитым государством, что доказывают достижения в науке, технике и культуре. Распад Советского Союза привел к огромным изменениям на политической карте мира. Исчез биполярный мир, который строился на балансе сил двух сверхдержав – СССР и США.

Тенденция к распаду СССР началась с конца 80-х гг. XX в. на волне демократизации общества, политической активности населения и возрождения национализма в союзных республиках. Попытки реформирования социалистической системы хозяйствования привели к экономическому кризису – острейшему дефициту товаров, многочисленным очередям за продуктами, росту цен и остановке предприятий [Ратанова 2004, с. 571]. Все это вызвало социальную напряженность и нестабильность в стране, появление национальных конфликтов, усилило центробежные настроения в союзных республиках, что в конечном счете и привело к распаду некогда единой страны.

К концу 1991 г. Советский Союз как государство прекратил свое существование. Но лидеры теперь уже бывших союзных республик, а ныне независимых государств, заявили о стремлении развивать свое сотрудничество в экономической, политической, гуманитарной и культурной сферах, создав Содружество Независимых

Государств (СНГ), куда первоначально вошло 11 республик (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан, Армения, Казахстан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), а в 1993 г. к ним присоединилась и Грузия, а затем в 2009 г. вышла из него. Украина не подписывала Устав СНГ и фактически не участвует в работе СНГ. Таким образом, в работе СНГ принимают участие 10 государств. Создание СНГ основывалось на исторической общности народов, проживающих на территории СССР, сложившихся между ними на протяжении длительного времени тесных связей. Кроме того, необходимо было решать многие проблемы, возникшие на постсоветском пространстве. Это касалось прежде всего функционирования инфраструктурных элементов – железных и автомобильных дорог, единой системы газоснабжения, единой энергетической системы и др. Возникли «горячие точки» (Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия), вырос масштаб миграций между вновь образовавшимися государствами, появились таможи.

Распад СССР привел к исчезновению с политической карты мира самого большого государства нашей планеты. Занимая площадь 22,4 млн кв. км, Советский Союз охватывал территории от побережья Балтийского моря на западе до Берингова пролива на востоке, от арктических пустынь на архипелагах Северного Ледовитого океана до обширных пустынь и высокогорий Центральной Азии на юге. СССР стоял во главе социалистической системы хозяйствования, объединявшей вместе с ним страны Восточной Европы, Восточной Азии и Кубу. По разным оценкам, на страны социализма приходилось 40–43% мирового промышленного производства, и они являлись мощной силой экономического развития, а также играли значительную роль в мировой политике, противостояли капиталистическим странам мира во главе с США. Статус супердержавы появился у СССР после победы во Второй мировой войне, а впоследствии основывался на том, что Россия обладала ядерным оружием. Распад Советского Союза хотя и изменил «биполярный мир», в котором соперничали два противоборствующих лагеря стран, но нарушил имевшийся баланс сил, породил новые международные противоречия и межнациональные конфликты [Холина, Наумов 2004, с. 304]. После распада СССР именно Россия обладала всеми необходимыми для дальнейшего развития природными ресурсами (в частности, колоссальными запасами минеральных ресурсов – нефть, природный газ, уголь, железная руда, руды цветных металлов, а также лесные, водные, территориальные), научными кадрами, государственными структурами. Россия осталась обширнейшей трансконтинентальной державой.

Общая протяженность границ России составляет 60,9 тыс. кв. км, из них протяженность морских границ – более 38 тыс. км (65%). Морские границы имеются с развитыми государствами: США, Японией, Норвегией, Финляндией, а также с Польшей, со странами – бывшими республиками СССР: Эстонией, Литвой, Украиной, Абхазией, с социалистической КНДР; в Каспийском море – с бывшими республиками СССР: Азербайджаном и Казахстаном, т. е. с 12 государствами. Сухопутные границы Россия имеет с 16 государствами: Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Беларусь, Украиной, Абхазией, Грузией, Южной Осетией, Азербайджаном, Казахстаном, Монголией, Китаем, КНДР. Современное геополитическое положение России характеризуется увеличением числа соседних государств, сокращением территории (Россия – 17,1 млн кв. км; СССР – 22,4 млн кв. км), сокращением численности населения (Россия – 146,8 млн чел.; СССР по переписи 1989 г. – 280 млн чел.), т. е. от России отделилась четвертая часть территории бывшего СССР и половина населения. От России отошли более южные (Закавказье и Центральная Азия) и западные (Украина, Беларусь, Молдова) территории, наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении. За пределами России остались этнически русские меньшинства, появились проблемы беженцев и вынужденных переселенцев. Вокруг России появились горячие точки. Она лишилась значительной части портов на побережье Балтийского (Таллин и Ново-Таллинский порт в Эстонии, Рига, Лиепая и Венспилс в Латвии, Клайпеда в Литве); Черного (Одесса-Ильичевск, Николаев, Измаил, Рени) и Азовского (Мариуполь) морей. Сократилось побережье Балтийского моря (осталось в Ленинградской и Калининградской областях и Санкт-Петербурге) и Черного моря (Краснодарский край). На европейском и азиатском Севере и Дальнем Востоке у России не изменилась ситуация с выходом к морям Северного Ледовитого и Тихого океанов. Россия стала более континентальной страной, но все же сохранились порты на Черном и Балтийском морях, причем в Черном море увеличились за счет Крыма и строительства моста через Керченский пролив. Широким фронтом Россия обращена в Северный Ледовитый океан и, вследствие этого, обладает обширным Арктическим сектором. В силу своего северного положения Россия удалась от ряда мировых морских транспортных путей.

По северным морям (Баренцево, Белое, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) проходит Северный морской путь, который играет значительную роль в «северном завозе» – в снабжении северных районов страны топливом, строительными материалами, продуктами питания и пр. По Северному морскому

пути транспортируется продукция, производимая в отдаленных районах. Так, из Норильска медно-никелевый концентрат доставляется в Мурманский порт для Мончегорского медно-никелевого комбината; из порта Сабетта на Ямале сжиженный природный газ идет в страны Западной Европы. За счет активного освоения Россией минерально-сырьевых ресурсов в Арктике будут расти объемы перевозок по Севморпути. Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики и проектным офисом Развития Арктики создан проект «Стратегии развития Арктической зоны РФ до 2035 года». Северный морской путь предполагается использовать как транзитный путь из стран Восточной и Юго-Восточной Азии в Западную Европу; он более чем на 5000 км короче и безопаснее пути через Суэцкий канал. Для этого строятся ледоколы нового поколения для проводки судов в северных условиях, возрождается малая полярная авиация и сеть метеостанций на арктических островах, получают развитие города-базы Северного морского пути. Суровые климатические условия, значительные затраты на освоение территории, дефицит трудовых ресурсов определяют развитие в северных регионах лишь добывающих отраслей промышленности (нефтяной, газовой, угольной, железорудной, добычи руд цветных металлов и алмазов, горной химии). Производство продукции обрабатывающих отраслей представлено лишь местной промышленностью.

В результате распада СССР у России появился эксклав – Калининградская область, – и пришлось обустраивать новые границы. Калининградская область граничит с Литвой (227 км) и с Польшей (206 км). В настоящее время в направлении Польши и Литвы имеется 23 пограничных перехода. Россия потеряла большую часть геополитической зоны влияния, в которой произошла переориентация соседних стран. Три бывшие союзные республики (Эстония, Латвия, Литва) интегрировались в НАТО и Европейский союз, в результате чего Калининградская область оказалась внутри данных объединений. Страны НАТО (Эстония, Латвия, Литва, Польша) приблизились к границам России, а от Болгарии и Румынии отделяет лишь Черное море. Стремятся в НАТО также Украина, Грузия, Молдова. Среди геополитических особенностей следует отметить рост влияния в мировой политике и экономике Китая и Индии и расширение территорий «национальных интересов» США.

У России возникли новые границы общей протяженностью более 24 тыс. км. Граница Грузии и России после распада СССР составляла 750 км; после признания Абхазии и Южной Осетии – 425 км. Граница России и Абхазии составляет 255 км, России и Южной Осетии – 70 км.

Таблица 2

Протяженность границ постсоветских государств

Страна	Протяженность границ с постсоветскими государствами	Общая протяженность границ	Соотношение столбца 2 к значению столбца 3, %
Азербайджан	1393	2013	69,2
Армения	951	1254	75,0
Беларусь	2493	3098	59,7
Грузия	1209	1461	82,8
Казахстан	10 479	12 012	87,2
Киргизия	3020	3878	77,9
Латвия	1150	1150	100
Литва	1182	1273	92,9
Молдова	939	1389	67,6
Россия	11 126	19 917	55,9
Таджикистан	2031	3651	55,6
Туркменистан	2000	3736	53,5
Узбекистан	6084	6221	97,7
Украина	3406	4558	74,7
Эстония	633	633	100
Всего:	48 096	66 244	72,6

Границы между бывшими республиками СССР стали государственными границами. Какими будут эти границы, важно как для России, так и в целом для ситуации на постсоветском пространстве. Важна стабильность в новых независимых государствах и устойчивость к вызовам современного времени (терроризм, нелегальная миграция и др.). У России стабильные международные отношения с рядом сопредельных государств, но имеют место сложности с некоторыми соседними странами на постсоветском пространстве (Украина, Грузия). С Украиной граничат пять областей (Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская) трех экономических районов России (Центральный, Центрально-черноземный, Северо-Кавказский). На данной границе сложилась непростая политическая ситуация.

Интересным показателем в связи с этим является показатель отношения протяженности границ с постсоветскими государствами и общей протяженности границ конкретного государства.

Таким образом, более половины длины границ каждого государства приходится на постсоветские государства, а у Латвии и Эстонии данный показатель доходит до 100%.

С момента распада Советского Союза российская экономика встала на путь либерализации экономической политики, нацелилась на глобальное сотрудничество и взаимодействие, стала открытой к интеграционным процессам [Умнов, Плюхина 2018, с. 82]. Интеграционные процессы тесно связаны с регионализацией. В нынешних условиях на постсоветском пространстве развивается как пограничная торговля, так и в целом взаимодействие в решении многих экономических, социальных и политических проблем. Примером может служить российско-казахстанская граница. Это самая протяженная граница между двумя государствами в мире. Двенадцать субъектов Российской Федерации «выходят» к границе с Казахстаном (Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская, области, Алтайский край и республика Алтай), что служит важным потенциалом для развития трансграничного сотрудничества. Сложно представить, какие негативные последствия имело бы закрытие этой границы для России и Казахстана. С другой стороны, сотрудничество с Украиной оставляет желать лучшего. Расширение НАТО и ЕС на восток, сложная политическая ситуация на Украине требует от России укрепления своих западных границ [Безопасность 2002, с. 573]. Трансграничные связи между Россией и республикой Беларусь в рамках Союзного государства являются также одним из положительных примеров взаимодействия на постсоветском пространстве. В Центральной Азии обращают на себя внимание страны, входящие в ЕврАзЭС (Казахстан, Киргизия), и другие страны региона. В Закавказье проблемной является российско-грузинская граница; возникла новая государственная граница с Абхазией (255 км) и Южной Осетией (70 км).

России пришлось обустроить новые границы. По оценке Федеральной пограничной службы РФ, оборудование 1 км границы на равнинной местности обходится от 1 до 3 млн руб., в горной – от 15 до 20 млн руб., не считая создания пунктов пропуска [Безопасность 2002, с. 94].

Государственная граница РФ почти на четверть своей протяженности является новой. Ранее эта часть границы имела административный статус и поэтому не нуждалась в пограничном

обустройстве. С изменением статуса отдельных участков границы РФ изменился социально-экономический климат приграничных регионов, которые до этого были «глубинкой». Здесь были размещены войска, органы Пограничной службы, Государственного таможенного комитета и др. [Безопасность 2002, с. 94]. Ярким примером является Псковская область: будучи «глубинкой» России, в настоящее время она граничит с тремя государствами: Эстонией, Латвией, Беларусь. Никакое другое государство мира не имеет такого количества «соседей», как Россия (Россия – 16, Китай – 13, США – 2). Приграничные субъекты России (50 из 85) занимают около 77% территории страны. В них проживает 43% населения страны. Приграничными субъектами Российской Федерации являются:

1. Республика Алтай.
2. Республика Бурятия.
3. Республика Дагестан.
4. Республика Ингушетия.
5. Кабардино-Балкарская Республика.
6. Республика Калмыкия.
7. Карачаево-Черкесская Республика.
8. Республика Карелия.
9. Республика Крым.
10. Республика Саха (Якутия).
11. Республика Северная Осетия-Алания.
12. Республика Тыва.
13. Чеченская Республика.
14. Алтайский край.
15. Забайкальский край.
16. Камчатский край.
17. Краснодарский край.
18. Красноярский край.
19. Приморский край.
20. Хабаровский край.
21. Амурская область.
22. Архангельская область.
23. Астраханская область.
24. Белгородская область.
25. Брянская область.
26. Волгоградская область.
27. Воронежская область.
28. Калининградская область.
29. Курганская область.

30. Курская область.
31. Ленинградская область.
32. Магаданская область.
33. Мурманская область.
34. Новосибирская область.
35. Омская область.
36. Оренбургская область.
37. Псковская область.
38. Ростовская область.
39. Самарская область.
40. Саратовская область.
41. Сахалинская область.
42. Смоленская область.
43. Тюменская область.
44. Челябинская область.
45. г. Санкт-Петербург.
46. г. Севастополь.
47. Еврейская автономная область.
48. Ненецкий автономный округ.
49. Чукотский автономный округ.
50. Ямало-Ненецкий автономный округ.

Кроме Псковской области с тремя странами имеет границу республика Алтай – с Казахстаном, Китаем, Монголией. Немало субъектов, которые граничат с двумя странами: например, Мурманская область – с Норвегией и Финляндией, Ленинградская область – с Финляндией и Эстонией, Брянская область – с Беларусью и Украиной, Забайкальский край – с Монголией и Китаем, Приморский край – с Китаем и КНДР и т. д.

Из 11 экономических районов России лишь Волго-Вятский экономический район не является пограничным, остальные экономические районы имеют государственную границу: Северный район – с Норвегией и Финляндией; Северо-Западный район – с Финляндией, Эстонией, Латвией, Беларусью; Центральный район – с Беларусью и Украиной; Центрально-Черноземный район – с Украиной; Северо-Кавказский район – с Украиной, Абхазией, Грузией, Южной Осетией, Азербайджаном; Поволжский и Уральский районы – с Казахстаном; Западно-Сибирский район – с Казахстаном, Китаем, Монголией; Восточно-Сибирский – с Китаем и Монголией; Дальневосточный район – с Китаем и КНДР.

Значительная часть хозяйствующих организаций и населения в той или иной форме связана с границей: они работают в пограничной зоне, строят объекты инфраструктуры. Местное население является как бы вторым рубежом охраны границы. Наличие темпов

роста промышленного и сельскохозяйственного производства в приграничных регионах возможно при наличии развитой инфраструктуры и помощи государства. В таких регионах должна быть построена заново отраслевая и территориальная структура производства, которая соответствовала бы прежде всего потребностям внешних рынков. Особое значение приобретает поддержка данных регионов со стороны государства.

Вследствие обретения бывшими республиками СССР независимости изменилось дробление территории и характер соседства (в количественном и качественном отношении), произошло разрушение общего хозяйственного, транспортного, финансового, культурного и информационного пространства некогда единой страны. На территории СССР были сосредоточены колоссальные запасы природных ресурсов, страна являлась единственным государством в мире, полностью обеспеченным всеми необходимыми видами сырья и топлива для развития хозяйства. Здесь располагалось 20% всех топливно-энергетических ресурсов мира. Лишившись всех этих общих природных богатств, каждая из стран СНГ вынуждена была самостоятельно решать возникшие проблемы обеспечения экономики сырьем, что приводило в условиях нарушения хозяйственных связей к появлению кризисных явлений в экономике – падению производства, снижению ВВП, ухудшению уровня жизни населения, росту безработицы и, как следствие, росту криминала, нарушению прав граждан и пр. Лучшая экономическая ситуация складывалась в странах, богатых природными ресурсами, прежде всего топливными (Россия, Казахстан, Азербайджан).

С точки зрения этнических особенностей Советский Союз представлял собой уникальное объединение народов, относящихся к различным языковым семьям (индоевропейской, алтайской, уральско-юкагирской, северо-кавказской, чукотско-камчатской, эскимосо-алеутской) и группам, находящимся на разном уровне социально-экономического развития. Такое объединение хотя во многом и было небеспроблемным в совместном сосуществовании народов, но обеспечивало дружеское и взаимоуважительное проживание представителей разных этносов и религий. В условиях распада СССР в возникших новых самостоятельных государствах появились многочисленные межэтнические проблемы и противоречия, многие из которых накапливались и не решались десятилетиями. Они выразились в межнациональных конфликтах, противостоянии внутри наций, гражданских войнах, сепаратизме и стремлении некоторых территорий, отличающихся специфичным национальным и религиозным составом населения, к отделению от республик, частью которых они официально являлись, что привело

в конечном итоге к образованию самопровозглашенных государств (Приднестровская Молдавская Республика, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия).

В результате распада советского государства произошел спад интеллектуального потенциала общества. Этот потенциал основывался на достаточно прогрессивной национальной системе образования. Научно-техническая и образовательная система новых государств в условиях недостаточного, скудного финансирования потеряла многие кадры, которые в поисках средств существования и приложения своего труда были вынуждены эмигрировать за границу. В результате усилившейся «утечки умов» значительно ослабили позиции интеллектуального развития государств – бывших республик СССР.

В СССР был сформирован единый народнохозяйственный комплекс, объединяющий хозяйства союзных республик, связывая их тесными производственно-технологическими связями. Он базировался на общей сырьевой и топливной базе, общем научно-техническом потенциале, тесных кооперационных связях. Территориальная близость способствовала формированию единой энергетической системы, единой системы газоснабжения, единой транспортной сети и т. д. Существовал емкий внутренний рынок для сбыта готовой продукции. Развитие всех отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства и др. проходило с учетом потребностей всей страны. В СССР были единые хозяйственные цели, общая социальная политика.

С распадом СССР каждое из вновь образованных государств постсоветского пространства было вынуждено самостоятельно решать вопросы своего хозяйственного развития. Было разрушено единое экономическое пространство, встали задачи перехода от плановой экономики к рыночной в условиях полного политического и хозяйственного суверенитета. Разрыв хозяйственных связей между бывшими союзными республиками, отсутствие или нехватка сырья привели к остановке или падению производства на многих предприятиях, появлению безработицы, росту цен, бедности населения.

Развитие в соответствии с самостоятельной стратегией выживания, опора на собственные ресурсы и силы, стремление прорваться на мировой рынок и проблемы выбора партнеров в мировой экономике вызвали в странах СНГ в конце XX – начале XXI в. множество социально-экономических проблем. Во всех новых государствах отмечался экономический кризис, выразившийся в финансовой нестабильности, высокой инфляции, снижении объемов производимой продукции. Снижение уровня жизни привело к сокращению рождаемости, росту смертности, международным трудовым миграциям на постсоветском пространстве.

Тем не менее осуществленные реформы, направленные на становление рыночной экономики, предполагающие разгосударствление собственности, приватизацию предприятий, развитие частного бизнеса, изменение отраслевой структуры экономики и характера природопользования, создали возможности для постепенного выхода постсоветских государств в начале XXI в. из затянувшегося кризиса. Однако в уровнях их экономического развития наблюдаются значительные различия.

Наибольших успехов на пути выхода из экономического кризиса добились государства, обладавшие существенными запасами минерального сырья, значительным людским потенциалом, активно проводившие существенные преобразования своего хозяйства, направленные на ликвидацию старых экономических отношений. Группу лидеров в этом отношении составляют Россия, Казахстан, Белоруссия, отличающиеся большой величиной ВВП и стабильными темпами его роста. Минимальные показатели экономического роста имеют Таджикистан, Молдова, Украина.

В настоящее время СНГ, как группировка государств постсоветского пространства, занимает заметное место в мировой экономической системе. Страны СНГ обладают высококвалифицированными трудовыми ресурсами, значительными запасами минеральных ресурсов (особенно топливно-энергетическими и рудными), сохраняют торговые связи между собой. Все это явилось предпосылками для дальнейшей экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС. Территориальная близость стран, наличие у ряда стран СНГ единых границ, общая транспортная сеть, а также сохранившиеся тесные связи со времен СССР являются основанием для интеграции, успех которой во многом зависит от активизации взаимных усилий государств и осуществления эффективной совместной политики.

Литература

- Безопасность 2002 – Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России: Научно-образовательный форум / Под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голубова. М.; Волгоград, 2002.
- Ратанова 2004 – *Ратанова М.П.* Экономическая и социальная география стран ближнего зарубежья. М.: Дрофа, 2004.
- Умнов, Плюхина 2018 – *Умнов В.А., Плюхина А.А.* Анализ существующих подходов к логистике в аспекте внешнеэкономической деятельности организаций // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 4. С. 74–89.
- Холина, Наумов 2004 – *Холина В.Н., Наумов А.С.* Политическая карта мира. М.: Просвещение, 2004.

References

- Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii: Nauchno-obrazovatel'nyi forum* [Security and international cooperation in the belt of new borders of Russia: Scientific and educational forum], L.B. Vardomskii, S.V. Golubov (eds.). Moscow; Volgograd, Russia.
- Kholina, V.N. and Naumov, A.S. (2004), *Politicheskaya karta mira* [A political map of the World], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Ratanova, M.P. (2004), *Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiya stran blizhnego zarubezh'ya* [Economic and social geography of neighboring countries], Drofa, Moscow, Russia.
- Umnov, V.A. and Plyukhina, A.A. (2018), "Analysis of existent approaches to logistics in the aspect of foreign economic activity of organizations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 4, pp. 74-89.

Информация об авторе

Лидия А. Чебанова, кандидат географических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; lidiya-50@yandex.ru

Information about the author

Lidiya A. Chebanova, Cand. of Sci. (Geography), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; lidiya-50@yandex.ru

Внешняя торговля Российской Федерации – время переосмысления

Сергей И. Беленчук

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, belenchuk51@mail.ru*

Екатерина Б. Покровская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, reb707@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются современные особенности российской внешней торговли. Налицо позитивные сдвиги – удалось преодолеть несбалансированность в торговых отношениях с Китаем, и в целом в 2018 г. продолжилось начавшееся в 2017 г. восстановление положительной динамики российской внешней торговли прежде всего экспорта. Кроме того, наконец активизировался процесс дедолларизации российской внешней торговли. В то же время нельзя не отметить неблагоприятные моменты: в первую очередь, снижение доли несырьевых и не-энергетических товаров в общем объеме российского экспорта. У России, конечно, есть стратегическое видение того, как необходимо развивать национальный экспорт. Вместе с тем в условиях неопределенности, характеризующей в настоящее время состояние международной торговой системы, представляется вполне логичным взять паузу для переосмысления еще не получивших своего завершения глобальных сдвигов и сделать упор на дедолларизации российской внешней торговли и на максимально активном участии в формировании новых контуров этой системы, в частности в реформатировании «ВТО» в «ВТО плюс».

Ключевые слова: внешняя торговля, диверсификация экспорта, дедолларизация, ЕАЭС, ВТО

Для цитирования. Беленчук С.И., Покровская Е.Б. Внешняя торговля Российской Федерации – время переосмысления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 277–291. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-277-291

Foreign trade of the Russian Federation – time to rethink

Sergei I. Belenchuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
belenchuk51@mail.ru*

Ekaterina B. Pokrovskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
peb707@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the current features of Russian foreign trade. Positive shifts are evident – it was a success when overcoming the imbalance in trade relations with China, and in general, in 2018, the restoration of the positive dynamics of Russian Foreign trade and, above all, export, which began in 2017, continued. In addition, finally, the process of de-dollarization of Russian foreign trade was intensified. At the same time, one cannot fail to note unfavorable moments: first of all, a decrease in the share of non-primary and non-energy goods in the whole value of exports. Russia, of course, has a strategic vision of how to develop national exports. At the same time, given the uncertainty currently characterizing the state of the international trading system, it seems logical to take a break to rethink the global shifts that have not yet been completed and to focus on the de-dollarization of the Russian foreign trade as well as on most active participation in the formation of new contours of the system, in particular in the reformatting of the “WTO” into the “WTO plus”.

Keywords: foreign trade, export diversification, de-dollarization, EAEU, WTO

For citation: Belenchuk, S.I. and Pokrovskaya, E.B. (2019), “Foreign trade of the Russian Federation – time to rethink”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 277-91, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-277-291

В 2018 г., несмотря на экономические санкции, положение России в сфере внешней торговли улучшилось. В 2018 г. продолжилось начавшееся в 2017 г. восстановление положительной динамики российской внешней торговли и прежде всего экспорта. Определяющую роль в отношении экспорта сыграл ценовой фактор, однако нельзя игнорировать и сохранение преемственности позитивных тенденций в плане продуктовой, географической и фирменной диверсификации. О возросшей экспортной активности свидетельствует и расширение физического объема товарных поставок.

Внешнеторговый оборот России товарами в 2018 г. составил 688,1 млрд долларов США и по сравнению с 2017 г. возрос на 17,6%.

Стоимость российского экспорта в 2018 г. возросла по сравнению с предыдущим годом на 25,8% и достигла 449,6 млрд долларов США, при этом в страны дальнего зарубежья было продано товаров на сумму в 394,7 млрд долларов США (прирост на 27,7%), а в государства СНГ – на сумму в 54,9 млрд (прирост на 13,9%).

Стоимость российского импорта увеличилась в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом на 4,7% до 238,5 млрд долларов США. В странах дальнего зарубежья было закуплено товаров на сумму в 212,0 млрд долларов США (прирост на 4,5%), а странах СНГ – на сумму в 26,5 млрд долларов США (прирост на 6,0%).

У России в 2018 г. увеличилось положительное сальдо торгового баланса, достигнув 211,1 млрд долларов США по сравнению с 129,4 млрд долларов США в 2017 г.

В товарной структуре экспорта России в 2018 г. продолжали преобладать топливно-энергетические товары с удельным весом в 63,8%, при этом стоимость проданных за рубеж товаров указанной группы возросла по сравнению с предыдущим годом на 35,3%.

Далее идет группа металлов и изделий из них, доля которой составила 9,7%. Стоимость экспортированных металлов и изделий из них увеличилась в 2018 г. в сравнении с годом ранее на 19,4%.

Что касается доли продукции машиностроения в российском экспорте в 2018 г., то она оставалась низкой, всего 6,5%, хотя стоимость проданной за рубеж указанной продукции немного возросла – на 2,5%. Стоимостный объем экспорта продукции химической промышленности в 2018 г. возрос на 14,6%, при этом удельный вес данной товарной группы в общем объеме экспорта составил 6,1%.

В то же время следует обратить внимание на рост экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, стоимость которого увеличилась на 20,3%. Доля этой товарной группы в общем экспорте России составила в 2018 г. 5,5%.

В сфере российского импорта ведущее место занимает продукция машиностроения. Ее доля составила в 2018 г. 47,3%. Стоимостный объем импорта продукции машиностроения возрос по сравнению с 2017 г. на 1,7%.

Второй по значению явилась группа продукции химической промышленности, доля которой в российском импорте составила в 2018 г. 18,3%. В 2018 г. по сравнению с прошлым годом возросли закупки продукции химической промышленности в стоимостном выражении на 8,2%.

Доля продовольственных товаров и сырья для их производства в общем импорте в 2018 г. составила 12,5%. Стоимостный объем ввоза этой продукции возрос на 2,8%.

По сравнению с 2018 г. возрос импорт металлов и изделий из них на 8,9%, древесины и целлюлозно-бумажных изделий – на 8,3%. Доля этих товаров в общем импорте России в 2018 г. составила 7,2 и 1,6% соответственно.

Доля текстиля, текстильных изделий и обуви в российском импорте в 2018 г. составила 6,2%, стоимостный объем ввоза этой продукции возрос на 8,8%.

В общем объеме внешнеторгового оборота на долю стран дальнего зарубежья в 2018 г. приходилось 88,2%, на долю стран СНГ – 11,8%.

Внешнеторговый оборот России в 2018 г. со странами дальнего зарубежья составил 606,7 млрд долларов США, увеличившись на 18,5% по сравнению с предыдущим годом.

Оборот России в 2018 г. со странами СНГ составил 81,3 млрд долларов США (увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 11,6%).

Крупнейшим экономическим партнером России остается Европейский союз, на его долю в 2018 г. приходилось 42,8% российского товарооборота (в 2017 г. – 42,2%), на страны СНГ – 11,8% (12,5%), на страны ЕАЭС – 8,2% (8,8%), на страны АТЭС – 31,0% (30,3%).

В целом в 2018 г. ситуация во внешней торговле по многим показателям улучшилась. Однако нельзя не обратить внимания на два неблагоприятных момента: во-первых, это уменьшение доли несырьевых и неэнергетических товаров в общем объеме российского экспорта и, во-вторых, это снижение доли ЕАЭС в общем объеме внешней торговли России.

Что касается первого момента, то речь идет о том, что после нескольких лет (начиная с 2015 г.) определенных успехов в области диверсификации экспорта этот процесс если и не пошел на убыль, то застопорился. На наш взгляд, причины здесь в большей мере носят фундаментальный характер, чем просто отражают некие конъюнктурные неувязки.

У России, конечно, есть стратегическое видение того, как необходимо развивать национальный экспорт. Об этом, в частности, пишет крупнейший специалист по внешнеэкономическим связям России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор А.Н. Спартак: «На начальном этапе диверсификация будет носить преимущественно инерционный характер..., тогда как со временем, по мере получения дополнительных ресурсов на цели

развития от инерционно-мобилизационной диверсификации... необходимо переходить к инновационному этапу диверсификации, когда в экспортную сферу вовлекаются новые факторы конкурентоспособности с акцентом на использование интеллекта и передовых технологий» [Спартак 2018, с. 268].

В то же время разработка программы перехода ко второму этапу диверсификации, по всей видимости, не завершена, и этому можно найти вполне объективное объяснение. Прежде всего непонятно, в каком направлении будут развиваться глобализационно-интеграционные процессы, станет ли мегарегионализм становым хребтом международной торговой системы, сохранит ли доллар роль главной резервной валюты. Непонятно также, как в условиях наступления цифровой экономики будут формироваться новые глобальные (региональные) цепочки создания стоимости (ГЦСС) и как быстро потеряют свое значение ныне действующие ГЦСС. Ведь уже имеются признаки того, что в этой области не первый год наблюдается застой. Так, автор доклада о ГЦСС David Dollar утверждает следующее: «Удивительным является то, что с 2011 г. не происходит увеличения ни доли (в мировом производстве. – *Авт.*) традиционной торговли, ни доли торговли в рамках ГЦСС» [Dollar 2017, р. 2]. Не до конца ясно, когда произойдет коренной перелом в пользу экспорта услуг при заметном сокращении физического экспорта товаров. *Возможно, именно поэтому сейчас взята пауза для переосмысления происходящих тектонических сдвигов, а процесс диверсификации продвигается как бы по инерции.*

Все это не значит ослабления внимания к развитию тех направлений диверсификации экспорта, эффективность которых для России не вызывает сомнения. Речь идет прежде всего о таких отраслевых экспортных кластерах, как атомная отрасль и индустрия разработки программного обеспечения. Кроме того, Россия не оставляет усилий с целью зарезервировать место для своей продукции на расширяющихся рынках сбыта стран мировой периферии, в частности, Африки, а также с целью обеспечения своего участия в проектах, связанных с решением глобальных проблем (например водоснабжение, экология, энергетика).

Что касается второго неблагоприятного момента, а именно снижения доли ЕАЭС в общем объеме российской внешней торговли, то его можно объяснять примерно с тех же позиций, что и первый негативный момент. Более конкретно речь о том, что в 2018 г. процесс интеграции в рамках ЕАЭС замедлился. А ведь становление и укрепление ЕАЭС как интеграционной группировки является одним из приоритетов не только торговой политики России, но и геополитической стратегии в целом. Лишь на основе ЕАЭС Россия

сможет претендовать на участие в мегарегиональных торговых соглашениях (МРТС), которые, возможно, создадут основу будущей конфигурации международной торговой системы. Вместе с тем итоги 2018 г. свидетельствуют о сохранении в ЕАЭС элементов национального протекционизма. Во многом этим объясняются сложности в преодолении бюрократических и административных барьеров. Здесь нельзя не согласиться с Ю. Кофнером (Евразийский сектор ЦЕМИ НИУ ВШЭ), подведшим итоги дискуссии на сессии «Евразийский экономический союз. Стратегия будущего», прошедшей в рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2019) 6 июня 2019 г. По его мнению, «...один из главных критических аргументов в адрес ЕАЭС заключается в ощущении того, что государства-члены игнорируют многие положения Договора о ЕАЭС и решения Комиссии. Недоинтеграция наносит существенный вред и прежде всего – деловому сообществу. Бизнес все время подчеркивает, что сохраняются проблемы и ограничения на пути формирования общих рынков, что уменьшает возможность прочувствовать весь положительный эффект от интеграции и мешает эффективной работе единых рынков»¹.

Впрочем, так называемая недоинтеграция связана, может быть, еще в большей степени с незавершенностью выработки стратегии как России, так и всего блока ЕАЭС, в отношении реальных путей диверсификации экспорта и формирования собственных или связанных по оси синдицированного регионализма «Юг–Юг» цепочек создания стоимости, вне рамок уже функционирующих и местами клонящихся к закату глобальных цепочек создания стоимости – ГЦСС. Как уже было сказано выше, *вероятнее всего, требуется некоторая пауза для того, чтобы переосмыслить те громадные изменения, которые произошли в мировой торговой системе в самые последние годы.*

В то же время можно говорить и об определенных успехах в функционировании ЕАЭС в 2018 г., связанных, в частности, с воплощением в жизнь соглашений о зонах свободной торговли с рядом стран, прежде всего Вьетнамом, что означает движение в правильном направлении с учетом всего вышесказанного.

Но самым большим успехом для России стало то, что в 2018 г. ей наконец удалось преодолеть несбалансированность в торговых отношениях с Китаем и выйти на положительное сальдо торгового баланса. Это говорит о многом, но прежде всего об окончательном развороте обоих государств друг к другу. Что касается Китая, то

¹ 10 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://провэд-медиа.рф/expert/strategiya-budushchego-eaes/>

в условиях значительного обострения отношений с США он смог оценить дивиденды от той роли, которую сотрудничество с нашей страной может сыграть в сфере укрепления его безопасности. Отсюда шаги, нацеленные на серьезное экономическое сближение с Россией, что дает России простор для завершения выработки своей стратегии развития внешнеэкономических связей в условиях нового глобализма. И в целом необходимо согласиться с академиком С.Ю. Глазьевым, который сформулировал приоритетную задачу для России в данной области следующим образом: «В сложившихся условиях Россия могла бы сформировать вместе с Китаем и другими странами ядра азиатского цикла накопления в новый центр расширенного воспроизводства» [Глазьев, Гельвановский, Захаров и др. 2016, с. 248].

В свою очередь, многие представители западного истеблишмента упорно настаивают на том, что Китай вряд ли сможет в дальнейшем поддерживать высокие достижения последних десятилетий. Например, один из наиболее влиятельных финансовых политиков мира, бывший Председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США Алан Гринспен полагает, что Китай не сможет обойти США технологически в большей мере по причинам цивилизационным, а не экономического характера [Гринспен 2018]. В данных условиях особое значение приобретает необходимость добиваться реального экономического суверенитета, который, в свою очередь, немыслим без суверенной денежной политики. «Перед Россией как великой державой стоит задача обеспечить переход в категорию суверенных стран “первого валютного мира”» [Рыбковская 2017, с. 21].

В этом контексте особую актуальность приобретает задача дедолларизации внешнеэкономических связей России. Об этом открыто говорят и первые лица государства, и ведущие представители бизнеса. Так, глава ВТБ А. Костин в интервью Китайской глобальной телевизионной сети в июне 2019 г. прямо призвал компании России и Китая переходить на расчеты в национальных валютах. По его мнению, «американцы, используя положение доллара в международной валютной системе, оказывают беспрецедентное давление как на суверенные государства, так и на бизнес-конкурентов. Выход здесь один – ограничивать использование американской валюты, хотя речь, конечно, не идет о каких-либо запретах в ее использовании в международных расчетах»².

² Полонский А. Доллару пора в отставку [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/dollaru-pora-v-otstavku_203052 от 08.06.19 (дата обращения 26.07.19).

Следует отметить, что курс на дедолларизацию был взят довольно давно, но говорить о существенных успехах в этой области пока рано.

Как свидетельствуют данные ЦБ РФ, уровень долларизации расчетов России по внешней торговле остается очень высоким. При этом доля доллара по экспорту гораздо выше, чем по импорту. Правда, нельзя не отметить, что за последние месяцы эта доля заметно уменьшилась, но это объясняется в основном увеличением доли евро, что не сильно меняет картину с учетом того, что ФРС и ЕЦБ в значительной мере координируют свою денежную политику и в ряде случаев действуют как единый эмиссионный центр. Что касается доли рубля, то вплоть до конца 2018 г. эта доля изменялась незначительно, так же как и доля «прочих валют», под которыми подразумевается в основном китайский юань. Здесь важно отметить, что если со странами – членами ЕАЭС организация расчетов в рублях не сталкивалась с существенными трудностями, то переход на национальные валюты в расчетах с главным торговым партнером России – Китаем – проходит довольно сложно. Еще в 2014 г. между сторонами готовилось соглашение о более широком использовании национальных валют, но затем Китай отказался от этого соглашения, причем причина этого лежит на поверхности – обвал рубля. В прошлом году также готовилось подобное соглашение, однако в ноябре китайская сторона опять от него отказалась.

Наконец, в июне 2019 г. первый вице-премьер РФ, министр финансов А. Силуанов и председатель Народного банка Китая И. Ганн подписали межправительственное соглашение о переходе на расчеты в национальных валютах. Можно, конечно, скептически оценивать это соглашение и говорить об отсутствии уверенности в том, что данное соглашение будет выполняться неукоснительно, поскольку рубль страдает неустойчивостью, а юань все еще имеет ограниченную конвертируемость.

Однако есть признаки того, что движение в нужном направлении все же началось: доля юаня в расчетах России с КНР в самые последние месяцы заметно выросла. И произошло это на фоне того, что, как уже указывалось выше, впервые за многие годы у России в торговле с Китаем образовалось положительное сальдо. И здесь важно обратить внимание на то, что Китай в самое последнее время предпринял значительные усилия для укрепления устойчивости юаня. Речь идет об отладке механизма торговли нефтяными и золотыми фьючерсами, деноминированными в юанях, на Шанхайской бирже. Запущенная чуть более года назад торговля нефтяными фьючерсами предусматривает возможность хеджироваться за счет золотых фьючерсов, которые можно обменивать на физическое золото.

Итак, дедолларизация вроде бы становится реальностью, и можно констатировать, что этот курс реализуется через постепенный переход на расчеты в национальных валютах либо в валютах третьих стран. Такой подход в принципе можно считать приемлемым для России. Однако здесь надо оговориться, что расчет на то, что Китай будет постоянно поддерживать устойчивость юаня в угоду соблюдению коммерческих интересов российской стороны, является в корне неверным. В частности, в настоящее время нельзя исключать варианта, при котором юань в рамках достижения договоренности между эмитентами валют, входящих в корзину СДР, может быть обесценен в отношении золота. Что касается рубля, то в случае его распространения в качестве международного средства платежа он становится гораздо более уязвимым в качестве объекта атаки со стороны международных спекулянтов, чем в настоящее время. Поэтому переход непосредственно на национальные валюты в межгосударственных платежах и расчетах может быть эффективным лишь для запуска дедолларизации.

На следующем этапе необходимо создавать специальные расчетные единицы, опирающиеся на целый набор товаров с дуальными свойствами, и не только на золото. Детальная проработка этого вопроса уже осуществлена коллективом специалистов АНО «Национальный институт развития» Отделения общественных наук РАН под руководством известного российского экономиста М.И. Гельвановского в рамках исследования «Мультитоварная база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности» [Гельвановский, Минченков, Водянова, Заплетин 2017]. Следуя логике исследования, можно предположить, что эти единицы будут выполнять функцию меры стоимости, а курс рубля и юаня, которые будут средствами платежа, будет зависеть главным образом от биржевой цены указанного набора товаров. Подобная система создает гарантии стабильности расчетов для обеих сторон, но она в то же время потребует создания на межгосударственном уровне совместного механизма регулирования расчетов. И лишь потом можно будет говорить о создании совместной валюты для ведения взаимных расчетов, обеспеченной резервами дуальных товаров. В любом случае формирование подобного механизма может послужить монетизацией функции нашей страны в сфере обеспечения международной безопасности, без чего Китай вряд ли сможет развивать свою собственную модель глобализации, тем более что в последние годы он сталкивается на этом пути со все возрастающими трудностями.

Решение проблемы дедолларизации следует дополнить активизацией усилий в торгово-политической сфере. Опыт последних лет

свидетельствует о том, что России следует все более эффективно использовать возможности ВТО прежде всего с помощью механизма урегулирования споров ВТО. Здесь уже имеется неплохой задел. Девять споров в активной стадии по состоянию на июль 2019 г. – это неплохой показатель. При этом Россия старается больше не прибегать к услугам иностранных специалистов и специализированных фирм. Одновременно не следует забывать, что в 2020 г. заканчивается льготный период по последней теме в рамках наших обязательств по присоединению к ВТО: снимаются ограничения на создание «прямых» филиалов иностранных страховых компаний.

Однако наиболее актуальная задача в данной области, которую России необходимо решить в недалеком будущем, связана с необходимостью резко повысить эффективность нашей торговой политики в плане продвижения выгодных для России реформ системы управления международной торговой системой, прежде всего в рамках участия в ВТО. Реформированная ВТО, или ВТО плюс, может стать вполне эффективным оружием в борьбе против ничем не мотивированных (с точки зрения международных правовых положений) протекционистских шагов администрации Трампа. Кроме того, активное участие России в этих реформах позволит ей максимально эффективно использовать все возможности формируемой системы, чего не скажешь об использовании возможностей уже существующей системы.

А эти реформы назрели, поскольку в последние годы механизм ВТО все чаще дает сбои. И хотя количество исков в рамках процедуры разрешения торговых споров заметно выросло, количество решений, вводящих реальные санкции, насчитывает единицы. Ряд стран, в первую очередь США, вводят протекционистские меры без какого-либо соблюдения процедур ВТО. Более того, США все чаще ссылаются на статью XXI ГАТТ, предусматривающую возможности ограничений из соображений национальной безопасности, но не приводят никаких доводов в пользу необходимости применения данной статьи. В этой связи интересно процитировать директора департамента торговых переговоров Минэкономразвития Екатерину Майорову, которая, говоря о введенных США пошлинах на сталь и алюминий в отношении России, высказала в интервью РГ следующее мнение: «... мы и интерпретировали американские пошлины как классическую специальную защитную меру, при введении которой были допущены многочисленные нарушения правил ВТО: например, не было форматного расследования условий торговли и ее влияния на отечественное производство, не всегда был доказан рост импорта и связанный с ним ущерб или угроза ущерба. На этих основаниях мы начали спор в ВТО против США. Но американцы

сказали: нет, это ни в коем случае не спецзащитные меры, это мера, принятая по соображениям безопасности»³.

Здесь следует признать, что российская сторона до сих пор довольно пассивно относилась к проблеме применения статьи XXI, де факто соглашаясь с абсолютным характером права членов ВТО применять ограничения по соображениям безопасности, что подразумевает фактическое отстранение арбитров ВТО от рассмотрения соответствующих кейсов. В этом же контексте Россия воздерживалась подавать иски в ВТО в связи с введением против нас торговых санкций (впрочем, такого же подхода придерживались и страны, против которых Россия применила контрсанкции).

Но неожиданно по спору, инициированному против России Украиной по транзиту украинских грузов, арбитры ВТО приняли иное решение – XXI статья ГАТТ об ограничениях по соображениям национальной безопасности является неотделимой частью Соглашения ВТО, и в ее отношении в полном объеме применяются правила и процедура разрешения споров. А это является юридическим подтверждением того, что право членов ВТО применять торговые ограничения по соображениям безопасности не является абсолютным. Что касается ссылки США на XXI статью для обоснования торговых ограничений, вводимых в том числе и против стран, которые относятся к союзникам США, то в соответствии с комментариями Е. Майоровой это может привести к необходимости доказывать, что у США существуют чрезвычайные обстоятельства в отношении со странами ЕС, Японией, Канадой⁴.

Таким образом, США загоняют себя в международно-правовой тупик. При этом, с одной стороны, они продолжают использовать возможности механизма разрешения споров, а с другой стороны, они предпринимают шаги по созданию существенных помех функционированию данного механизма путем блокирования выборов арбитров в апелляционный орган, что, правда, началось еще при президенте Б. Обаме. В этих условиях возникают вполне конкретные темы для запуска фактического реформирования ВТО, причем у российской стороны появляется возможность стать одним из инициаторов этого процесса. Речь идет о поисках альтернативы

³ *Зубков И.* Дела на миллион. Глава департамента Минэкономразвития – об исках в ВТО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/05/13/majorova-rossiia-perestala-doveriat-inostrannym-iuristam-spory-v-vto.html> (дата обращения 26.02.2020).

⁴ Там же.

апелляционному органу. О том, что соответствующие предложения в основном уже подготовлены, свидетельствуют слова Е. Майоровой, высказанные все в том же интервью:

Еще один вариант (нахождения альтернативы апелляционному органу. – *Авт.*) заложен в самой Договоренности о процедурах разрешения споров ВТО – это возможность альтернативного разбирательства, то есть стороны могут договориться, что переносит апелляцию в некий иной арбитраж. Этой правовой основой можно воспользоваться, чтобы договориться о работе апелляционного органа независимо от мнения и действий США. Грубо говоря, весь остальной мир – «ВТО минус США» – на основании соответствующей статьи Договоренности о процедурах разрешения споров может решить, что апелляционный орган продолжит функционировать, несмотря на позицию американцев⁵.

Впрочем, речь идет лишь о первых шагах. Далее потребуются значительные усилия для того, чтобы переформатировать «ВТО» в «ВТО плюс».

Ряд специалистов фокусируют свое внимание на том, что потребности дальнейшей либерализации международной торговой системы явно обгоняют темпы включения в сферу деятельности ВТО ранее не охваченных сфер регулирования. К последним можно отнести такие сферы, как экология, защита прав инвесторов, обеспечение транспарентности и т. д.

Например, известный российский экономист А. Портанский в своей статье «После Найроби ВТО будет меняться» отметил, что ВТО не следует продолжать отдавать приоритет задачам XX в. и демонстрировать при этом неготовность формировать новые правила, например, для тех же глобальных цепочек создания стоимости, поскольку в этом случае новые правила будут складываться за пределами ВТО [Портанский 2016, с. 46]. И далее автор предлагает свое видение новой системы глобального управления мировой торговлей, которая, по его мнению, должна стать многоопорной. В рамках этой системы ПТС должны найти свое место одновременно с ВТО – правда, сохраняется существенная роль ВТО, – и нормы ПТС могут постепенно становиться нормами ВТО [Портанский 2016, с. 50].

⁵ *Зубков И.* Дела на миллион. Глава департамента Минэкономразвития – об исках в ВТО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/05/13/majorova-rossiia-perestala-doveriat-inostrannym-iuristam-spory-v-vto.html> (дата обращения 26.02.2020).

О выходе вновь заключаемых или пересматриваемых преференциальных или региональных торговых соглашений за рамки норм ВТО свидетельствует в опубликованной в 2015 г. монографии «Non-Tariff Measures and WTO» известный специалист по торговой политике Robert W. Staiger:

...многие недавно заключенные преференциальные торговые соглашения (ПТС) включают гораздо более жесткие обязательства, чем обязательства, входящие в ГАТТ или ВТО. В особенности, все возрастающее число ПТС идет гораздо дальше упразднения на преференциальной основе таможенных тарифов, фокусируя внимание на ведении переговоров по особым обязательствам в сфере внутригосударственных нетарифных мер (behind the border NTM) [Staiger 2015, p. 12].

Но вышецитируемые специалисты упускают из виду самое главное, на чем справедливо заострили внимание авторы статьи «Системное влияние региональных торгово-экономических блоков на многостороннюю торговую систему» в «Вестнике РГГУ»:

Изменившаяся структура региональных торговых соглашений, включение в их охват вопросов, не регулируемых нормами ВТО или более глубоких правил по сравнению с нормами ВТО, создает предпосылки к фрагментации многосторонней торговой системы, а также требует анализа влияния новых норм правил регулирования торговли на третьи страны, оказавшимися за пределами таких соглашений [Карпова, Покровская 2018, с. 62].

В этом контексте одним из сценариев является превращение ВТО в некую зонтичную, или многоопорную структуру, которая будет использовать регуляторные практики РТС. Вместе с тем ряд экспертов в качестве опорной конструкции нового глобального управления видят «синдицированный (кооперирующийся) регионализм» по оси «Юг-Юг» с выходом в дальнейшем на «механизм глобальной координации крупнейших соглашений региональной интеграции Севера и Юга» [Лисоволик, Узан 2018, с. 16–17]. Отсюда следует, что приоритет должен отдаваться выстраиванию системы отношений между Россией и Китаем. С этим мнением трудно не согласиться, однако в реальности очень многое будет зависеть от позиции Китая, но также и от успешности реализации проекта ЕАЭС.

Литература

- Гельвановский, Минченков, Водянова, Заплетин 2017 – *Гельвановский М.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П.* Мультипродуктовая база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности // *Стратегические приоритеты*. 2017. № 4. С. 120–130.
- Глазьев, Гельвановский, Захаров и др. 2016 – *Глазьев С.Ю., Гельвановский М.И., Захаров А.В. и др.* Наука, общество, государство: история взаимодействия, баланс интересов, взаимная ответственность, современные императивы / Национальный институт развития. Отделение общественных наук РАН. М.: ИП Колмогоров И.А., 2016. 418 с.
- Гринспен 2018 – *Гринспен А.* Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. Пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2018. 412 с.
- Карпова, Покровская 2018 – *Карпова А.В., Покровская Е.Б.* Системное влияние региональных торгово-экономических блоков на многостороннюю торговую систему // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2018. № 1. С. 58–69.
- Лисовик, Узан 2018 – *Лисовик Я.Д., Узан М.* Новое глобальное управление: на пути к более устойчивой системе // *Валдайские записки*. 2018. Июнь. № 88. С. 16–17.
- Портанский 2016 – *Портанский А.П.* После Найроби ВТО будет меняться // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 3. С. 42–52.
- Рыбковская 2017 – *Рыбковская О.Н.* Проекты СССР/России по «дедолларизации» мировой экономики: от Московского международного экономического совещания (1952 г.) к БРИКС // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2017. № 4. С. 18–31.
- Спартак 2018 – *Спартак А.Н.* Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. М.: ИКАР, 2018. 456 с.
- Dollar 2017 – *Dollar D.* Executive summary // *Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development: Global Value Chain Development Report 2017*. Washington D.C. The World Bank, 2017.
- Staiger 2015 – *Staiger R.W.* Non-Tariff Measures and the WTO. Dartmouth and NBER. December 2015, Cambridge, M.A., USA.

References

- Dollar, D. (2017), “Executive summary”, *Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development, Global Value Chain Development Report 2017*, The World Bank, Washington D.C., USA.
- Gel'vanovskii, M.I., Minchenkov, M.A., Vodyanova, V.V., and Zapletin, M.P. (2017), “The multi-product base of international currency as a means of ensuring the national and global financial and economic security”, *Strategicheskije priorityety*, no. 4, pp. 120-130.

- Glazyev, S.Yu. Gel'vanovskii, M.I., Zakharov, A.V and others (2016), *Nauka, obshchestvo, gosudarstvo: istoriya vzaimodeistviya, balans interesov, vzaimnaya otvetstvennost', sovremennye imperativy* [Science, society, state. History of cooperation, balance of interests, mutual responsibility, modern imperatives], National Development Institute. Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Kolmogorov I.A., Moscow, Russia.
- Greenspan, A. (2018), *Karta i territoriya: risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya* [The Map and the territory 2,0: Risk, human nature, and the future of forecasting], trans. from English, 2nd ed., Al'pina Publisher, Moscow, Russia.
- Karpova, A.V. and Pokrovskaya, E.B. (2018), "The systemic influence of the regional trade agreements on the multilateral trading system", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 58-69.
- Lisovik, Ya.D. and Uzan, M. (2018), "New global governance: towards a more sustainable system", *Valdaiskie zapiski*, June, no. 88, pp. 16-17.
- Portanskii, A.P. (2016), "After Nairobi, the WTO will change", *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik*, no. 3, pp. 42-52.
- Rybkovskaya, O.N. (2017), "Projects of the USSR / Russia on "de-dollarization" of the world economy. From the Moscow International Economic Meeting (1952) to BRICS: An analysis of projects on currency competition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management Law" Series*, no. 4, pp. 18-31.
- Spartak, A.N. (2018), *Sovremennye transformatsionnye protsessy v mezhdunarodnoi torgove i interesy Rossii* [Modern transformation processes in international trade and the interests of Russia], IKAR, Moscow, Russia.
- Staiger, R.W. (2015), *Non-Tariff Measures and the WTO*, December, Dartmouth and NBER, Cambridge, M.A., USA.

Информация об авторах

Сергей И. Беленчук, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; belenchuk51@mail.ru

Екатерина Б. Покровская, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; peb707@mail.ru

Information about the authors

Sergei I. Belenchuk, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; belenchuk51@mail.ru

Ekaterina B. Pokrovskaya, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; peb707@mail.ru

УДК 347

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-292-298

Механизмы обеспечения безопасности гражданских правоотношений

Анна В. Милохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, milokhov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена определению правовой сущности «безопасности» как правовой и гражданско-правовой категории, оценке значения безопасности гражданско-правовых отношений с точки зрения обеспечения национальной безопасности, систематизации механизмов обеспечения безопасности гражданских правоотношений.

Ключевые слова: безопасность; экономическая безопасность; национальная безопасность; безопасность в гражданском праве; защита гражданских прав

Для цитирования: Милохова А.В. Механизмы обеспечения безопасности гражданских правоотношений // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 292–298. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-292-298

Mechanisms for ensuring the security of civil relations

Anna V. Milokhova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
milokhov@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the definition of the legal essence of “security” as a legal and civil law category, the assessment of the importance of the security of civil relations in terms of ensuring national security, and the systematization of mechanisms for ensuring the security of civil relations.

Keywords: security, economic security, National security, security in civil law, protection of civil rights

© Милохова А.В., 2019

For citation: Milokhova, A.V. (2019), "Mechanisms for ensuring the security of civil relations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economy. Management. Law" Series*, no 4, pp. 292-98, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-292-298

Степень защищенности субъектов гражданских правоотношений можно определить по эффективности механизмов, гарантирующих безопасность их осуществления. Очевидно, что классические механизмы защиты сторон гражданско-правовых отношений, такие как возмещение убытков, взыскание неустойки, возмещение вреда, т. е. те механизмы, которые включаются *post factum* в силу целой совокупности факторов, не всегда могут гарантировать реальное восстановление нарушенного права. Объективно эффективен тот механизм, который позволяет не допустить нарушения права, исключив или максимально минимизировав риски неисполнения обязательств.

Стремление к безопасности – естественная потребность человека. В социологии безопасность определяется как свойство любой живой системной организации, формируемой на основе биологической или социальной адаптивной деятельности, т. е. представляет собой конкретный результат такой деятельности [Викторов 2010, с. 153–154]. При этом безопасность как свойство, обеспечивая жизнеспособность системы, тем самым способствует ее развитию. В пирамиде Маслоу потребность безопасности занимает следующее место после удовлетворения основных физиологических потребностей, составляя в совокупности с ними основу для дальнейшего развития личности и общества в целом. Не обеспечив данную потребность, дальнейшее поступательное развитие невозможно. Устойчивое развитие – это поступательное движение вперед. Однако двигаться мы можем, только если имеем твердую опору, и движение вперед возможно, если в настоящем достигнут необходимый баланс.

А.Ш. Викторов выделяет пять главных обобщенных ценностей, нуждающихся в сохранении и защите, которые зафиксировала для себя человеческая цивилизация: государство, экономика, искусство, наука и религия. Соответственно этим ценностям формируются направления обеспечения национальной безопасности. Однако в современном обществе на первый план выходят «не обобщенные ценности, а безопасность и сохранение жизни конкретных людей, групп, обществ вне зависимости от их политических, экономических и национальных различий» [Викторов 2010, с. 149–150].

Среди множества определений «безопасности» [Муромцева, Шелков, Богатырева 2018], что, по верному утверждению В.В. Абра-

мова, связано с фундаментальностью и многогранностью данного явления, множественностью содержательных связей и форм внешних проявлений [Абрамов 2013, с. 112], для дальнейшего анализа может быть использовано определение безопасности, сформулированное в Стратегии национальной безопасности¹ (далее – Стратегия), где под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Важно отметить, что категория «безопасность» не является традиционной для гражданского права. Терминологически данное понятие не фигурирует при раскрытии содержания основных начал (принципов) и функций гражданского права. В понятийном аппарате гражданского законодательства термин «безопасность» использован в контексте смежных отраслей (безопасность государства (ст. 1 ГК РФ), безопасность при строительстве, безопасность эксплуатации зданий и сооружений (ст. 64 ГК РФ), безопасность эксплуатируемых энергетических сетей (ст. 543 ГК РФ) и т. п.).

И тем не менее, следуя потребностям общественного развития, цивилистическая наука все чаще начинает использовать понятие «безопасность» для определения уровня защищенности участников гражданских правоотношений. Так, например, доктор юридических наук В.З. Гуцин приходит к выводу о необходимости закрепления в гражданском праве основных принципов обеспечения безопасности, к которым он относит принципы законности, соблюдения баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; взаимной ответственности личности, общества и государства по обеспечению безопасности [Гуцин 2007, с. 112]. По его мнению, предложенные принципы – результат поиска «баланса между нормами публичного права, обеспечивающего безопасность, и нормами частного права, регулирующего удовлетворение частного интереса» [Гуцин 2007, с. 112].

Аналогичный вывод о взаимообусловленности частного и публичного права был сформулирован в Концепции развития гражданского законодательства, где отмечалось, что многочисленные,

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru

в том числе серьезные экономические, правонарушения, дестабилизирующие экономические отношения и тем самым *наносящие урон национальной безопасности*, зачастую совершаются под прикрытием норм гражданского права². Решение указанной проблемы стало одним из векторов реформы гражданского законодательства.

Однако важно отметить, что обеспечение национальной безопасности будет зависеть не только от поиска механизмов, позволяющих обеспечить частный интерес, не нарушая при этом интерес общественный, но и от обеспечения безопасности конкретной личности в правоотношениях. Таким образом, «безопасность» можно рассматривать как критерий стабильности, опирающийся на добросовестность и предсказуемость поведения участников гражданских правоотношений.

В этой связи стоит поддержать мнение В.В. Абрамова, который определяет безопасность в гражданском праве как «защищенность устойчивого состояния общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, обеспечение стабильного развития имущественного оборота, обеспечение реализации субъективных гражданских прав с целью достижения максимальной эффективности правового регулирования» [Абрамов 2013 с. 114].

Чувство безопасности способствует развитию общественных отношений, а необходимость достижения безопасного состояния способствует развитию права. И в этом смысле определение безопасности в гражданском праве не вводит нового понятия в категориальный аппарат данной отрасли науки, а лишь позволяет концептуально объяснить направления ее развития.

При этом безопасность нельзя рассматривать ни как констатацию фактического состояния, ни как цель. Целью может являться обеспечение безопасности, подбор мер, способов и средств, направленных на ее обеспечение. В этой связи наличие или отсутствие необходимого правового инструментария может свидетельствовать о безопасности или, наоборот, небезопасности тех или иных гражданских правоотношений.

В то же время безопасность у большинства исследователей ассоциируется со стабильностью, которая может быть определена как способность входящих в систему подсистем к корректировке непредсказуемых сбоев путем взаимодействия со средой и друг с другом в пределах допустимых отклонений. Таким образом, стабильность

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

следует рассматривать не как состояние, а как деятельность, связанную с ответом на определенные стимулы, вызывающие изменения [Викторов 2010, с. 149]. Тот же вывод справедлив в отношении определения безопасности, которая предстает как атрибут системы, показатель ее защищенности от деструктивного воздействия внешних и внутренних факторов, позволяющих сохранять равновесие и стабильность системы. Безопасность должна быть обеспечена во всех элементах системы, поскольку дисбаланс элементов может привести ее к разрушению. В этом смысле безопасность может быть обеспечена предсказуемостью поведения субъектов гражданских правоотношений на основе правовых норм, единообразием судебной практики при осуществлении защиты прав субъектов.

Чем сложнее система, тем больше рисков ее функционирования. Но даже простые конструкции нуждаются в использовании дополнительных механизмов, позволяющих не только защитить субъекта в случае нарушения его права, но и выстроить эффективную систему противодействия его нарушению. Рассмотрим это на примере механизма эскроу, появление которого в российском праве ввело в юридический лексикон новое понятие – «безопасная сделка». Данный механизм позволяет обеспечить реальность реализации достигнутых сторонами договоренностей. Исполнение сделки перестает зависеть от добросовестности одной из сторон или от изменения тактики поведения стороны в процессе исполнения договора, что может стать причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения сделки. Сдерживающим фактором от недобросовестного или неадекватного характеру сделки поведения сторон является наличие независимого третьего участника – эскроу-агента, принимающего от одной из сторон (или обеих сторон) сделки на депонирование имущество (в том числе денежные средства), предназначенное в качестве исполнения обязательства, в целях передачи этого имущества другой стороне по сделке при возникновении оснований, предусмотренных договором. Таким образом, эскроу гарантирует исполнение сделки, исключив недобросовестное поведение сторон, тем самым обеспечив ее безопасность.

Безопасность в гражданском праве – отсутствие недопустимого риска причинения вреда (ущерба) правам и законным интересам участников гражданских правоотношений, который может быть исключен путем использования гражданско-правовых средств и ограничений и защита от которого должна быть безусловно гарантирована законом. Обеспечение безопасности гражданско-правовых отношений предполагает реализацию комплексного подхода, включающего в себя систему мер предупреждения и мер реагирования, реализованных с максимальной эффективностью, поз-

воляющих достигнуть поставленные перед ними цели. Подобной эффективностью обладают уже упомянутый выше эскроу, а также институт возмещения потерь, система обязательного страхования и другие новые, а также уже хорошо известные правовые институты. Безопасность в гражданско-правовых отношениях обеспечивается путем выявления и определения особого гражданско-правового режима защиты, например, при осуществлении деятельности, связанной с повышенной опасностью. Особые меры защиты, в зависимости от правового статуса субъектов гражданских правоотношений, также могут способствовать повышению уровня безопасности сделок. Примером тому являются инструменты защиты слабой стороны гражданского правоотношения.

При этом право в своем развитии должно проходить проверку на безопасность новых и существующих правовых конструкций. Отсутствие указанной верификации может иметь весьма негативные последствия. Таким печальным примером небезопасности сделок для большого числа наших граждан стал эксперимент с деятельностью микрофинансовых организаций.

Подводя итог, отметим, что безопасность в гражданско-правовых отношениях является интегрирующим элементом экономической безопасности и безопасности личности, выступая, таким образом, важным звеном национальной безопасности страны. Адаптируя определение безопасности, сформулированное в Стратегии, под нужды гражданско-правового регулирования, можно сказать, что безопасность в гражданско-правовых отношениях – это состояние защищенности субъектов гражданских правоотношений во взаимоотношениях между собой, а также от внешних по отношению к правоотношению угроз, при котором обеспечивается реализация их субъективных прав и интересов.

Литература

- Абрамов 2013 – *Абрамов В.В.* Дефиниция «безопасность» в гражданском праве и законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 4. 2013. Октябрь–декабрь. С. 111–117.
- Викторов 2010 – *Викторов А.Ш.* Социология безопасности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 145–166.
- Гуцин 2007 – *Гуцин В.З.* Национальная безопасность и гражданские права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 110–112.
- Муромцева, Шелков, Богатырева 2018 – *Муромцева А.В., Шелков А.Б., Богатырева Л.В.* Проблемы управления безопасностью сложных систем: К юбилею международной научной конференции // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 1 (11). С. 150–163.

References

- Abramov, V.V. (2013), "Definition of 'safety' in the civil law and the legislation", *Vestnik of Perm University. Legal science*, issue 4, October-December, pp. 111-117.
- Gushchin, V.Z. (2007), "National security and civil rights", *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no 1, pp. 110-112.
- Muromtseva, AV., Shelkov, AB. and Bogatyreva, LV. (2018), "The issues of managing the complex systems security. On the occasion of the jubilee of the international scientific conference", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 1(11), pp. 150-163.
- Viktorov, A.S. (2010), "Sociology of security", *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, no 3, pp. 145-166.

Сведения об авторе

Анна В. Милохова, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; milokhov@mail.ru

Information about authors

Anna V. Milokhova, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; milokhov@mail.ru

Книжная полка

УДК 340(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-299-303

Рецензия на монографию

«Социогуманитарные смыслы и значения права» /
Л.И. Глухарева, П.Е. Земскова, В.Ф. Калина, Г.Ю. Курскова,
М.И. Лавицкая, Е.И. Тимина, В.А. Цыгановкин /
Под ред. Л.И. Глухаревой. М.: РУСАЙНС, 2019. 254 с.

Станислав В. Тимофеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, timofeev@rggu.ru*

Аннотация. В рецензии анализируется монографическое исследование «Социогуманитарные смыслы и значения права», представленное коллективом кафедры теории права и сравнительного правоведения РГГУ. Целеполагание авторского коллектива состоит в активизации научных поисков в направлении описания и исследования новых, до недавних пор не осознанных и не отрефлексированных, онтологических форм и аспектов правовой действительности и разработки альтернативных методологических подходов к их пониманию и анализу. Авторский коллектив, подчеркивая множественность социальных факторов и проявлений права, плюралистичность его смыслов и значений, что отражено и в названии монографии, исходит из того, что право представляет собой не набор абстрактных словесных формулировок, оказывающих императивное действие на социум вне зависимости от его собственной воли, а социальную структуру, конструируемую и воспроизводимую в сознании, мотивации и практиках индивидов и социальных групп.

Ключевые слова: право, теория права, социогуманитарные смыслы, функции права

Для цитирования: Тимофеев С.В. Рецензия на монографию «Социогуманитарные смыслы и значения права» / Л.И. Глухарева, П.Е. Земскова, В.Ф. Калина, Г.Ю. Курскова, М.И. Лавицкая, Е.И. Тимина, В.А. Цыгановкин / Под ред. Л.И. Глухаревой. М.: РУСАЙНС, 2019. 254 с. // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 299–303. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-299-303

© Тимофеев С.В., 2019

Monograph Review

“Socio-humanitarian sense and meanings of law” /
L.I. Glukhareva, P.E. Zemskova, V.F. Kalina, G.Yu. Kurskova,
M.I. Lavitskaya, E.I. Timina, V.A. Tsyganovkin /
Ed. L.I. Glukhareva. M.: RUSAINS, 2019. 254 pages

Stanislav V. Timofeev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
timofeev@rggu.ru*

Abstract. The review analyzes the monographic study “Socio-humanitarian meanings and meanings of law” presented by the team of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Russian State University for the Humanities. The goal-setting of the group of authors consists in intensifying scientific searches in the direction of describing and exploring the new (until recently, not realized and not reflected) ontological forms and aspects of legal reality and developing alternative methodological approaches to their understanding and analysis. The team of authors, emphasizing the multiplicity of social factors and manifestations of law, pluralism of its sense and meanings, which is reflected in the title of the monograph, proceeds from the fact that law is not a set of abstract verbal formulations that have an imperative effect on society regardless its own will, but a social structure designed and reproduced in the consciousness, motivation and practices of individuals and social groups.

Keywords: law, theory of law, socio-humanitarian meanings, functions of law

For citation: Timofeev, S.V. (2019), Monograph Review “Socio-humanitarian sense and meanings of law” / L.I. Glukhareva, P.E. Zemskova, V.F. Kalina, G.Yu. Kurskova, M.I. Lavitskaya, E.I. Timina, V.A. Tsyganovkin / Ed. L.I. Glukhareva. M.: RUSAINS, 2019. 254 p., *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 299–303, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-299-303

Введение

В коллективном сознании российского общества до сих пор не сформировалось устойчивого консенсуального представления о роли и значимости права как необходимого и обязательного элемента общественной жизни. Право по-прежнему воспринимается гражданами преимущественно как инструмент управления в руках государства и политического руководства страны, а не неизбежный и неотъемлемый компонент социальных процессов, вырабатываемый самими их участниками в процессе взаимодействия и не насаж-

даемый государством «сверху». По этой, во многом исторически обусловленной, а потому вполне закономерной, причине правовая сфера как таковая и поныне является предметом активных академических, публицистических и, не будет преувеличением сказать, мировоззренческих дебатов в отечественном информационном пространстве. В более широком контексте ее осмысление связано с присущей отечественной философской традиции рефлексией о надлежащих механизмах государственного управления и справедливой организации государства и общества в целом.

Нынешнее восприятие права российским обществом можно охарактеризовать как вынужденное принятие, постепенное осознание и освоение его в качестве элемента повседневной социальной реальности, в какой-то мере научение правовому мышлению главным образом вследствие столкновения с практическими последствиями действия права в своей жизни. Подобные тенденции пока не отменяют и не преодолевают преимущественно государственническую атрибуцию права в общественном сознании, но способствуют повышению интереса к праву как к социальному феномену, чьи проявления не ограничиваются прескриптивными, регуляторными или запретительными функциями. Данный интерес выражается в том числе в активизации научных поисков в направлении описания и исследования новых, до недавних пор не осознанных и не отрефлектированных, онтологических форм и аспектов правовой действительности и разработки альтернативных методологических подходов к их пониманию и анализу.

Анализ содержания монографии

Оригинальным и примечательным продуктом подобных поисков выступила недавно опубликованная коллективная монография сотрудников РГГУ «Социогуманитарные смыслы и значения права». Она представляет собой одну из первых в отечественной науке работ, в которой делается попытка не просто выйти за рамки редуцированного, сугубо функционального, механицистского подхода к праву, а представить качественно иное концептуальное его понимание как специфической социальной структуры и одной из подсистем общественной культуры.

Инновационность данного понимания обусловлена сознательным и целенаправленным обращением авторов монографии к субъективным истокам и факторам права, рассматриваемым в качестве его фундаментальных основ. В отличие от преобладающего в отечественном правоведении стремления придать праву максимально

объективистский, рациональный характер, обособив как правотворческий, так и правоприменительный процессы от воздействия партикулярных обстоятельств, индивидуальных и коллективных представлений, общественных стереотипов и ценностных установок, представители школы РГГУ, наоборот, намеренно помещают их в центр своей исследовательской картины и не придают им дополнительного или второстепенного значения, а расценивают как системообразующие опоры всей правовой реальности в целом. Авторы исходят из того, что право возникает, формируется, реализуется и развивается в определенном социокультурном контексте, отражая как субъективные мотивы и ценностные установки его участников, так и преобладающие мифы и практики различных социальных групп, а потому право не может рассматриваться в отрыве от них и не должно стремиться к такому обособлению.

Из такой постановки вопроса проистекают две примечательные особенности представленного в монографии понимания права. Во-первых, оно носит расширительный характер: в сферу права, таким образом, инкорпорируются целые сегменты социальной действительности, до недавних пор считавшиеся нерелевантными для нее или такими, значимость которых в юридической теории и практике нужно свести к минимуму. Во-вторых, такой подход придает праву телеологическую сущность, превращая его из нейтрального механизма нормативного регулирования общественных отношений в способ достижения идеального общественного устройства в соответствии с существующими на данном историческом этапе представлениями об общественном и личном благе.

В то же время речь не идет об открытой идеологизации либо политизации права, его превращении в инструмент воплощения в жизнь какой-либо одной доминирующей политической идеологии. Наоборот, авторы всячески подчеркивают множественность социальных факторов и проявлений права, плюралистичность его смыслов и значений, что отражено и в названии монографии.

В тексте монографии затронуты практически все социокультурные аспекты права – антропологический, аксиологический, эстетический, коммуникативный и лингвистический. Некоторые из них освещаются в отечественной юридической науке впервые, в отношении других выдвигаются новаторские методологические подходы и методы исследования. Однако все они объединены исходной референциальной академической позицией о том, что право представляет собой не набор абстрактных словесных формулировок, оказывающих императивное действие на социум вне зависимости от его собственной воли, а социальную структуру, конструируемую и воспроизводимую в сознании, мотивации и практиках индиви-

дов и социальных групп. В таком свете нормативно-ценностные и идентификационные установки индивидуального и коллективного уровней одновременно предвзвешивают создание и утверждение правовых норм и обуславливают его результат.

Заключение

Таким образом, сжатый обзор содержания и тезисов отдельных частей рассматриваемой работы позволяет заключить, что перед нами целостное и оригинальное комплексное научное исследование, выполненное профессиональным авторским коллективом на весьма высоком академическом уровне. Изначальная ориентация на восприятие права сквозь призму субъективного начала позволила сформулировать ряд нетривиальных исследовательских проблем и обозначить возможные пути их решения. И хотя представленные в монографии выводы по ряду поставленных вопросов временами выглядят крайне дискуссионно и неоднозначно, а в отдельных случаях резко контрастируют с общепринятыми в отечественной науке трактовками, их научная ценность является бесспорной как в самостоятельном качестве, так и в качестве предметов дальнейших исследований и академических дискуссий.

В целом нельзя не признать, что изучение социокультурных аспектов права и его рассмотрение в более широкой канве общественных отношений является перспективным направлением научных поисков не только с точки зрения получения новых исследовательских результатов или разработки альтернативных методологических подходов, но и с практической точки зрения, для обеспечения адекватного восприятия, функционирования и развития отечественной правовой системы в соответствии с общественными культурно-ценностными установками и задачами социального развития.

Информация об авторе

Станислав В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; timofeev@rggu.ru

Stanislav V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; timofeev@rggu.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 27.12.2019.
Формат 60×90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 10,6. Усл. печ. л. 10,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 836

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru